

БОЛЬ
ФЕРТАНЫ

417
ЗНАКОЖИТСЯ

Юрий Кларов
ПЕРСТЕНЬ
ЛЮЦИФЕРА

НА БОЕВОМ
ПОСТУ

9.1989

На этих снимках вы видите подполковника А. Шамкеева и его подчиненных. Будни солдат порядка напряженны — в них пульс города.

Фото
А. Александрова.

ПУСТЬ ГОРОД ЖИВЕТ СПОКОЙНО

■ От ефрейтора В. Фатеева и рядового А. Рачиса нарушителю не уйти.

■ Подполковник А. Шамкеев — частый гость в трудовых коллективах.

■ Очень ответственна служба на многотысячном стадионе. Внимательны на маршруте ефрейтор М. Нургазин и рядовой И. Кучуков.

НА Боевом Посту

Издается с 1958 г.

9.1989

В НОМЕРЕ:

... шли
устынным улицам
ерней Ферганы,
льшино было
музыки, ни смеха,
говора людского.
Так бывает только
в прифронтовых
городах, когда
рядом враг
или когда на город
обрушиваются
эпидемии. Здесь
«поработала»
эпидемия страха.

с. 16

манов понял, что
в едующий миг
может произойти
резня, ведь связанные
заложницы оказались
перед двумя
озверевшими
бандитами. Он
рванулся к двери.
Он успел раньше, чем
того ожидали
преступники.

с. 28

Если бы я был
начальником войск...
По просьбе
корреспондента
данной роли
представили себя
некоторые офицеры
войск. Что из этого
получилось — судить
читателю.

с. 33

с. 33

■ СЛОВО НАРОДНОМУ ДЕПУТАТУ

КУЛИКОВ В. Держава должна себя защищать 3

■ ВО ИМЯ ДРУЖБЫ НАРОДОВ СССР

7

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ: ОБЩЕСТВУ — ПРАВДУ О ВОЙСКАХ; О ЖИЗНИ БЕЗ ПРИКРАС; В КОНВЕРТЕ

ОТПИСКА; ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ 8

■ В СОВЕТЕ МВД СССР

13

■ РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЯ

Фергана, лето 89-го 14

СТУДЕНИКИН П. Запах горя и гари 16

■ МЕСТО ПОДВИГА — АФГАНИСТАН

ГОНДУСОВ В. Последней гранатой 22

■ К ОТЧЕТАМ И ВЫБОРАМ В ПАРТОРГАНИЗАЦИЯХ

БОЛЬШАКОВ А. Смотри боевитости 26

■ ПОСЛЕ ЧП

КУЗЬМЕНКО В. Заложники 28

■ БОЕВОЙ СЛУЖБЕ — ЭФФЕКТИВНОСТЬ

УШАР А. Если бы я был начальником войск... 33

■ КАДРЫ. ВРЕМЯ. СТИЛЬ

КОФМАН Э. Сила авторитета или авторитет силы? 36

■ ПУБЛИЦИСТИКА

РАШ К. Поклонимся памяти нашей (окончание) 38

УСКОВ В. Молдавское брожение 44

«Круглый стол»
журнала посвящен
«белым пятнам»
летописи внутренних
войск: мнения
историков, юристов,
ветеранов.

с. 54

«...Жаль, конечно, что
из озера извлекли
лишь один труп.
Но тут уж ничего
не поделаешь,
напарник Йергенсона
не утонул и не мог
утонуть. Ибо, как
твердо был убежден
Тегнер, тот, кому
суждено быть
повешенным, никогда
не утонет».

с. 74

На нашей обложке:
1 с. — этих ребятшек
наш корреспондент
сфотографировал
на военном полигоне
в окрестностях Ферганы,
где нашли спасение
под охраной солдат
внутренних войск
турки-месхетинцы.
Боль Ферганы —
наша общая боль.
Фото А. Александрова.

■ ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

ДЮДНЕВ С. «Срочно исполнить...» 48

■ «БЕЛЫЕ ПЯТНА» ИСТОРИИ ВОЙСК

Знать, чтобы помнить («круглый стол» журнала) 54

* * *

КУПЦОВ В. Урок настоящему и будущему (к 50-летию начала второй мировой войны) 61

■ СЛУЖИТЬ ПО СОВЕСТИ, ОБЕРЕГАТЬ ЧЕСТЬ

И ДОСТОИНСТВО

ТАРАН В. Стиль менять трудно 63

■ МОЛОДЕЖНЫЙ КЛУБ «ПУЛЬС»

ПАВЛОВ О. Боль, боль, боль... 65

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

СОБОЛЬ М. Битвы разного значения (стихи) 52

КЛАРОВ Ю. Перстень Люцифера (повесть, начало) 74

■ В ЧАСЫ ДОСУГА

Конкурс эрудитов 94

■ РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ 96

Главный редактор А. Г. Горлов.

Редакционная коллегия: В. В. Асташин, В. В. Барсуков, Б. Р. Борукаев, Ю. В. Дурнев, Н. М. Захарченко, А. П. Котляров, И. Т. Козлов, В. Ф. Кузьменко, Г. А. Малюшкин, Е. А. Нечаев, Л. А. Панкратов, Л. Н. Печевой, Ю. Л. Ражев (зам. главного редактора), А. С. Сокк, П. А. Студеникин, В. Н. Усков, В. А. Шошин, В. В. Щуров.

Художественное оформление Е. К. Селиковой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.

Адрес редакции: 111250, Москва, Б-250.

Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерия — 361-85-80.

Сдано в набор 5.07.89 г.
Формат бумаги 70×108^{1/16}
Уч.-изд. л. 11,5

Подписано к печати 28.08.89 г.
усл. печ. л. 8,4 + вкл. 1/4 п. л.
Зак. № 1775

Г-25927
Цена 40 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда». Хорошевское шоссе, 38.

ДЕРЖАВА ДОЛЖНА СЕБЯ ЗАЩИЩАТЬ

**НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ СССР, ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В. Г. КУЛИКОВ
БЕСЕДУЕТ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ**

— Как известно, вы, товарищ Маршал Советского Союза, были депутатом Верховного Совета СССР 7—11-го созывов. Ныне вы народный депутат СССР. Каковы ваши впечатления о Первом Съезде народных депутатов, первой сессии Верховного Совета СССР? Что изменилось?

— Попробуем сравнить, что было и что стало. Не хочу сказать, что все в прошлом было только плохо. Однако чего греха таить. На сессиях Верховного Совета преваляло, как правильно заметили некоторые товарищи, покорное большинство. Почти отсутствовали открытость, искренний обмен мнениями, целенаправленная критика. Речи зачитывались по написанному, и нередко создавалось впечатление, что депутат читает чужие мысли.

На Съезде же народных депутатов СССР была широко развернута деловая дискуссия; товарищи выступали раскованно, говорили то, что думали, и то, что хотели сказать, говорили о том, как нам лучше вести перестройку, как изжить недостатки, копившиеся годами и росшие, как снежный ком. Такое поведение народных депутатов СССР было неожиданным, необычным и новым. И это по-настоящему радовало.

На мой взгляд, на Съезде народных депутатов был сразу сделан большой шаг в сторону коренной демократизации нашего общества, крутой поворот к новому мышлению. Чувствовалось, что тот или иной депутат выступает не для того, чтобы кого-то обидеть своей критикой или, говоря

по-простому, кому-то «насолить». Нет! Как правило, народные депутаты направляли свою критику на то, чтобы скорее изжить недостатки, упразднить тормоза, стоящие или возникающие на пути перестройки мешающие внедрению новых хозяйственных механизмов, новых подходов к решению проблем по улучшению жизни советских людей. И все это мне очень импонировало. Были, разумеется, выступления, которые мне не нравились и по форме, и по содержанию, были речи, с которыми трудно согласиться. Однако, полагаю, лучше пусть народный депутат, не боясь, не оглядываясь, выскажет все, что думает и о чем считает необходимым сказать, чем будет думать одно, а речь держать совсем о другом.

— Считаете ли вы, что Съезд выполнил поставленные перед ним задачи?

— Полагаю, что в основном выполнил. Каждый, кто смотрел по телевидению ход работы Съезда, читал о нем в газетах, убедился, что Первый Съезд народных депутатов СССР проложил твердый и верный путь к правовому социалистическому государству, в котором советский гражданин должен быть гарантирован в своей защищенности, прочно уверен в том, что все данные ему Конституцией СССР права претворятся в жизнь.

Далее, это не только мое мнение, а всеобщее, что Съезд народных депутатов СССР стал этапным событием в истории нашей страны, нашего государства. Он не

только усилил в советском обществе веру в необратимость перестройки, но и убедил в том, что ей нет альтернативы, что нет пути назад и, полагаю, не будет.

Если с глубоким вниманием вчитаться в опубликованное в печати 25 июня постановление Съезда народных депутатов «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР», то нетрудно убедиться, что все или почти все пожелания депутатов нашли в нем отражение и обрели законную форму, что оно целиком нацелено на решение проблем перестройки, на искоренение многих явлений, которые мешали и мешают нашему продвижению вперед.

С большим удовлетворением я воспринимаю слова из постановления о том, что высшим смыслом деятельности Советского государства являются материальное благополучие, духовное развитие и нравственное здоровье общества и каждого его члена.

Съезд потребовал от государственных органов решительного поворота внимания к человеку, к дальнейшей демократизации и гуманизации всех сфер общественной жизни, ее духовному обновлению, последовательному проведению принципа социальной справедливости. Надеюсь и даже уверен, что эти слова не останутся на бумаге, а будут претворены в жизнь.

— **Постановление Съезда — это большая, серьезная и длительная программа нашей перестройки. Но, товарищ Маршал Советского Союза, наш народ ведь устал ждать лучших времен. Не так ли!**

— Все это так. И в постановлении об этом говорится прямо и без обиняков. Чтобы добиться коренного повышения уровня жизни народа, сказано в постановлении, нужны время, серьезное повышение эффективности производства, повседневные созидательные усилия трудовых коллективов, хозяйственных органов, всей общественности. Но есть вопросы, требующие незамедлительного решения.

Поэтому Съезд поручил Верховному Совету СССР и Совету Министров СССР принять неотложные меры для того, чтобы уже в ближайшее время стабилизировать ситуацию на потребительском рынке. Верховный Совет СССР уже принял Закон СССР «О неотложных мерах по улучшению пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения» с тем, чтобы, не дожидаясь принятия нового пенсионного закона, поднять минимальный размер пенсий различным категориям пенсионеров и предоставить им ряд дополнительных льгот. Конкретные предложения по всем вопросам должны быть внесены Совмином СССР на рассмотрение Верховного Совета СССР в трехмесячный срок.

— **Вы сказали, что на Съезде были речи, которые не всеми восприняты однозначно. Речи каких именно народных депутатов?**

— Например академика Андрея Дмитриевича Сахарова, несмотря на то, что его высоко ценят и уважают и что в его речах немало справедливого. Многие высказали мнение, что нельзя оперировать слухами, когда выступаешь на таком ответственном форуме, как Съезд народных депутатов СССР, творящий историю. Академик Сахаров обвинил руководство Вооруженных Сил в том, что якобы «с целью избежать пленения» в Афганистане нашим командованием был отдан приказ стрелять по своим же воинам.

Когда из зала послышались голоса с требованием привести факты или назвать источник информации, академик Сахаров заявил буквально следующее: «Я упомянул о тех сообщениях, которые были мне известны по передачам иностранного радио, — о фактах расстрелов «с целью, — как написано в том письме, которое я получил, — с целью избежать пленения...» И далее: «Сейчас этот вопрос расследуется. И до того, как этот вопрос будет прояснен, никто не имеет права бросить мне обвинение в том, что я сказал неправду. До того, пока этот вопрос не подвергнут объективному и строгому расследованию...»

Вот так ставит вопрос академик Сахаров. Но позволительно спросить: а почему еще до «объективного и строгого расследования» он бросает нашему командованию такое страшное обвинение?!

Выступавший на Съезде народный депутат Герой Советского Союза В. Н. Очиров, выполнявший интернациональный долг в Афганистане, опроверг утверждение академика Сахарова.

Народный депутат Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев два с половиной года выполнял свой воинский долг в Афганистане, затем был первым заместителем, а потом начальником Генерального штаба. Он заявил: «Я со всей ответственностью докладываю вам... что ни одного приказа или подобного чего-либо в Генеральном штабе и Министерстве обороны не издавалось, ни одного указания от политического руководства нашей страны мы не получали такого изуверского, чтобы уничтожать своих собственных солдат, попавших в окружение». Далее товарищ Ахромеев довольно резко заявил, что «все это чистая ложь, заведомая неправда, и никаких документов академик Сахаров в подтверждение своей лжи не найдет».

— **За последнее время и в печати, и на различных собраниях и митингах, и на Съезде народных депутатов СССР звуча-**

ла нелюбимая критика наших Вооруженных Сил. Как вы, товарищ Маршал Советского Союза, относитесь к этим выступлениям? Есть ли истина, а стало быть, польза в этой критике? С чем вы согласны, с чем нет!

— Известно, что во всех сферах жизни и деятельности страны, всего народного хозяйства ныне происходит перестройка, упраздняются устаревшие стереотипы и модели, ликвидируются министерства и другие ведомства, пробивают себе дорогу новое мышление, новые подходы к решению всех важных проблем.

Разумеется, перестройка не могла обойти стороной Вооруженные Силы, которые являются составной частью народа, составной частью государства. Возникла необходимость пересмотреть воинские уставы, учесть в них все то новое, что внесли за последние годы жизнь, изменившиеся международная обстановка и условия внутри страны.

Вполне естественно, что советские люди и избранные ими народные депутаты хотят видеть наши Вооруженные Силы в свете абсолютно всех новых требований и веяний. Это закономерное явление.

Далее, скажем честно, за последнее время вскрылись неблагоприятные явления в частях и на кораблях, что вызвало тревогу у советских людей. В Вооруженных Силах, во внутренних войсках служат наши сыны. Они пишут домой письма, ездят на побывки, к ним приезжают родители. Шила в мешке не утаишь. И вот в печати, в письмах, обращенных в партийные и советские руководящие органы, в Министерство обороны СССР и в Министерство внутренних дел СССР, начали поступать сигналы о плохом бытоустройстве личного состава, несправедливости по отношению к солдатам, особенно молодым, о «дедовщине» и других уродливых явлениях, снижающих боеспособность и боеготовность частей и подразделений.

С этой точки зрения критика Вооруженных Сил и внутренних войск и их руководства, к которой, скажу прямо, мы не привыкли и туго привыкаем, принесла и принесит только пользу. К подобной, справедливой критике надо отнестись с должным вниманием и правильно на нее реагировать, принимать все законные и уставные меры к наведению и поддержанию порядка, высокой сознательной дисциплины, повышению боеготовности в частях.

Но есть критика другого рода. И хотя в ней тоже можно найти рациональное зерно, однако со многими ее сторонами я, как убежденный военный человек, согласиться не могу. Перед фамилиями людей

420

часто мы видим их профессию: учитель, врач, слесарь, колхозник, юрист, академик, монтажник и т. д. Перед фамилией военного человека стоит его звание: сержант, лейтенант, майор, генерал и т. д. Это значит, что на военных людях лежит святая обязанность стоять на страже свободы и независимости Родины и народа, на страже их государственных интересов. Каждый из нас понимает, что держава должна иметь все, чтобы защитить себя и свой народ. А для этого ей нужны Вооруженные Силы, ей нужны внутренние войска. Причем отлично обученные, хорошо, по-современному оснащенные, разумеется, в рамках оборонной достаточности. Не будет этого, держава ни себя, ни свой народ, ни богатства свои не в состоянии будет защитить. Это не нуждается в доказательствах. Это аксиома! И пусть простит меня читатель, что излагаю азбучные истины.

Поэтому всякая критика, направленная на то, чтобы ликвидировать Вооруженные Силы вообще или создать вместо нынешней регулярной Армии наемную, и другие подобные прожекты не приемлемы, потому что несерьезны. Невозможно принять и предложение о создании в союзных республиках своих воинских формирований. Ни к чему толковому это привести не может. Требуется общая Армия СССР, нужны единые принципы и единый метод ее формирования, обучения, организация взаимодействия видов и родов войск, единая военная доктрина. Такая держава, как Союз Советских Социалистических Республик, обязана сохранять свои Вооруженные Силы, у которых с течением долгих лет сложились свои принципы формирования и организации, свои богатейшие боевые традиции, уставы, разрабатываемые на основе научного обобщения опыта в их разнообразной боевой и учебной деятельности. Какой смысл разрушать то, что мы имеем, то, что досталось нам после многих исторических перипетий, потрясений, особенно после Великой Отечественной войны.

Свои Вооруженные Силы как оплот мира, как надежную защиту Отечества надо любить и пестовать всеми народами СССР. Это мое глубокое убеждение, которое сложилось у меня с годами военной службы, на основе большого личного опыта.

— В связи с событиями в Нагорном Карабахе, Сумгаите, Ереване, Тбилиси на Съезде народных депутатов и в печати прозвучала довольно острая критика в адрес внутренних войск МВД СССР. Как вы, товарищ Маршал Советского Союза, оцениваете все эти события, справедлива ли подобная критика в адрес солдат порядка!

— Вы мне задали сложный и довольно-таки щепетильный вопрос. Своими глазами я не смог ничего видеть, отвечать могу, основываясь только на том, что услышал на Съезде народных депутатов, что прочитал в газетах и журналах, что узнал из разговоров при встречах с разными товарищами, коллегами. Однако все почерпнутые мною сведения далеко не полностью раскрывают картину.

Обратимся к событиям в Тбилиси. Для этого прочитаем стенограмму выступления командующего войсками Краснознаменного Закавказского военного округа, народного депутата генерал-полковника И. Н. Родионова и сопоставим с тем, что говорил на Съезде народный депутат Д. И. Патиашвили, бывший первый секретарь ЦК Компартии Грузии, а также с тем, что сообщалось в телеграммах ЦК Компартии Грузии, направленных в ЦК КПСС. Эти телеграммы зачитал на Съезде народных депутатов первый заместитель Председателя Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов. Что нам показывает это сопоставление? Можем мы здесь установить истину, правду о том, почему в Тбилиси пролилась невинная кровь? Нет.

Естественно, что Съезд народных депутатов поступил разумно, создав парламентскую комиссию, на которую возложил обязанность объективно и скрупулезно разобраться во всех перипетиях событий, происшедших в Тбилиси. А пока комиссия не объявит своих справедливых выводов, я просто не вправе высказывать те или иные суждения о том, правильно или неправильно вели себя подразделения Советской Армии и внутренних войск.

— А о событиях в Ферганской долине Узбекистана, о роли внутренних войск?

— Что же касается действий внутренних войск в Фергане, то тут мое мнение однозначно: они действовали решительно и в рамках закона. Это подтвердила Комиссия во главе с членом Политбюро ЦК КПСС Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым.

Внутренние войска, на мой взгляд, действовали в Узбекистане по долгу службы и совести, проявляли стойкость и мужество. Бандиты, хулиганы и экстремисты вели себя нагло, будучи оснащены и огнестрельным, и холодным оружием — пиками, топорами, ножами. И вот в таких экстремальных условиях личный состав делал все, чтобы защитить, обезопасить граждан.

— Сильное неудовольствие вызвал у критиков Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного по-

рядка» от 28 июля 1988 года. Высказывалось мнение, что этот Указ антидемократичен, дает неограниченные и неконтролируемые права внутренним войскам, нацеливает сыновей, служащих во внутренних войсках, против своего же советского народа, против его прав на митинги и демонстрации. Так ли это? Как, по вашему мнению, товарищ Маршал Советского Союза!

— Да, и с трибуны Съезда народных депутатов слышалась подобная критика. Однако, как помнится, депутаты меньше говорили о существовании самого Указа, а больше о том, что был он принят келейно, поспешно, без серьезного обсуждения с юристами, с компетентными работниками и с общественностью. В этом некоторые товарищи усмотрели антидемократичность.

Полагаю, что абсолютно несерьезно утверждать, будто Указ нацеливает личный состав внутренних войск против своего же народа. Говорить можно все что угодно, но все должно соответствовать правде, истине.

Вот Указ от 28 июля 1988 года. Я читаю в нем такие гуманные строки:

«Характер обязанностей, выполняемых внутренними войсками Министерства внутренних дел СССР, требует от каждого военнослужащего строго соблюдать социалистическую законность, быть честным, правдивым и храбрым, справедливым в обращении с гражданами, мужественно и самоотверженно защищать их личное достоинство, конституционные права и свободы от преступных посягательств и иных антиобщественных действий». Если Указ от 28 июля 1988 года выполнять статью в статью, строка в строку, буква в букву, то внутренние войска оказываются на высоте. Это показывает вся их практика последнего времени. Это подтверждается действиями личного состава внутренних войск в Ферганской долине и в других местах. Указ нацеливает внутренние войска на защиту прав советских людей.

А совершенен ли Указ от 28 июля 1988 г., все ли аспекты действий внутренних войск по охране общественного порядка он избрал, на этот вопрос должны специалисты дать компетентный ответ, а не я.

— Спасибо, товарищ Маршал Советского Союза, за то, что вы согласились ответить на вопросы, интересующие читателей журнала «На боевом посту». На прощание: что вы пожелаете внутренним войскам!

— Отличной службы, народной любви за то, что они верно и умело охраняют покой и благополучие советских людей.

Во имя дружбы народов СССР

ПРОЕКТ ПЛАТФОРМЫ КПСС
«НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ»

ОДОБРЯЕМ, ОБСУЖДАЕМ, ПРЕДЛАГАЕМ

ПЕРЕДО МНОЙ ПРОЕКТ «Национальная политика партии в современных условиях» (платформа КПСС). Читаю, вникаю, размышляю. Насколько необычный документ! По сути дела, это открытый совет высших партийных органов с рядовыми коммунистами, со всем советским народом по острейшему сегодня из вопросов.

Особенно беспокоит всех сегодня состояние межнациональных отношений, конфликты, возникающие на этой почве. Наши офицеры часто задавались вопросом: на чем строить воспитательную работу с солдатами, где взять аргументы, факты, как укрепить уверенность военнослужащих в правильности ленинских принципов национальной политики, которые возрождаются сегодня? Ответы на все эти вопросы содержатся в проекте платформы КПСС.

Для нас же, войсковых пропагандистов, этот документ — реальная, мощная платформа деятельности, конкретный большой объект работы. И нет сомнений, что в ходе изучения и обсуждения он будет дополнен, углублен, а после утверждения на Пленуме ЦК по межнациональным отношениям станет не только партийной платформой, но и общегосударственной программой в интересах каждого человека нашей страны. Ведь к какой бы национальности кто из нас ни принадлежал, все мы — советский народ. И помнить об этом надо всегда.

Майор В. ХАЙЛАК,
пропагандист части.

СВОЛНЕНИЕМ И НАДЕЖДОЙ слежу за дискуссией, разнервавшейся по проекту платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях».

Надежда моя связана вот с чем. Советскому обществу на его пути радикальных реформ нельзя забывать о наших бесспорных завоеваниях. Мне непонятно, почему многие из тех, кто выступает ныне с разного рода критикой прошлого, готовы перечеркнуть все позитивное. Ведь советская национальная политика, у истоков которой стоял Ленин, создала основы для сплочения людей разных национальностей, заложила фундамент их дружбы. Той самой, что выдержала экзамен Великой Отечественной войны. Как фронтовик, я это знаю не понаслышке.

Конечно, нельзя замалчивать наших недостатков. Были ошибки, и немалые. Были и репрессии, в том числе и насильственное переселение целых народов. Это все наша общая боль. Но прежде чем обвинять и осуждать, надо бы в каждом конкретном случае добраться до истины.

Как человека, находившегося более со-

рока лет в боевом строю, меня оскорбляют нападки иных товарищей, даже из числа отдельных народных депутатов СССР на военных, на в/учреждения войска. Договариваются до того, что настало-де время отказаться от тех, кто обеспечивает общественный порядок в стране, а армейские части развести по национальным квартирам...

Но кто встанет на защиту людей, окажись они в ситуациях, подобных Сумгаиту Фергане, Нагорному Карабаху?.. А кто будет защищать Союз, случись война? Возможность-то ее отнюдь не исключена!

Армия, войска всегда были и должны остаться школой интернационального воспитания. На мой взгляд, эту мысль необходимо четче отразить в обсуждаемом документе.

Полковник в отставке И. ВЕСЕЛОВ,
член КПСС с 1941 года.

Я ПОЛНОСТЬЮ РАЗДЕЛЯЮ МНЕНИЕ моих сослуживцев, высказанное в ходе обсуждений проекта платформы КПСС: «крайне своевременный, очень жизненно необходимый документ. Вместе с тем хочу поделитьсЯ своими соображениями, которые возникли чуть раньше — когда пришлось восстанавливать общественный порядок в Закавказье».

Встречи и многочисленные беседы с жителями Еревана чаще всего затрагивали положение в НКАО. И армяне, и азербайджанцы очень болезненно реагировали на любые ущемления прав и свобод людей, проживающих в Нагорном Карабахе. Думается, таких обид было бы меньше, если бы автономным регионам было предоставлено больше прав. Поэтому предлагаю в разделе «Поднять роль и правовой статус национальной автономии» пятый абзац закончить словами: «Предоставить автономным республикам и областям статус союзных республик».

Еще одно предложение. Дополнить перечень направлений национальной политики (заключительные абзацы раздела «Какое наследство нам досталось») следующей фразой: «— обеспечение каждой нации равноправного участия в решении всех государственных вопросов независимо от того, в каком регионе союзного или автономного деления она проживает».

Полагаю — и в этом меня убедила служба в Закавказье, — что надо как можно внимательнее прислушиваться к каждому «малому» народу, на деле предоставлять ему равные с другими нациями права.

Майор В. ЗУБРИЦКИЙ,
секретарь парткома части.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

- ОБЩЕСТВУ — ПРАВДУ О ВОЙСКАХ
- О ЖИЗНИ БЕЗ ПРИКРАС
- В КОНВЕРТЕ ОТПИСКА
- ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

ВНОШУ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

РАСШИРИТЬ КРУГ ЧИТАТЕЛЕЙ

Уважаемая редакция!

Наш журнал за последнее время заметно изменился к лучшему и из месяца в месяц находит все больше читателей. Жаль, что их круг ограничен рамками войск. Ведь в гражданских условиях до обидного мало пишут о тех, кто несет нелегкую службу по охране ИТУ, общественного порядка. Создается впечатление, что информация о внутренних войсках к населению поступает в основном из одного источника — от бывших осужденных. Наверное, надо признать, что фильмы типа «Кирпичный флаг» и «Караул» (который снимается) — это и наша недоработка. Ведь они принесут людям опять-таки неполную, а то и тенденциозно поданную информацию.

Почему общество не знает важности, ответственности, сложности и огромной напряженности нашей службы? А знает ли оно, в каких условиях находятся наши солдаты, прапорщики и офицеры? Не получается ли так, что, изолировав от себя преступников, общество не интересуется тем, как идет процесс перевоспитания, какова его система, кто этим занимается, в каких условиях находятся те, кто нарушил закон, и те, кто осуществляет за ними надзор? И наконец — является ли вообще наша служба общественно необходимой? Если да, то соответствует ли этот труд тем «благам», которые получают наши военнослужащие от общества?

Майор В. НИКИФОРОВ, секретарь парткома части.

ПОСЛЕ КРИТИКИ

ПРИВЛЕЧЕН К СУДУ ЧЕСТИ

Поступил ответ на реплику «Кто виноват!», опубликованную в третьем номере журнала за этот год. Генерал-майор Л. Микитенко сообщил, что по письму прапорщика В. Лепихиной была проведена повторная проверка. Начальник финслужбы части капитан В. Тиковцев за личную недисциплинированность и недостатки в служебной деятельности привлечен к суду чести младших офицеров. При определении ему меры наказания учтены факты обоснованных жалоб военнослужащих на несвоевременную выплату им дополнительных видов довольствия.

НЕДОУМЕННОЕ ПИСЬМО

ЗАЧЕМ ЖЕ УЧИЛИ?..

Служу во внутренних войсках с 1985 года. В сентябре того года меня направили на курсы прапорщиков. После окончания их звания, однако, не присвоили. Считаю, что из-за натянутых отношений с комбатом. В следующем году вновь отправили на те же курсы, но меня вернули в часть — по два раза не учим! В начале этого года опять послали учиться... Тогда попросился на прием к начальнику УВВ. Он обещал разобраться. Когда я прибыл в часть, получил нагоняй в отделе кадров: зачем ходил к генералу? А звания так и не присвоили. Семья (а мы ждем второго ребенка) живет далековато от места службы, существую на один мой небольшой заработок. Очень прошу помочь в моем деле.

Младший сержант
Б. АЛИЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Как нам сообщил начальник Приволжского УВВ генерал-майор В. Пономарев, звание младшему сержанту Б. Алиеву не присваивалось из-за упущений в службе. Из недостатков Б. Алиев сделал выводы. В настоящее время рассматривается вопрос о присвоении ему воинского звания «прапорщик».

НА СЛОВАХ ОДНО А НА ДЕЛЕ...

Че 7

Мой муж старший прапорщик Н. Пух в 1980 году выезжал в Афганистан для выполнения интернационального долга. Как гордились им тогда в части! Ведь он был в числе первых, кто по велению долга и сердца направлялся помогать защитникам Апрельской революции. И после возвращения из длительной командировки, а точнее с войны, какое-то время к Николаю отношение было самое теплое.

Но шли годы, и о войне-интернационалисте начали забывать. Даже на 23 февраля не считают теперь нужным поздравить...

Не стала бы писать об этих сугубо личных обидах, хотя вижу, как муж переживает такое к себе отношение. Но не выдержала. Переполнило чашу терпения, когда

в ходе сокращения в подразделении выбор пал именно на него. Когда же стала интересоваться, как так могло получиться, почему воин-интернационалист оказался крайним, обнаружилось: мало кто помнит о заслугах Николая.

Поймите, не нужны нам никакие исключения, привилегии, почести. Но как же можно забывать о том, что в мирные дни человек ходил под пулями, что там, на чужбине, подорвал здоровье?..

Неужели мы так и будем всегда с трибун, через средства массовой информации говорить высокие слова и тут же своими поступками их обесценивать?

С уважением Людмила ПУХ.

*УВВ по Украинской ССР
и Молдавской ССР.*

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

КАК ДОБРЫЕ СОСЕДИ

В нашем дворе, в здании спортивной школы по улице Олега Кошевого, 10 Б, города Еревана, временно размещено подразделение внутренних войск, личный состав которого принимает участие в поддержании общественного порядка в микрорайоне.

Славными парнями оказались солдаты с буквами «ВВ» на погонах. Для нас они как добрые соседи, с ними приятно общаться. Воспитанность, дисциплинированность, вежливость, теплое отношение к детишкам — все это побудило нас, жителей близлежащих домов, написать в журнал, чтобы выразить военнослужащим и их командирам глубокую благодарность.

От чистого сердца кланяемся мы низким поклоном родителям, вырастившим и воспитавшим таких замечательных сыновей.

От имени жильцов члены домового комитета: Р. ПОГОСЯН, Т. АНДРОСОВИЧ, А. КАГРАМАНЯН и другие.

ПОВТОРНЫЙ ЗАПРОС

«...ОКАЗЫВАЕТСЯ ПОМОЩЬ В ПРОПИСКЕ»

В шестом номере журнала за этот год под рубрикой «Не могу молчать» опубликовано письмо прапорщика С. Проценко «Почему я не участвовал в выборах?» В нем автор без прикрас рассказал о трудностях, с которыми постоянно сталкиваются члены его семьи, из-за отсутствия прописки лишенные элементарных конституционных прав.

Откровенное и горькое своей обжигающей правдой письмо. И готова его к печати, мы рассчитывали на соответствующую реакцию. Но вот пришел официальный ответ. Приводим его дословно:

«Сообщаю, что на все вопросы, поставленные прапорщиком С. Проценко в его письме в редакцию, даны исчерпывающие ответы. В настоящее время ему оказывается помощь в прописке по адресу воинской части...»

Хочется спросить подписавшего документ начальника УВВ по Западной Сибири генерал-майора В. Гафарова: а как же оценено бездумие тех, кто многие месяцы и даже годы был глух к нуждам подчиненного? Почему пропиской военнослужащего, оказавшегося в затруднительном положении, занялись лишь после обращения Проценко

в печатный орган? Почему не названы поименно те, к кому подходил отчаявшийся человек и кто от него отмахивался как от надоевшей мухи?..

Не нашло отражения в ответе и другое — какие выводы сделали командиры С. Проценко, а также должностные лица в других частях: наверняка в подобном положении может оказаться любой другой военнослужащий.

Редакция ждет более обстоятельного ответа на свой запрос.

1. МЕДАЛЬ БЕЗ ДОКУМЕНТА

7 ноября 1988 года я был награжден медалью «За безупречную службу» II степени. Вручили мне ее без удостоверения.

На мой вопрос, как быть с удостоверением, мне пояснили, что оно выдается единое только к медали III степени. Но третьей степенью меня не награждали. Как же теперь быть?

Я обратился с рапортом по команде, а ответа не получил. Ситуация сложилась странная: если я не достоин награждения III степенью, так за что мне дали тогда II степень медали? Выходит так, что 10 лет я не служил, а 15 лет уже прослужил... Прошу вас ответить, как можно вручать медаль без документов и как можно вручать вторую степень без третьей?

С уважением

старший лейтенант Е. ИВАЩЕНКО.

От редакции. Как сообщил нам полковник И. Барабаш, тов. Иващенко, прибывший в часть в августе 1982 года, не представлялся к награждению медалью «За безупречную службу» III степени, так как у него имелись неснятые дисциплинарные взыскания и недостатки по службе. После устранения их 27 июля 1988 года он был представлен к награждению медалью

II степени. Удостоверение к медали ему не выдали по вине бывшего командира части подполковника В. Сердюкова и помощника начальника штаба майора Н. Ногина. Должностные лица строго предупреждены за халатность. Удостоверение старшему лейтенанту Е. Иващенко выписано.

2. НАГРАДИТЬ ЗАБЫЛИ

Прапорщик И. Паршин в своем письме просил содействия в получении юбилейной медали «70 лет Вооруженных Сил СССР» ему и его товарищу прапорщику В. Заторкину. К этой награде оба военнослужащих представлялись по старому месту службы. С переводом в другую часть о награждении забыли, что и заставило человека обратиться в редакцию.

Как сообщил нам полковник В. Грицко, юбилейные медали отправлены в подразделение для вручения прапорщикам В. Заторкину и И. Паршину. Редакция поздравляет прапорщиков с наградой. Однако соответствующих должностных лиц, где проходили и сейчас проходят службу эти товарищи, поздравить не с чем — свои непосредственные обязанности они выполнили лишь после вмешательства печатного органа.

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

Эти два письма, а также ответы на запросы по ним согласился прокомментировать уже потому, что и в том и в другом случае к людям отнеслись бездушно. И что еще немаловажно — сигналы о формальном подходе к награждению военнослужащих, к сожалению, не редкость не только в редакционной почте, но и у нас.

Теперь конкретно о письмах. Они говорят прежде всего о том, что людям на местах не разъяснили как следует порядок представления к наградам, более того — должностные лица поверхностно подошли к выполнению своих обязанностей.

Возьмем первый случай. Согласно действующему положению лица, безупречно прослужившие к 7 ноября 10 лет, награждаются медалью «За безупречную службу» III степени, 15 лет — медалью II степени, 20 лет — медалью I степени. Те же, кто имеет взыскания или отрицательно характеризуется, к награждению не представляются до снятия взыскания и устранения недостатков в служебной деятельности и поведении. Представление производится к награждению только той медалью, степень которой соответствует выслуге лет ко дню награждения. При первом награждении вместе с медалью (а это может быть медаль любой степени) военнослужащему вручается удостоверение установленной формы.

Что касается ситуации с прапорщиками И. Паршиным и В. Заторкиным, то тут кадровики проявили полную некомпетентность. Они просто обязаны были знать, что военнослужащие, подлежащие награждению любой медалью (за исключением юбилейных), перемещенные по службе до 1 мая, представляются к награде по новому месту, а те, кто убыл после 1 мая, — по прежнему месту службы. Юбилейную медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР» прапорщикам должен был вручить командир той части, в списках которой они состояли на 23 февраля 1988 года. При убытии их в другую часть после 23 февраля медали следовало выслать по новому месту службы награжденных.

В заключение хотелось бы отметить, что при представлении к наградам всем соответствующим должностным лицам следует быть особо точными и принципиальными. Ведь порой людям неловко напоминать о положенной им награде, заявлять: я, мол, достойный, не забудьте. Здесь уж вышестоящие начальники обязаны быть чуткими вдвойне. Нам, например, непонятно, почему тот же Е. Иващенко не был представлен к награждению медалью командованием Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, в котором он учился в 1981—1982 годах. И не забывая о сроках представления, просто необходимо предавать гласности те случаи, когда медаль не вручается людям, отрицательно характеризующимся по службе и дисциплине, недостойным.

Полковник И. ТКАЧЕНКО, старший офицер управления кадров ГУВВ МВД СССР.

КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ

А БЮРОКРАТУ ВСЕ НИПОЧЕМ

С некоторых пор почувствовал, что начали одолевать недуги. Крепился как мог, не хотел подводить сослуживцев. И пенсию побольше, конечно, старался заработать. Когда же исполнилось 25 лет службы, решил: хватит. Попросил; чтобы направили на обследование. Военно-врачебная комиссия признала меня негодным к военной службе в мирное время и направила соответствующее заключение в часть. Однако там отнеслись к нему бюрократически: не прочитав даже (в этом я убедился, побывав в строевой части), положили в папку личного дела и забыли обо мне. Когда же напомнил о себе, ПНШ по строевой майор И. Лимонов заявил, дескать, нет у меня оснований для увольнения. Пришлось объяснить офицеру то, что он просто обязан знать сам. Кажется, разобрались в ситуации. Но и после этого ничего не изменилось.

Неоднократно навещался к тов. Лимонову, чтобы узнать, когда же наконец решится мой вопрос. И всякий раз слышал ссылки на занятость. А в последний визит мне предложили вновь лечь в госпиталь на обследование...

Больной, я продолжаю ходить на службу, хотя делать это все труднее и труднее. Но бюрократу, видимо, трудно увидеть из-за бумаг конкретного чело века с его проблемами и чаяниями.

Но почему у нас зачастую надо обязательно кого-то упрашивать, перед кем-то унижаться там, где все должно решаться само собой, строго по закону, компетентно, без проволочек?

А может, настало время с бюрократами по-иному разговаривать?!

Прапорщик И. АДЖГАУСКАС.
Ордена Красной Звезды УВВ по Северо-Западу и Прибалтике.

ОТ РЕДАКЦИИ. На наш запрос поступило сообщение из соединения. Из него следует, что за халатное отношение к своим обязанностям майору И. Лимонову объявлен выговор. Заявителю принесены извинения. Вопрос о его увольнении из войск решен положительно.

ДАВАЙТЕ РАЗБЕРЕМСЯ

ВИДЕО В СОЛДАТСКОМ КЛУБЕ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

Недавно я навестила сына, который служит на Украине. Порадовалась, что все у него складывается неплохо. Но в его рассказе об отдыхе меня насторожил один факт. С недавнего времени в солдатском клубе части стали регулярно показывать видеофильмы. Как будто такое начинание надо только приветствовать. Однако... Смущает цена билета—1 руб. 50 коп. за один просмотр. Учитывая, что «видики» демонстрируются не реже, чем раз в неделю, только на это удовольствие уходит все месячное денежное содержание солдата. В связи с этим в роте сына сложилась нездоровая обстановка: все друг у друга в должниках, участились случаи вымогательства денег «дедами» у молодых воинов.

Порой дело доходит до ссор и скандалов.

Волнует меня и другое: какое воздействие оказывают иные боевики (а именно такого характера видеофильмы наиболее распространены) на наших детей? Зрелища сомнительного содержания почти открыто пропагандируют культ насилия, секса, отказ от всяких нравственных норм. Место ли таким зрелищам в армии?

Неужели об этом «опыте» не знают в политотделе части? Неужели он неизвестен офицеру В. Закускину?

А может, попросту я несовременная и зря так остро ставлю эти вопросы? Помогите разобраться.

С уважением мать солдата Б. Е.

ЕСТЬ МНЕНИЕ

К ВОПРОСУ О КРАСОТЕ

Понравилась нам предложения по военной форме одежды, что были опубликованы в № 5 журнала. Всем хочется выглядеть красиво на службе. А нам, женщинам, тем более. Вот

и предлагаем: нельзя ли нам ввести пилотки — как женщинам, служащим в милиции? Это и удобно и красиво, а то берет-«блины» в полевых условиях просто с головы сдувает. И еще

обувь... Стыдно стоять на строевых смотрах в гражданских сапогах разного цвета. Хотелось бы иметь удобные (и красивые!) женские сапожки военного образца. Но не кирзовые с нашего вещевого склада!

Сержант О. ИВАНОВА,
старший сержант
Л. КУНГУРОВА.
УВВ по Западной Сибири.

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

«РЕЦИДИВ ЗАСТОЙНОЙ ПСИХОЛОГИИ» (1989, № 1)

Поступило сообщение из политотдела внутренних войск по Украинской ССР и Молдавской ССР о том, что критический материал признан правильным и нужным. Статья изучена в политотделах и партполитаппаратах частей, с офицерами, прапорщиками, партийным и комсомольским активом.

Командование и политотдел УВВ и части оказали практическую помощь офицерам батальона и роты, упомянутым в статье, в организации служебно-боевой деятельности, совершенствовании учебного процесса, профилактике неуставных взаимоотношений и предупреждении преступлений на этой почве, создании нормальных жилищно-бытовых условий для личного состава.

К лицам, допустившим правонарушения, своим бездействием способствовавшим созданию предпосылок и условий для совершения преступлений и проступков военнослужащими роты, приняты строгие меры дисциплинарного и общественного воздействия. Офицер К. Осипов за рукоприкладство к подчиненному осужден судом чести младших офицеров и снижен в воинском звании. Прапорщик В. Есип уволен из войск. За

беспринципность освобожден от занимаемой должности заместитель командира батальона по политической части майор А. Громов. Ему объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку члена КПСС.

Освобожден от занимаемой должности и назначен с понижением командир роты капитан Н. Донин. Ему также вынесено строгое партийное взыскание.

К дисциплинарной и партийной ответственности привлечены командир батальона майор Ш. Муксимов, заместитель командира роты по политической части лейтенант О. Хабнер. За допущенные проступки исключены из членов ВЛКСМ младший сержант А. Луковенко и рядовой А. Остапцов.

Проведенные в батальоне и роте организационные и политические мероприятия по укреплению воинской дисциплины дали свои положительные результаты. В коллективе складывается нормальная морально-психологическая обстановка, люди стали трудиться лучше, утверждается атмосфера гласности, доверия и взыскательности.

«РЯДОМ ТУБЕРКУЛЕЗ» (1989, № 4)

Начальник УВВ по Уралу генерал-майор З. Сидоренко сообщил, что требования контролеров, осуществляющих надзор за осужденными, больными туберкулезом, вполне обоснованы. Вопрос решен: ныне все они получают льготы, определенные соответствующими приказами и тарифным разрядом колонии строгого режима.

ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО

ПОДУМАЕШЬ — СУММА!..

Вроде и яйца выеденного не стоила ситуация, о которой рассказали в своем письме прапорщики А. Илларионов и В. Курочкин. Живут они в общежитии роты с октября 1987 года. Первые два месяца питались в солдатской столовой, естественно, не бесплатно. Потом отказались от этой услуги, а деньги с них все равно высчитывали. И к какому только начальству ни

обращались они — никаких результатов. Через пять месяцев упрасиваний обратились прапорщики в редакцию.

Мы послали запрос в управление по Северо-Западу и Прибалтике. И вот пришел ответ за подписью генерал-лейтенанта В. Саввина. Выяснилось, что деньги с тт. Илларионова и Курочкина удержаны были незаконно и им возвращены.

Начальнику продовольственной службы части старшему лейтенанту Гавриленко объявлен выговор. Заместители командира части подполковник Даргель и майор Борисов заслушаны на партбюро части.

Итак, меньше чем за месяц разрешился вопрос, который волокитили почти полгода. Что это — головотяпство? Или неуважение к людям?

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

НА ПРЕСТУПНОСТЬ — ЕДИНЫМ ФРОНТОМ

5 августа 1989 года состоялось очередное заседание Совета МВД СССР. Открывая его, председатель Совета Министр внутренних дел СССР генерал-лейтенант В. В. Бакатин отметил, что в стране за последнее время резко возросла преступность, в том числе организованная. Прогрессирует теневая экономика, спекуляция, коррупция. Общество сталкивается с новыми, непривычными криминальными проявлениями, такими, как рэкет, жестокие акты насилия, столкновения враждующих молодежных группировок, вспышки национального экстремизма. Об этом красноречиво говорят и статистические данные о состоянии преступности, оценка оперативной обстановки в стране за первое полугодие.

Подчеркивая важность принятого Верховным Советом СССР постановления «О решительном усилении борьбы с преступностью», генерал-лейтенант В. В. Бакатин проинформировал присутствующих, что уже в самое ближайшее время в Союзе ССР, союзных и автономных республиках, краях, областях, в республиканских, краевых и областных центрах будут созданы временные комитеты по борьбе с преступностью в составе руководителей органов прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности, судов и юстиции, народных депутатов СССР, избранных или работающих на соответствующей территории. Они будут осуществлять контроль за реализацией конкретных мер, направленных не только на пресечение преступлений и наказание их участников, но и на устранение причин, социальных корней преступности. Кроме того, за отводимые постановления два года комитеты должны внедрить в практику механизм координации усилий правоохранительных органов и трудовых коллективов, ведомств, организаций. То есть они будут своеобразными центрами, которые возглавят процесс оздоровления обстановки в стране на принципах демократии, законности и высокого профессионализма.

Уже сейчас принимаются меры, создающие реальную возможность сотрудникам органов внутренних дел и прежде всего милиции решительно пресекать действия преступных элементов. В частности, Верховным Советом СССР предложено разработать в соответствии с законодательством порядок использования милицией и внутренними войсками в критических условиях борьбы с уголовным элементом исключительных мер, включая применение оружия при возникновении ситуаций, представляющих особую опасность.

Министр внутренних дел СССР заострил

внимание членов Совета и на вопросах правовой защищенности работников милиции, воинов внутренних войск. Он отметил, что в ходе разработки нового уголовного законодательства будут предусмотрены меры по усилению уголовной ответственности за посягательство на жизнь и достоинство сотрудников МВД и других лиц, участвующих в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка. Принято решение увеличить численность внутренних войск для применения необходимых мер в случаях массового неповиновения преступных элементов, по незамедлительному оснащению милиции автомашинами, портативными рациями, вертолетами и другой техникой и оборудованием.

Продолжая разговор, Министр внутренних дел Украинской ССР генерал-полковник внутренней службы Гладуш И. Д., командир соединения внутренних войск полковник Борисенко В. А., начальник ОБХСС Первомайского РОВД г. Пензы капитан милиции Дружинин А. А., писатель Адамов А. Г., журналист Свиридов В. И., другие члены Совета с большой озабоченностью говорили о совершенствовании работы правоохранительных органов в условиях перестройки, о необходимости более качественной профессиональной и физической подготовки сотрудников милиции, военнослужащих внутренних войск, укреплении тесных связей с государственными и общественными организациями, о концентрации сил на профилактике правонарушений и других проблемах.

Выступающие вносили смелые, неординарные предложения. Причем по многим вопросам решение принималось здесь же, на заседании Совета. В частности, в порядке эксперимента было решено ввести в некоторых совхозах и колхозах Украинской ССР муниципальную милицию — участковых инспекторов за счет местных средств. Вызвали живой интерес и проблемы ЛТП, вопросы подчиненности контролерского состава в ИТК. Предложено установить для профилируемых различные режимы содержания, то есть разделить впервые попавших в лечебно-трудовые профилактории от тех, кто ранее был судим и отбыл срок в местах лишения свободы.

Суды, прокуратура, милиция, другие правоохранительные органы на местах должны незамедлительно принять все необходимые и самые решительные меры с тем, чтобы надежно обеспечить в стране общественный порядок, безопасность граждан от посягательств на их жизнь, здоровье, честь и имущество. Таков был главный вывод Совета МВД СССР.

Разве можно забыть кровь и пожары Ферганы? Нет! И повториться такое не должно.

■ Маршрут патрулирования рядовых Вадима Александрова и Романа Валиахметова пролегал у домов, где жили турки-месхетинцы. Жили...

■ В руках полковника И. Рубцова патроны, только что изъятые у задержанного экстремиста. В кого ударила бы картечь?

■ Завалы, устроенные на дорогах, приходилось разбирать солдатам.

■ В кабине вертолета рядовой Д. Долгополов.

■ Прапорщик Инна Семеновна Моисенко оказывала помощь раненым в боевых порядках.

■ Слова вспышка насилия. Вертолетный десант внутренних войск спешит на помощь людям.

Фото
А. АЛЕКСАНДРОВА
и В. ПАНДЕЛЕЙМАНА.

ФЕРГАНА. ЛЕТО 89-ГО

«Мы, офицеры, прапорщики, сержанты, курсанты и солдаты Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, по приказу командования прибыли в Фергану для оказания помощи местным партийным и советским органам в наведении и поддержании общественного порядка, защите мирного труда и отдыха граждан от противоправных действий со стороны преступных элементов...»

Среди прибывших в Фергану есть представители всех национальностей нашей великой Родины, в том числе узбеки. Глубокой, нестерпимой болью в сердце каждого солдата отзывается каждая оборвавшаяся жизнь женщин, детей и стариков от рук экстремистских элементов.

Трудно поверить, что национальные неурядицы выльются в расправу более молодой и сильной части населения над женщинами и детьми, мирными очагами ни в чем не повинных жителей. Черной страницей вписаны в историю наших братских народов июньские дни. Десятки убитых, сотни изувеченных, раненых людей, сотни сожженных домов, массовые насилия, мародерство и произвол, опасное противостояние представителям Советской власти — все это вызывает лишь чувство непримиримого отношения к тем, кто совершил и продолжает совершать тяжкие преступления.

Мы призываем — будьте благоразумны! Опомнитесь: в какое время и в какой стране вы живете?! Задумайтесь: на каких жизненных и исторических идеалах вы воспитывались; какое общество вместе мы строим!

Охраняя общественный порядок, мы будем делать все необходимое, чтобы справедливость восторжествовала... Нами будет оказана любая помощь пострадавшим и нуждающимся, но к нарушителям порядка предьявим строгость советских законов.

Напоминаем, что никому не позволено чинить самосуды, на какой бы почве ни возникали разногласия и конфликты. А каждый, кто встанет на путь преступлений и нарушений общественного порядка, поставит себя ответственным за содеянное перед народом и советскими законами.

Обращаясь к вам, уважаемые граждане города Ферганы и всей области, мы призываем совместными усилиями остановить беспорядки и бесчинства, в короткие сроки вернуть в нормальное русло жизнь, быт и труд каждой семьи, каждого советского человека...

Мы не пожалеем сил для того, чтобы отстоять исторические традиции гуманного и уважительного отношения народов различных национальностей, проживающих в Ферганской области, в целом в республике.

Будем же едины в достижении мира, согласия и дружбы между людьми!...

(Из Обращения личного состава Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР к жителям Ферганской области).

О ТОМ, что произошло после кровавых событий в Ташлаке, Фергане, Маргилане, Коканде, рассказал на встрече с журналистами начальник внутренних войск МВД СССР генерал-полковник Ю. Шаталин:

— Обстановка в Коканде обострилась во второй половине дня, организованные группы хулиганствующих молодчиков на различных видах автотранспорта (около пяти тысяч человек) двинулись к городу из близлежащих районов. Среди них — заводилы из Риштанского, Ташлакского, Узбеккистанского районов Ферганской и Папского района Наманганской областей. Они ехали, чтобы, по их словам, отомстить жителям Коканда за то, что те не поддержали экстремистские действия. Они ехали, чтобы запугивать, жечь, совершать акты насилия против турок-месхетинцев.

Коканд до сего времени оставался единственным регионом, где не были эвакуированы представители этого народа (около полутора тысяч человек). В результате недостаточных мер, малочисленности личного состава приехавшим удалось захватить гор-отдел внутренних дел, освободить из следственного изолятора 69 человек.

Окончание. Начало в № 8.

Затем толпа бросилась в места компактного проживания турок-месхетинцев, но к этому времени их удалось укрыть и взять под охрану в санатории и на автобазе. Этим удалось предотвратить расправу. Сдерживая натиск, солдаты стреляли только в воздух, хотя обстановка была напряжена до предела. За истекший день убито пять человек, 93 ранено, 60 госпитализировано. Тяжелораненые есть среди сотрудников милиции и личного состава войск. Впервые в Коканде бандиты применили так много оружия. Пальба велась из ружей и автоматов. Сожжено 80 домов, 9 автомобилей, совершено нападение на девять магазинов, общественных зданий, отмечены грабежи.

...Рано утром в Коканд были направлены для подкрепления дополнительные подразделения внутренних войск.

Город встретил нас настороженной тишиной, готовой в любую минуту — это ощущалось явственно — взорваться бунтом, безумной яростью и жестокостью. По улицам, как нам сообщили, еще метались в поисках жертв машины с бунтовщиками. Здание горкома партии прикрывала цепочка солдат с выставленными щитами, за

которой прямо на асфальте отдыхали смертельно уставшие солдаты. Многие из них спали, даже не сняв бронжилетов. В горьком парни сообщали: только что отбито нападение толпы на автобазу, где укрылись турки-месхетинцы; очищен от бесчинствующих погромщиков железнодорожный вокзал... По-прежнему в городе распространяются всякие небывлицы, заведомая ложь о «зверствах» турок, о том, что на Коканд движется их 10-тысячная «армия», готовая стереть Коканд с лица земли. Цель: посеять смуту, дезорганизовать население, вызвать у народа озлобление, чтобы действия экстремистов выдать за «праведный народный гнев».

Нет, не просто ссора, на счет которой списывают убитых, сыграла тут главную роль. Не будь здесь турок-месхетинцев, на их месте могли оказаться представители других национальностей. Уверен, то, что произошло в Ферганской области, имеет далеко идущие цели, о которых народ даже не подозревает. В Коканде, например, в толпе так называемых «демонстрантов» несли и такой лозунг: «Душим турков, душим выродков Ленина — русских. Да здравствует исламское знамя, мусульманская вера и аятолла Хомейни!»

Пожар, зажженный в Кувасае и Ташлаке, словно по мановению волшебной палочки занимался в Фергане, Маргилане, Коканде... Еще два-три дня, и он, не исключено, мог бы перекинуться на соседней области — Андижанскую и Наманганскую и даже Ташкентскую, где также немало проживает людей турецкой национальности. Этого не произошло, благодаря решительным мерам, принятым руководством МВД СССР. В сжатые сроки сюда были переброшены части и подразделения со всего Союза — из Москвы и Ленинграда, Киева и Еревана, Тбилиси и Перми, из Тулы и Новороссийска, всего около 12 тысяч человек. Их с ходу, по мере прибытия, пришлось бросать на защиту населения от бесчинствующих толп.

Пожар удалось локализовать, а затем погасить. Дорогой ценой пришлось оплатить бездействие местных властей.

А вот что рассказывают непосредственные участники тех страшных событий.

Сержант Гайрат ХАСАНОВ:

— Они шли на все. Жгли дома, грабили, измывались над людьми. Эти подонки — не могу подобрать другого слова — окружали дома, выносили все ценное, а потом забрасывали в окна горящие факелы. Жителей не выпускали за порог, пока они живо не сгорали. Крики, мольбы о пощаде, просьбы и призывы к человечности только подогревали их. И они продолжали свое кровавое побоище. Под топором убийц пал милиционер — узбек, прикрывающий отход молоденькой турчанки.

Наше подразделение разогнало толпу возле домов турок-месхетинцев. Практически все мои товарищи получили ожоги и

ранения. Но саднят не эти раны, а боль в сердце оттого, что мы не в силах были помочь людям. Почему мы опаздываем? Почему мы не смогли спасти людей от убийств и истязаний?

Подполковник Казбек ДЗАНТИЕВ:

— Мы не враги своего народа. Наш долг — защищать покой граждан, решительно пресекать противоправные действия. Поэтому надо четко регламентировать действия внутренних войск МВД СССР в зависимости от конкретных обстоятельств. А потом спрашивать по всей строгости за охрану порядка. События минувших дней доказывают, что это жизненно необходимо..

Да, воины внутренних войск нуждаются ныне в особой социально-правовой защите. Служба в войсках в последнее время стала более тяжелой и опасной, сопряжена нередко с риском для жизни и огромным физическим напряжением. Многие офицеры, с кем довелось встречаться в эти дни, прибыли из Еревана, Баку и Тбилиси, где они находились в командировке с прошлого года, т. е. по 150—180 дней вдаль от дома и семьи. Их быт не устроен: случается, сутками приходится обходиться без горячей пищи и сна, а какие нервные стрессы порой обрушиваются на них! В воздушно-десантных войсках, например, офицеру за десять прыжков с парашютом год службы засчитывается за полтора, за каждый прыжок он получает денежное вознаграждение. Офицерам внутренних войск никакой, к сожалению, компенсации не полагается, хотя служба у них по мере ответственности, физическим и моральным перегрузкам теперь намного выше, чем у тех же десантников.

ОКОЛО полуночи с фотокорреспондентом А. Александровым вышли в сад перед горькомом партии: оцепление солдат со щитами уже сняли, но в автобусах бодрствовали дежурные маневренные группы, готовые ринуться в ночь по первому зову о помощи. Покурили, поговорили с ребятами. Хотели идти отдыхать, но тут поступило сразу два сообщения: в аэропорту группа экстремистов пытается воспрепятствовать вылету самолета с беженцами, и второе — в пригородных кишлаках замечены четыре КАМАЗа с вооруженными бандитами, выехавшими, по всей вероятности, на ночной разбой.

Мы отправились с группой старшего лейтенанта Александра Сандалова, которую исполняющий обязанности командира полка подполковник В. Копсов направил на двух автобусах на перехват КАМАЗов.

Ночь. Безлюдье. Затаявшиеся поселки без единого огонька. И никакого движения на дорогах... Все это да солдаты с автоматами, в касках и бронжилетах живо напоминали мне афганские дороги, а выезд наш — выезд на настоящую боевую опера-

РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЯ

цию. Солдаты прикрыли щитами окна автобуса — разумная предосторожность от камней, бутылок с зажигательной смесью, которыми бандиты могли (ребятам уже приходилось испытать это в Маргилане) забросать автобусы.

Все произошло неожиданно: «перед мелкнуги в свете фар белые «Жигули» и грузовая автомашина, битком набитая людьми. Старший лейтенант тихо командовал: «К машине!» Солдаты выскакивали из автобусов, вооруженные палками экстремисты посыпались из грузовика на землю. Водители свет выключили — в полной темноте слышны были лишь треск щитов, шум борьбы да резкие вскрики людей. Потом вдруг раздался пистолетный выстрел, «Жигули» рванули вперед, по ним вслед стрелял из пистолета наш проводник-милиционер. Через минуту-другую все было кончено, вновь вспыхнули фары, водитель автобуса показывал дырку от пули в зеркале, разбитое стекло и возбужденно рассказывал:

— Он в меня стрелял. Из «Жигулей», с заднего сиденья. Я увидел, как поднимается рука с пистолетом, и сразу пригнулся. Он же, сволочь, мог меня пристрелить...

В толпе так называемых «демонстрантов» несли и такой лозунг: «Душим турков, душим вырождков Ленина — русских. Да здравствует исламское знамя, мусульманская вера и аятолла Хомейни!»

В Беш-Арыке — районном центре — к нам присоединились еще двое сотрудников местной милиции, которые подтвердили: по району мечутся четыре грузовика с экстремистами. Если их не перехватить, много дел могут они натворить.

В поселок Горский к дирекции совхоза подъехали часа в четыре. Света в конторе не было, но наши проводники-милиционеры куда-то сходили, дверь открыли, и когда мы вошли, увидели в кабинетах заставшихся людей — весь совхозный парт-актив. Они рассказали, что экстремисты на четырех машинах проезжали здесь полчаса назад. Куда направлялись, неизвестно. Мы вышли на улицу, директор вдруг приложил палец к губам: «Кричат. Слышите? Кричат...» Мы прислушались, но ничего не услышали. Директор объяснил, что кричали в той стороне, где проживают турки-месхетинцы, и объяснил, как туда проехать.

На этот раз мы продвигались с потушенными фарами — подкрадывались на ощупь. Все повторилось: команда «К машине!», стук сапог и щитов, мгновенная схватка... Когда мы подбежали, увидели трактор с прицепом, перегородившим дорогу, и в

окружении солдат около двух десятков — с руками на затылке — налетчиков. Офицер впереди цепочки бойцов стоял на обочине и кричал в темноту:

— Выходите! Если не выйдете, против вас будет применено оружие. Считаю до трех. Раз, два...

Стрелять не стали, никто не вышел. Задержанных доставили в контору. Один из них пытался объяснить, что они не экстремисты, а отряд самообороны.

— От кого вы собирались обороняться?

— От турок.

— От турок? Кто же кого у вас тут грабит и убивает: турки вас или вы турок?

КТО-ТО из местных руководителей сообщил, что ночью разгромлены два турецких дома, хозяйна одного из которых сожгли живьем на костре.

Невозможно описать то, что открылось нашим глазам, когда мы вошли в дом сожженного накануне ночью на костре, разведенном у дома посреди улицы, турка-месхетинца Юнуса Османова. Все пошло под топор — мебель, сундуки, платье, кухонная утварь, книги и даже семейные фотоальбомы.

Сосед Османова — Абкарим Абдуллаев, безногий, с орденом Отечественной войны на стареньком пиджаке, рассказал:

— Звери, ох, звери! Приезжали днем два раза — на ЗИЛе и пешие были. Мы уговаривали их не трогать старика. Уговорили. Двух сыновей Юнуса увезли еще раньше в контору, а жена с младшим убежала. Но эти звери вернулись ночью. Ох, что тут был! Соседей разогнали по домам, пригрозили: не высовывайтесь, иначе с вами то же самое сделаем. Громили дом, старик кричал — звал на помощь. Потом костер запылал — они жгли Юнуса, наверное, еще живого. Окружили костер толпой, молча наслаждались зрелищем. Потом орали, смеялись, кто-то кричал: «А, сучий выблюдок, не нравится, да?!»

Будем справедливы: немало было и таких случаев, когда узбеки пытались спасти турок-месхетинцев. Заместитель начальника управления уголовного розыска МВД УзССР В. Хайдаров поведал о том, как один узбек спрятал у себя двух соседей-месхетинцев. Разъяренная толпа потребовала их выдать. Хозяин молчал даже и тогда, когда экстремисты пригрозили его застрелить. А потом они вывели на айван его жену с грудным ребенком и еще тремя малолетними детьми и старуху мать и пообещали подрубить опоры. Семью его раздавит крыша, а его они пристрелят... И тут не выдержали укрывшиеся в доме соседи-турки, они вышли из укрытия, и тут же на глазах у женщин и детей были убиты.

Нет, не поворачивается язык упрекнуть инвалида войны А. Абдуллаева и других соседей, что они не пришли на помощь Юнусу Омарову — что они могли сделать?!

— Останки Омарова предали земле? — спрашиваю Абкарима.

Он молча провел нас во двор к суре, где хозяин любил угощать соседей чаем, откинул грязное покрывало, и мы содрогнулись от увиденного: от человека остались обгорелый пенек, но здесь же лежали

уцелевшие ступни — видимо, ноги выступали из костра, так и отпали, не тронутые огнем...

Слова здесь бессильны, они не могут передать и тысячной доли гнева и ненависти, которые мы в тот момент испытали к тем, кто методом «политической борьбы» избрал и узаконил массовый террор, жестокость и садизм.

Я стоял у сурь с останками безвинно погибшего старика, а в памяти всплывали другие, но такие же трагичные события, и я словно увидел таких же изгоев, кто после совершенных терактов даже на суде доказывал свое исключительное право на массовый террор. Думаю, читатель меня извинит за небольшое отступление в наше недавнее прошлое.

Несколько лет назад мне довелось присутствовать на процессе в Верховном суде СССР над боевиками-террористами так называемой НПА (новой партии Армении) — С. Затикяном, А. Степаняном и Э. Багдасаряном.

Москвичи еще не забыли, как в 1976 году, 30 октября — за год до 60-летия Октябрьской революции — Москву взбудоражили и потрясли три взрыва самодельных мин. Один произошел в метро, в вагоне электропоезда на перегоне перед станцией «Первомайская», и два — в центре столицы, на улице 25 Октября, в результате которых погибли и получили тяжелые увечья несколько десятков ни в чем не повинных людей — детей, женщин, стариков. Но мало кто знает, что лидеры НПА готовились преподнести свой главный «подарок» детишкам столицы через год — в канун 60-летия Октября.

А. Степанян и Э. Багдасарян привезли тогда в Москву три «мины-утятницы», каждая из которых была снаряжена 240 картечинами с радиусом поражения до 70 метров: одну они намеревались взорвать в часы пик в магазине «Детский мир», другую — на станции метро «Площадь Революции», третью — уже не помню где. Преступники получили тогда по заслугам, были приговорены к исключительной мере наказания — расстрелу. Но нашлись у них тогда и защитники — академик А. Сахаров, например, даже в знак протеста против сурового, но справедливого приговора объявил голодовку. И вот, спустя несколько лет, в Тбилиси и Фергане отозвались горьким эхом те взрывы в Москве.

Пишу об этом сейчас потому, что уверен, не будь этой разнузданной травмы воинов внутренних войск по апрельским событиям в Тбилиси, поддержанной некоторыми органами печати, то здесь — в Фергане — не дошло бы до массового террора, жестокой расправы над людьми, вся вина которых заключалась лишь в том, что они принадлежали к другой национальности, а значит, было бы гораздо меньше человеческих жертв. Да, меньше, потому что, не будь этой травмы, «дискуссии» — привлекать или не привлекать в подобных ситуациях войска, — уверен, не с таким бы опозданием были направлены сюда части и подразделения внутренних войск, и они смогли бы погасить пожар в самом начале; меньше — потому что солдаты первых

воинских подразделений не прибыли бы сюда совсем безоружными (не только без автоматов, но даже без защитных щитов и резиновых палок) и не оказались бы совершенно бессильными перед бесчинствующей вооруженной толпой.

Многих в те дни потрясла просьба одного из офицеров милиции, с которой он обратился к журналистам.

— Опубликуйте же в газете, — умолял он, — что мы беспомощны, что нас лишили возможности бороться с бандитами. Есть лишь одно распоряжение — действовать в пределах положения о комендантском часе, но оно распространяется только на ночное время. А днем толпа практически безнаказанно убивает, грабит. Обещайте, что вы напишете обо всем, и пусть вашу газету прочтут депутаты на Съезде!

Да, мы должны бороться за гуманность, но тот ли это гуманизм, когда часовые правопорядка вынуждены в качестве сторонних наблюдателей смотреть на грабежи, безнаказанные убийства, видеть, как сжигают в домах людей, а бандитское оцепление следит при этом, чтобы живым никто из огня не выбрался?! Смотреть и ничего не предпринимать, потому что предпринять что-либо они, оказывается, на первых порах не могли. Как могло случиться, что в борьбе за демократизацию и гуманизацию законов наши сограждане оказались полностью беззащитными перед произволом преступников? Имеем ли мы право посылать на разъяренную, вооруженную толпу солдат с одной резиновой палкой в руках, которые должны к тому же помнить при этом инструкцию — палкой по голове не бить! Не слишком ли дорогую цену приходится платить за такую, с позволения сказать, «гуманизм». Тут солдатские матери могут предъявить нам свой счет, и немалый.

Вас, академик А. Сахаров, кто-то и бог весть за что окрестил «совестью страны». Не болит ли она у вас? За безвинно убиенных и искалеченных боевиками Степана Затикяна! И здесь, в Фергане, «гуманизм», за который вы ратовали, унес многие жизни людей. Более тысячи сожженных домов, 93 (на 13 июня) погибших, получили телесные повреждения более 1 000 гражданских лиц и около 150 военнослужащих, сотни людей пропали без вести, часть из них тоже, видимо, погибла (уже известны случаи скрытых захоронений) — вот какой страшный итог ферганских событий.

В ПОСЕЛОК Горский нам пришлось вернуться еще раз — вечером, и неожиданно мы оказались в гуще огромной толпы, вооруженной топорами, вилами, ножами и дубинками, которая вскоре обрушилась воюющей облавой на русское кладбище, где якобы укрылись трое турок-месхетинцев, поклявшихся мстить узбекам за гибель своих родных.

Признаться, странно было слушать жалобы на каких-то трех турок, которые будто бы держат всю эту толпу в страхе, но замполит подразделения майор М. Николаев, видимо, из желания не допустить самосуда, отправил на кладбище поисковую группу.

К нашему автобусу подошло несколько

парней-узбеков лет 20—22-х и «дипломатично» стали выведывать у солдата, оставшегося охранять автобус, есть ли у него патроны, а если есть, то уж, наверное, холостые.

— Я тоже сержант, — сказал один из них и показал наколку на руке — «ГСВГ» (группа советских войск в Германии) и на плече — «Не забуду мать родную!»

Фамилию назвать отказался, начал ругать корреспондентов, что те не поддерживают узбеков в их праведном деле.

— Жечь живьем стариков, убивать, истязать людей — это что, праведное дело?

— Туркам нет места на узбекской земле...

— Ну а сейчас? Вас тысяча — с топорами, вилами. Не стыдно тысячью на троих?

— Их всех убивать надо, никто не спит из-за них.

— Убьете турок, а потом за кого приметесь?

— Всех гнать будем с Узбекистана — татар, евреев, русских... У нас безработных много, земли мало...

— Поезжай в Сибирь, там земли много.

— Иди ты со своей Сибирью!..

— Ты комсомолец?

— ..!

Кажется, он еще хотел что-то сказать, но не успел — со стороны кладбища раздалась воинственные вопли многих десятков людей, незаметно переправившихся через канал. Криком они подавляли, видимо, в себе страх и разжигали ненависть. Собеседник наш тоже бросился туда, в толпу.

Я подумал с отвращением: да ведь это уже было. В средневековье, во время владычества испанской Супрэмы (святи инквизиции), когда устраивались вот такие же — всем народом — облавы на ведьм.

ВОЕННЫЙ полигон, где нашли убежище от преследования экстремистов более 15 тысяч беженцев-турок, кто-то из журналистов окрестил «лагерем ненависти и скорби». Правильно, конечно: скорбь, безысходное горе, а нередко и отчаяние легко читаются на лицах женщин — старых и молодых, да древних стариков, лишившихся на склоне лет всего, что ими нажито было за нелегкую жизнь. Ну а гнев и ненависть старается подавить в себе молодежь, которая не смогла защитить своих отцов и матерей от жестокого и несправедливого надругательства.

Лагерь напоминает огромный цыганский табор, где все выставлено напоказ: постель, посуда, женщины... Палатки и тенты не спасают от палящего солнца. На центральной площадке натянут брезент с надписями: «Остановите унижение советских турков», «Остановите геноцид над советскими турками!» и в самом низу крупно: «Голодаем за справедливость. SOS!» — под ним на земле лежали около пятнадцати хмурых, изможденных мужчин.

Вытаскиваю блокнот, и меня сразу окружают возбужденные беженцы:

— Корреспондент, да?

— Почему не хоронят погибших? Кто будет хоронить? Где?

— Когда нас будут вывозить? Куда?

— У нас много людей пропали без вести. Кто их будет искать?

Знакомимся: Ахмат Фахлюлов, в семье 12 человек. Все сгорело: дом, документы, 2 коровы, 2 теленка, мотоцикл, одежда, естественно, тоже. Но его волнует одно: кто им восстановит документы?

— Как жить без документов? — с горечью повторял он. — Надо документ. Как без документа? Три сына, три снохи, три внуки и два внука — без документа как жить будут?

Рустамов Портал, тоже все потерял в ту страшную ночь «длинных ножей».

— Нас преследует злой рок, — рассказывает он. — Мне было десять лет, когда нас выселили из Грузии. Но тогда все было спокойно: подали грузовики и повезли. Здесь тоже нас встретили по-людски. Жили тихо-мирно. Что же сейчас произошло? На наш поселок напали ночью самое меньшее шесть тысяч человек. Ой, что творилось! В нашем колхозе погибло 20, без вести пропали 15. Куда нам теперь? Грузия вряд ли нас примет, здесь оставаться нельзя. Где голову приклонить? Где похоронят нас?

Мы содрогнулись от увиденного: от человека остался обгорелый пенек, но здесь же лежали уцелевшие ступни — видимо, ноги выступали из костра, так и отпали, не тронутые огнем...

Объясняю как могу: в беде, мол, не оставят, отправят пока в Россию, а там все устроится, но и сам понимаю, для них, переживших погромы, потерявших все, даже могилы близких, это слабое утешение.

Нас окружали все новые беженцы — женщины, старики, дети.

— Я вас умоляю, найдите моих детей!.. — Моего сыночка, моего мальчика бандиты подняли на вилы. Где он? Найдите мне его! Казните тех бандитов...

— Я — узбечка, но я пришла сюда вместе с моими соседями-турками. Мне стыдно, на моих глазах убили ребенка, сожгли двух стариков...

— Почему вы, журналисты, не пишете о том, как насиловали наших девочек и молодых женщин, как затем истязали их?!

— Головы насаживали на колья...

— Ноги, руки отрубали и все остальное...

Как же неуютно должен был чувствовать себя во время посещения лагеря беженцев первый секретарь ЦК КП Узбекистана Р. Нишанов, который с трибуны Съезда народных депутатов трагические события в Фергане оценил как «ссору из-за горсти

428

клубники». Здесь, в лагере, он вынужден был принести публичное извинение за небдуманые слова.

Впрочем, резких, нелицеприятных слов в адрес руководителей — местных и республиканских — высказано было немало: и то, что они оторвались от народа, не знают обстановки в республике, и то, что ими была допущена непростительная нерешительность, а нередко и полнейшая беспомощность. Вот как об этом сказал мудрый аксакал Портал Рустамов: «Мой народ не верит местным властям. Мы верим только министру Бакатину и военным. Спасибо солдатам. Не их вина, что они немного опоздали. Но мы хорошо знаем, что было бы с нами, если бы они вообще не пришли. Передайте им благодарность от всего нашего народа...»

Меня часто спрашивают: «Чем объяснить проявления в Фергане неслыханной жестокости и садизма? Не является ли это национальной чертой узбеков?»

Нет, не является. Плохих народов ведь не бывает — есть плохие люди. В данном же случае, думаю, все объясняется тем, что акции эти были спланированы и тщательно подготовлены подпольным центром. И совершали их специально отобранные подонки. Для чего? А для того, чтобы изгнать турок-месхетинцев из Узбекистана навсегда, чтобы исключить даже малейшую возможность компромиссного решения. Иначе зачем им потребовалось стирать с лица земли их могилы, разыскивать и хладнокровно убивать укравшихся женщин и стариков, нападать даже на лагеря беженцев, нашедших приют в соседних республиках.

Об одном таком случае рассказал нам генерал-майор Е. Нечаев, заместитель начальника Политуправления внутренних войск, которому самому пришлось принимать участие в отражении такого нападения:

— Мы получили сигнал, что по направлению к горному лагерю, где укрылось 1990 турок-месхетинцев, движется колонна автомашин с налетчиками, вооруженными не только ножами и дубинками, но и... автоматом и другим огнестрельным оружием. Для защиты беженцев был срочно переброшен десант на четырех вертолетах. Воины опередили бандитов и успели пригрозиться к отражению нападения.

Показалась колонна экстремистов — они ехали на 12 грузовиках. Офицеры-политработники попытались вступить с ними в переговоры, но те с дикими воплями устремились на лагерь. Тогда был дан предупредительный залп в воздух, в ответ они тоже открыли огонь. Момент был критический — огромная толпа (около 1,5 тысячи человек) могла смять несколько десятков солдат и учинить расправу над беженцами. Этого допустить было нельзя, и командир принял единственно правильное в той ситуации решение: стрелять боевыми патронами — двое экстремистов были убиты, пятеро ранены. Никто из беженцев в лагере не пострадал, но страху, конечно, люди натерпелись — ведь им уже приходилось видеть своими глазами бандитские погромы и расправы. Беженцев из лагеря вы-

вели, сейчас все они отправлены в центральную часть страны.

МЫ ШЛИ по пустынным улицам вечерней Ферганы, не слышно было ни музыки, ни смеха, ни говора людского. Так бывает только в прифронтовых городах, когда рядом враг или когда на город обрушиваются эпидемии. Здесь «поработала» эпидемия страха.

Но уже многое изменилось с того первого дня: очистились от камней и прочего мусора скверы, улицы и площади, не стало пробок, убраны сожженные машины и, наверное, в домах люди спали теперь крепким сном, не вздрагивая от лобного шороха, не выхватывая от внезапного грохота из кроваток спящих детей. Лишь пепелища сожженных домов, а то и кварталов (в п. Комсомольский) напоминали о трагедии. Восстановленным порядком и покоем люди обязаны прежде всего им — воинам внутренних войск, которых еще совсем недавно кое-кто пытался представить — какой позор! — чуть ли не убийцами и насильниками.

В блокноте у меня десятки записей со словами сердечной признательности.

«г. Коканд. Пожилая еврейка, хоронясь от узбеков, поила солдат холодной водой и все повторяла с надеждой: «Ведь вы не уйдете, да?! Ведь вы останетесь? Умоляем вас, не уходите!..» И, услышав в ответ: «Не беспокойтесь, мамаша, мы не уйдем», вытирая ладонью слезы, растроганно благодарила: «Спасибо вам, родные! Спасибо, милые!»

«г. Маргилан. Аильчиев Шамай, пенсионер:

— Мне, сынок, 87 лет. Не смотри с недоверием на аксакала — память у меня еще хорошая. На своем веку я пережил две страшных войны — гражданскую и Отечественную. Не с чужих слов знаю, сам видел, что вытворяли басмачи и фашисты. Но то была война, и там были враги. А сейчас?

«г. Фергана, лагерь беженцев. Бекболот, 8 лет: А меня дядя солдат спас. Я помню, что-то зазвенело, какие-то люди громко кричали, потом дом загорелся. Что-то меня ударило по голове, стало совсем темно, а потом снова светло, а меня быстро-быстро дядя солдат нес на руках... Вырасту большой, обязательно стану солдатом.»

НЕСПОКОЙНО еще в области: то тут, то там раздаются порой выстрелы. Но надежно несут патрульную службу войска МВД СССР. В «зоне бедствия» развернулся новый этап спецмероприятий — очистительный.

На контрольно-пропускном пункте, установленном при въезде в город, встретили старого знакомого — капитана В. Баритко, спросили: «Как прошла ночь?»

— Нормально, — устало ответил он. — Патруль во главе с капитаном К. Гасановым помешал двум наркоманам расправиться прямо на улице со стариком; ранен в голову капитан С. Балахонкин...

Полковник П. СТУДЕНИКИН,
наш спецкор.

ПОСЛЕДНЕЙ ГРАНАТОЙ

Мы тогда о многом не знали. Сообщения в газетах были лаконичны: ни строчки о том, что шли сражения, смертельные и упорные, что были раны, кровь, мины и свинец, обрывающий жизни, и все остальные горестные атрибуты войны.

С момента ввода в Афганистан ограниченного контингента советских войск события в этой стране были отнесены к разряду так называемых «запретных тем». Складывалось впечатление, что наши солдаты только тем и занимались, что высаживали аллеи дружбы, принимали роды у афганских женщин, давали шефские концерты да чинили у бедных афганцев тракторы.

А ведь уже тогда семьи начали получать похоронки на сыновей и мужей, погибших на Саланге, в Кандагаре и под Джелалабадом. Появились вдовы и дети-сироты, молодые инвалиды. В города и села все чаще привозили цинковые гробы.

Лишь спустя годы была обнародована цифра — более 13 тысяч погибших.

В их числе наши сослуживцы — подполковник Владимир Николаевич Селиванов, капитан Анатолий Владимирович Лозовский, капитан Анатолий Григорьевич Зимаковский...

Один из этого горестного списка — старший лейтенант Петр Владимирович Русаков.

Вот строки представления к награде: «20 октября 1980 года старший лейтенант Русаков, участвуя в бою с большой бандитской группой, показал образец мужества и стойкости. Будучи окруженным со всех сторон мятежниками и получив ранение в обе ноги, мужественно, до последнего патрона сражался с нападающими врагами. Защищая раненых товарищей, лично уничтожил шестерых бандитов. Своими отважными и самоотверженными действиями способствовал успеху операции. Действуя в сложной обстановке, пал смертью храбрых».

Отважный офицер посмертно награжден орденом Красного Знамени. Его имя занесено в Книгу почета ЦК ВЛКСМ.

...В Кабул он улетал в сентябре восьмидесятого. В средней полосе России шли дожди вперемежку со снегом, а в Ташкенте пахло розами и горячим асфальтом. И еще дымом. На улицах жгли костры из опавших листьев.

Перед отъездом написал жене: «Тамара. Через несколько дней уезжаю в 1359-й год. Знаю точно, что еду в самый центр. Не скучай. Возможно, командировка будет длиться меньше года. Напиши матери и разъясни все в спокойном духе, не показывая, что сильно переживаешь, а то будешь друг друга расстраивать, с ума сойти можно».

На обороте записки: «Не стоит беспокоиться. Петр».

За этими лаконичными строчками хорошо видно стремление уберечь от излишних переживаний жену — Тамару Владимировну и родителей — Капитолину Федоровну и Владимира Ивановича. Боялся, чтобы матери письма не попали на глаза, поэтому писал «эзоповым» языком. Лишь с братом был пооткровеннее, да и то не всегда. Когда из Афганистана привезли его вещи, Анатолий Владимирович увидел в чемодане аккуратно завернутый осколок мины. Случайно он попасть туда не мог. С ним что-то связано в жизни Петра. Но что?

Писал часто. Интересовался настроением, делами. Забота о родных и близких людях сквозила в каждой строчке. Особенно много расспрашивал о сыне: тому было полгода. И еще в этих весточках из далекого края было немало юмора, видимо, хотел поддержать жену в нелегкие для нее минуты.

Тяжело складывалась обстановка в Афганистане в те месяцы: разгоралась минная война, участились внезапные налеты на кишлаки, ракетные обстрелы гарнизонов наших и афганских войск. Душманы переходили от тактики открытых боевых действий к тактике массового террора. И эта тактика требовала своих специфических методов борьбы. Нашим воинам приходи-

лось постигать их в боях. Наука нелегкая, оплаченная солдатской кровью. Даже ходить по чужой земле надо было научиться так, чтобы не наступить на мину, которую не мог обнаружить миноискатель, чтобы не попасть снайперу на мушку, не нарваться на гранатомет, который бил порой в упор — на пистолетный выстрел.

Старший лейтенант Русаков за сравнительно короткое время сумел приобрести необходимый боевой опыт. Сказались богатая интуиция, быстрая реакция, умение схватывать обстановку, не теряться при встрече с опасностью. Пригодилась и физическая закалка. В его боевой характеристике есть и такая запись: «Офицер мужественный, надежный в бою. Принимал участие во многих боевых операциях...» А за каждой операцией — риск: из каждой пещеры, из-за каждого выступа в любой момент могла стегануть вражеская очередь.

Отправляясь на последнюю, он не написал ничего домой. Была в Афганистане такая примета: перед заданием не фотографироваться, не писать писем и не бриться...

В тот день мотострелковый батальон преследовал банду мятежников. Огрызаясь автоматным огнем, та уходила в сторону пакистанской границы. «Духи» хорошо знали местность, и им удалось оторваться от преследователей. Батальон повернул назад: необходимо было засветло вернуться в лагерь. Старший лейтенант П. Русаков находился в группе прикрытия. Группа нарвалась на засаду.

Многочисленным эхом отозвались в ущелье автоматные очереди. Казалось, стреляли со всех сторон. Бой завязался неравный. Бандиты наступали на горстку наших воинов с двух сторон. Встреченные меткими очередями, они то залегали, то вновь короткими перебежками устремлялись вперед.

Огонь наших ребят слабел: сражен пулей один, второй... Кольцо неотвратимо сжималось, в котором оставались лишь двое — П. Русаков и в полусотне метров от него — офицер М. Исаков.

«Духи» надеялись взять их живыми. У Петра Русакова очередью разбило автомат, осталась последняя граната. Мы не знаем, что он пережил и почувствовал в эти последние минуты жизни. Но когда враги вплотную придвинулись к советскому офицеру, раздался взрыв — он подорвал последней гранатой себя и навалившихся на него врагов. Когда подоспела помощь, все было кончено. Удалось спасти тяжелораненого М. Исакова, он-то и помог восстановить последние минуты жизни своего сослуживца.

Рассказывает Герой Советского Союза подполковник милиции М. Исаков:

— Видел, что он уложил несколько душманов. «Огневик» Русаков был что надо — всех нас обучал стрельбе из снайперской винтовки.

Больно вспоминать. Каким мне запомнился Петр! Повторял часто: «Не унывай, дру-

жище, мы еще посидим за праздничным столом». Не пришлось...

Знаете, там, в Афганистане, чтобы узнать человека, не обязательно надо было с ним пуд соли съесть. Человек раскрывался в бою. Петр из тех, с кем было надежно в любой ситуации. А это — главное: не струсит, не бросит в беде. И то, что он предпочел плену смерть, а последнюю гранату использовал во вред врагу, говорит о том, что он думал не о себе — о товарищах.

* * *

...Все обычно в его биографии: школа, военное училище в Саратове — пошел по стопам старшего брата Анатолия. И служить приехал в часть, в которую в свое время был направлен лейтенант А. Русаков.

Подполковник запаса В. КАЗАРИН, бывший начальник политотдела части:

— Мы ходатайствовали о том, чтобы братья служили вместе.

О старшем за несколько лет сложилось хорошее впечатление, поэтому были уверены, что и младший будет служить не хуже.

Вскоре Петр прибыл к нам на должность командира взвода. Немногословный, хорошо подготовленный в военном отношении офицер. Очень любил боевую учебу, занятия строил интересно, с выдумкой. Была в Русакове командирская струнка.

Там, в Афганистане, выбор между жизнью и смертью для него определял не только приказ.

Он сам сделал его, подчиняясь приказу совести, природному благородству, когда прикрывал раненых товарищей... Заслонить, спасти, выручить — это по-мужски. Он так был воспитан.

И Владимир Сергеевич, и другие сослуживцы — полковник запаса И. Мотин, капитан С. Александров, старший прапорщик В. Колганов — много рассказывали о П. Русакове. Отмечали, что он был из тех, кого называют максималистами. Старался во все вникнуть, все понять, до всего докопаться.

Солдаты признали молодого командира. Чем взял? Был он строгим, но справедливым. Учил солдат не для проверки, а для боя. Любил повторять: «Солдата не надо жалеть, солдата надо беречь». Во взводе всякое случалось. И в отношениях

между солдатами трения бывали. «Дедовщина»? И она была. Неуловимая, ко всему приспособившаяся. Пресечь ее, кажется, просто — возьми на заметку самых отвязанных «дедов» и держи под контролем. Да время от времени наказывай построже кого-нибудь для острастки...

Но это на первый взгляд просто. А начини закручивать гайки да на голосовые связки нажимать — все, чужой ты. И взвод уже по своим «законам» живет. Понимал, что другим нужно брать. Чувство ответственности за дела и поступки воспитывать.

Часто подчеркивал: во взводе все равны. Подчиненные на дистанции кросса — и Русаков с ними. На стрельбище первым выполнял все упражнения и ни разу не утаил от солдат свою оценку. Краснеть не приходилось — стрелял только на «отлично». Других же за промахи старался не попрекать — учить.

Много беседовал с каждым. Знал о подчиненных все. Или такой штрих: во взводе у Русакова служили солдаты из Туркмении. И он стал изучать туркменский. Дополнительная нагрузка? Конечно. Те, кто заступал с подчиненными Русакова в караул, отмечали их высокую ответственность и дисциплинированность. Да и командир взвода проверял боевую службу с особой тщательностью. А уж требовать он умел...

Впрочем, пользовался авторитетом не только во взводе. Единогласно комсомольцы избрали его секретарем комсомольской организации роты. Такое доверие надо было заслужить.

Бывший солдат, а ныне прапорщик К. ЗАВODOVСКИЙ:

— Хороший был командир. Подтянутый, опрятный. Не любил неряшливости ни в чем. Никогда не повышал голоса, не грубил. Во взводе никто плохо о нем не отзывался. Его уважали и как спортсмена.

В разговоре с сослуживцами вспомнили о таком эпизоде. Однажды в канун октябрьских праздников кто-то из осужденных вывесил на трубу барака черный флаг. Это было довольно высоко, и никто не рискнул снять его. А Русаков полез. Он был человеком поступка.

В одном из писем, адресованных жене, есть строки: «Все 24 года жизни меня учили не врать...» И эти слова не были бравадой.

Позднее, в Афганистане, выбор между жизнью и смертью для него определял не только приказ. Он сам его сделал, подчиняясь приказу совести, природному благо-

родству, когда прикрывал раненых товарищей... Заслонить, спасти, выручить — это по-мужски. Он так был воспитан. Долг солдата, честь мужчины, верность присяге и боевой дружбе не были для него пустыми словами. Мать и отец вырастили достойного человека. Спасибо им за это. Нам с вами будет не хватать этих ребят. Их крепких работающих рук, их смелости, доброты, верности.

Капитан А. ФИЛЬЧЕНКО:

— У нас с Петром были соседние взводы. Доброжелательный и отзывчивый это человек. В общении простой, легко входил в контакт. Служил с желанием. Выделю еще такое качество, как обязательность. Если поручено — все сделает. Никогда не слышал от него нытья, хотя проблем хватало и личных, и служебных. Долго не имел жилья, хотя уже был женат. А по службе! Взвод у Русакова был раза в полтора больше обычного, так что работать приходилось много, свободного времени почти не оставалось. Но он не жаловался.

Очень тепло прощались с ним солдаты и офицеры. Подходили все, желали скорейшего возвращения из Афганистана. Никто тогда не мог подумать, что видимся в последний раз.

* * *

Вот, пожалуй, и все о жизни и подвиге Петра Русакова. Но я не мог уехать из города, не повидав тех, кто не дождался из Афганистана мужа и отца — Тамару Владимировну и Костю Русаковых.

«Духи» надеялись взять его живым. У Петра Русакова очередью разбило автомат, осталась последняя граната. И когда враги вплотную придвинулись к советскому офицеру, раздался взрыв — он подорвал последней гранатой себя и навалившихся на него врагов.

К ним мы пришли с братом Петра — майором Анатолием Владимировичем Русаковым. Разговор начался не сразу. Выпита одна чашка чая, стынет другая. Женщина вытирает слезы:

— Если бы Петя был жив...

И вдруг улыбнулась:

— А познакомились мы на... переборке картошки. Петя со своим взводом приехал тогда к нам в совхоз. Виделись редко, помню каждую встречу. С ним чувствовала себя уверенно. Сам никогда не унывал и меня поддерживал во всем.

На второй день свадьбы пошел дождь. И Тамара Владимировна случайно услышала разговор пожилых женщин. Одна тогда сказала: значит, будут слезы на втором году жизни. Кто бы мог подумать, что слова окажутся пророческими.

Когда уехал муж, ей снился один и тот же сон. Звонок в дверь. Открывает: он, Петр. Но порог не переступает, не входит в квартиру. А накануне той страшной вести — вошел.

Потом была телеграмма...

И вот уже много лет нет рядом с ней прекрасного и сильного человека, оказавшегося способным на то, на что не каждый способен — на подвиг.

На столе появился альбом с фотографиями. В снимках словно спрессована его небольшая жизнь. Вот Жизнерадостным мальчишкой он позирует перед объективом. Много фотографий курсантских лет: на стрельбище и в классе, в спортгородке и в отпуске. Перевернута страница альбома — на погонах Петра появились две звездочки. Выпуск из училища. Начинается новая жизнь. Кто бы мог подумать, что она оборвется так внезапно. И об этом молчаливо кричат снимки о похоронах офицера.

Неужели эти фотографии, небольшая стопка писем да шинель в прихожей — это все, что осталось от Петра Владимировича? Нет. Растет Костя — он будет гордиться отцом. А еще остается память об этом мужественном человеке. Она не только в сердцах родных и близких. Не забывают Петра Русакова земляки и сослуживцы. Есть пионерская дружина, носящая его имя. Присмотрена и могила погибшего — это взял на себя воинский коллектив, в котором служил Русаков. Впрочем, как и другие заботы о вдове сослуживца. Ей, в частности, выделена благоустроенная квартира.

* * *

...Не все уцелели в пламени войны. Их резко постаревшие матери и отцы, овдовевшие молодые женщины и осиротевшие дети не просто живут рядом с нами. Они оставлены на нас. Будь живы их сыновья и мужья — они ни на кого бы не переложили забот о своих близких. В этом можно не сомневаться, потому что в самом жестоком испытании войной проверялись их надежность, мужская ответственность за тех, кто слабее, кто нуждается в помощи. Но они ушли — сыновья, мужья, опора, защитники. Зачастую — единственные. И теперь пришла наша очередь выполнить нравственный долг перед их памятью с той же честью, с какой они выполнили свой, воинский.

Подполковник В. ГОНДУСОВ.
Рисунки Э. Копылова и В. Лопаты.

СМОТР БОЕВИТОСТИ

ОН ПРОШЕЛ В ПАРТОРГАНИЗАЦИЯХ ВОЙСК ПО УРАЛУ. О ЕГО УРОКАХ РАССКАЗЫВАЕТСЯ В ЭТИХ ЗАМЕТКАХ

СЕГОДНЯ не вызывает сомнения ведущая роль первичных партийных организаций в перестройке, в реализации курса партии на ускорение социально-экономического развития, осуществление коренной экономической реформы, демократизации всех сфер жизни советского общества. Велика их роль и в решении задач, поставленных партией и правительством перед внутренними войсками. Однако автоматически, сам по себе высокий потенциал первичных партийных организаций не срабатывает. В материалах XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной конференции КПСС красной нитью проходит мысль о необходимости всемерного повышения роли первичных партийных организаций, воспитания активной наступательной позиции у каждого коммуниста. Именно на это был направлен смотр боевитости партийных организаций войск по Уралу. Идея его проведения родилась в процессе обсуждения документов партийного съезда. Стимулирующую роль сыграл аналогичный смотр, проводимый по инициативе бюро обкома партии в Свердловской области.

Вся организаторская и политическая работа командно-политического состава, политорганов, партийных организаций в ходе смотра была направлена на реализацию решений XIX Всесоюзной партконференции. В подготовительный период политорганы, партийные комитеты решали немало организационных вопросов. На всех уровнях — от политотдела войск до цеховой парторганизации — формировались смотровые комиссии. Возглавляемые начальниками политотделов, они были созданы во всех частях. В их состав вошли члены выборных партийных органов, наиболее авторитетные коммунисты, ветераны партии, войны, войск, части. Инициативными группами в первичных и цеховых парторганизациях руководили партийные вожаки, а в ряде мест — члены партбюро.

Политотдел войск разработал несколько методических материалов: положение о смотре; общие рекомендации политотделам (политорганам); примерный перечень вопросов для анализа работы парторганизации; предложения по оформлению содержания бесед с коммунистами, учету и реализации их предложений, замечаний, пожеланий; некоторые другие документы. Политорганы частей подкорректировали их с учетом местных особенностей.

Смотр решили провести в два этапа. Подготовка к смотру, усиление организаторской и политической деятельности большинства парторганизаций в ходе его, активизация работы коммунистов уже на первом этапе подтвердили жизненность и эффективность смотра. Целевые выезды в части и подразделения позволили нам сделать вывод: партийцы поддерживали идею смотра.

Однако коммунисты отметили некоторую заорганизованность: документов-рекомендаций оказалось довольно много, отчетность о ходе проведения была громоздкой, отпугивала людей. На эти же недостатки указали представители Политуправления внутренних войск, изучавшие ход смотра. Мы учли замечания и предложения, сократив перечень отчетных данных и объем рекомендаций. Имели место и другие упущения, которые не сразу удалось выявить и устранить. Какие же общие выводы можно сделать на будущее?

В период подготовки смотра необходимо более целенаправленно проводить разъяснительную, пропагандистскую работу непосредственно в воинских коллективах, особое внимание обращать на раскрытие идей и задач смотра. Методические рекомендации делать более конкретными. Сократить до минимума отчетность. В состав смотровых комиссий нужно включать и наиболее авторитетных беспартийных военнослужащих.

Теперь о самом ходе смотра. Политотдел войск нацеливал политорганы частей на творчество, самостоятельность, поиск новых форм и методов партийной работы в условиях перестройки. С самого начала определились различные подходы к организации смотра, однако для всех политотделов были характерны желание и стремление основательно проанализировать стиль руководства деятельностью первичных парторганизаций, добиться реального роста авторитета коммунистов в воинских коллективах. Особое внимание обращалось на обеспечение личной примерности каждого члена и кандидата в члены КПСС, создание в партийной среде атмосферы открытости, гласности, равенства всех коммунистов перед Уставом КПСС. В процессе смотра удалось конкретно воздействовать более чем на девяносто процентов партийцев и практически всех, имеющих недостатки в службе и дисциплине. Около

К ОТЧЕТАМ И ВЫБОРАМ В ПАРТОРГАНИЗАЦИЯХ

семидесяти процентов коммунистов получили партийные поручения, каждый третий — персональное задание для работы в отстающих частях и подразделениях. Уже на первом этапе оживилась индивидуальная работа с коммунистами, прежде всего с руководителями. В ряде политорганов утвердилась практика заслушивать секретарей в присутствии всех членов парткома (бюро). Во многих парторганизациях были наглядно оформлены «окна гласности», информировавшие о результатах смотра.

Нам в некоторой степени удалось переориентировать работу партийных бюро с массовых форм на индивидуальные. К сожалению, в организации собеседований не удалось избежать элементов формализма, стремления побыстрее и в выгодном свете отчитаться перед вышестоящим партийным органом. В отдельных парторганизациях, поняв формально разделение смотра на два этапа, затянули реализацию предложений и замечаний коммунистов, отложив это важное дело на заключительный период, когда пройдут собеседования со всеми партийцами. Мы видим сейчас: было бы целесообразно проводить собеседования перед отчетами и выборами, что позволило бы выйти на отчетно-выборные собрания с конкретной программой действий. Составление характеристик партийных организаций нередко сводилось к схематичным данным о деятельности коммунистов и служебно-боевых задачах коллективов. Итоги первого этапа подводились, как правило, на партсобраниях.

Второй этап смотра нацеливался на развертывание организаторской работы политорганов (политаппаратов), парткомов, партбюро, парторганизаций по выполнению мероприятий, выработанных на первом этапе. Это было время конкретных поступков и дел. Широко практиковались отчеты коммунистов-руководителей на открытых партсобраниях, использовались для этого стенная печать, другие средства информации военнослужащих. Полезным, к примеру, оказался для командира части подполковника Б. Кузнецова его отчет на партсобрании части. Коммунист правильно воспринял критику в свой адрес, прибавил в работе, и его выдвинули на вышестоящую должность.

В партийных организациях, насчитывающих до 15 коммунистов, секретарь еже-

месячно на собрании в своей информации давал оценку каждому партийцу по следующим вопросам: о примерности в боевой службе, боевой подготовке и на порученном участке работы; о поддержании воинской дисциплины и участии в работе по ее укреплению; о совершенствовании идейно-теоретического уровня и активности в политико-воспитательной работе с личным составом; о выполнении партийных поручений и т. д. А в постановлении собрания указывалось, в какие сроки тому или иному товарищу устранить недостатки. Там, где на учете более 15 коммунистов, аналогичные сообщения секретари делали раз в квартал.

Пример делового отношения к решению многих острых вопросов, перестройке показали парторганизации, возглавляемые тт. В. Суховым — делегатом XIX Всесоюзной конференции КПСС, С. Федоренковым, Т. Кукушкиной, Ю. Васильевым, другими активистами. Однако медленно преодолевают застойные явления партколлективы, где на учете стоят тт. И. Мерквилдзе, А. Соловьев, Г. Макаров, В. Ли.

Итоги второго этапа подвели на партсобраниях, на которых намечены направления дальнейшей деятельности.

Смотр в некоторой мере помог соединить идеи перестройки с практическими делами каждой парторганизации, оживить внутривнутрипартийную жизнь, расширить гласность и демократию. Однако мы видим, что надо и в дальнейшем искать новые формы партийной работы, шлифовать их. Взять, к примеру, тот же смотр. Вряд ли целесообразно втискивать его в строгие временные рамки этапов, в букву положения о нем — ведь каждая партийная организация имеет свои особенности и они должны непременно учитываться. В целом же смотр боевитости первичных партийных организаций отвечает требованиям XXVII съезда, XIX Всесоюзной партийной конференции — побольше деловитости, побольше ощутимых результатов.

Подполковник А. БОЛЬШАКОВ,
начальник отделения политотдела
ВВ по Уралу.

Когда материал готовился к печати, его автор был назначен начальником политотдела соединения.

ОТ РЕДАКЦИИ. Перестройка партийной работы побуждает искать новые ее формы, совершенствовать уже апробированные, дающие положительный эффект. Это — аксиома. Потому необходим поиск наиболее действенных направлений работы парторганизаций. Одной из таких форм становится смотр их боевитости. Проводимый в ряде областных парторганизаций, в некоторых военных округах, он все больше завоевывает себе сторонников.

К сожалению, в партийных коллективах войск по Уралу он оказался в некоторой степени заорганизованным [что отмечает сам автор статьи], а главное — он пока не принес ощутимых результатов. Публикуя данный материал, редакция исходила из таких посылок: во-первых, показать содержание организационной стороны смотра; во-вторых, подкрепить мысль: не всякое новое является панацеей от недочетов и упущений, тем более если его конечный результат нельзя назвать положительным; и, в-третьих, в ходе начавшихся отчетов и выборов помочь коммунистам высказать свои суждения относительно смотра боевитости парторганизаций.

Отдел партийной жизни
и военно-патриотического воспитания.

ЗАЛОЖНИКИ

В одной из исправительно-трудовых колоний, расположенных на окраине Семипалатинска, утром 22 мая были захвачены в качестве заложников женщины — работницы отдела технического контроля... В ходе операции был смертельно ранен майор А. Романов.

(Красная звезда, 24.05.89 г.).

КОМАНДИРОВКА в Семипалатинск была внеплановая и где-то даже неожиданная. Служба, однако, приучила майора Романова ко всему, воспитала выдержку, умение сдерживать чувства. Он иногда думал, что если его вдруг окатят холодной водой, он уже не вскрикнет: офицеру нельзя быть излишне эмоциональным. И поэтому он спокойно стал собираться в дорогу. Конечно, рушились все его планы. Личные. Рабочие. Первого июня, например, День защиты детей. В части решили устроить малышам праздник. Отвечал он. Женсовет уже настроил, организовал общественность.

...Александр Романову было не по себе всю дорогу. Ему казалось, будто и он не успел сделать чего-то главного. Не поговорил с сыном. Наскоро простился с женой. Время. Где оно, офицерское время?..

День 22 мая начался для него как обычно в командировке: подъем вместе с солдатами, зарядка, завтрак, политинформация, которую Романов решил провести сам. В этот раз тема была о съезде, интересная всем, и он видел, как внимательны слушатели. И говорил вдохновенно. Только в канцелярии взглянул на часы: 8.20.

(Он еще не знал, что в это время в колонии преступники захватили заложниц).

НЕ СКРЫВАЯСЬ, трое осужденных быстро вошли в цех. В рабочей комнате — никого. Рыжков показал на дверь бытовки:

— Бабы там. Покажем заточки — не пикнут.

Рывком открыли дверь. Женщины только переделались в спецовки. Курочкин обернулся к Рыжкову:

— Их здесь аж пять.

— Какая разница? — отмахнулся Рыжков. Он угрюмо поглядывал то на самодельное оружие, то на недоумевавших, еще не осмысливших ситуацию женщин, резко командовал:

— Все — на диван! И ни звука. Вяжи им руки...

Даже в эту минуту Л. Капустина, С. Кристич, В. Семененко, Т. Кубышкина и Н. Концеренко — контролеры отдела технического контроля одного из цехов — еще не могли поверить в реальность происходящего.

Случалось и раньше к ним в комнату заходили осужденные (нарушение, конечно, но — было). Всегда приветливые, услужливые, предупредительные, вымаливающие жалость к себе, «безвинно» осужденным. Исподволь, по законам, заложенным в женщину самой природой, зарождалось чувство сострадания к ним, доверия, желания хоть как-то облегчить участь. Иногда женщины даже подкармливали осужденных: жарили картошку на сале.

А эти трое так откровенно грубы, отчетливо!

Концеренко не выдержала, спросила, поднесла руку к губам:

— Ребята, вы что? — В ту же секунду стоявший напротив осужденный полоснул ей по кисти ножом. Брызнула кровь, женщины в ужасе закричали.

— Не шевелиться! Прикончу! Руки вперед! — с нешуточной яростью заорал Рыжков.

Руки женщинам стянули проволокой. Накрепко. До посинения. Первое потрясение проходило, они начали осознавать свою роль в этой смертельной игре, которую затеяли три преступника, вооруженных ножами и длинными заточками. Эти женщины не верили в то, что перед ними бандиты, способные убить. Точно такие же, как все, с которыми они встречались по работе в колонии. Вот это «как все» убавливает, размагничивает, усыпляет бдительность — как хочешь называй это перерождение человека служебного в обывателя — и ведет порой к подобным событиям.

Но вот «как все»: Рыжков О. В., 1964 года рождения, приговорен к 10 годам лишения свободы за хищение имущества и торговлю наркотиками. Харин В. Г., 1962 года рождения, осужден на 8,5 лет за убийство. Курочкин В. А., 1957 года рождения, осужден на 15 лет за убийство. Фигуры на воле зловещие. Хозяйку квартиры, которую ограбил, Курочкин разрезал на куски. Харин с собутельниками порешили своего же, сбросив его с четвертого этажа. А здесь — как все: понурые, скулящие, вымаливающие сочувствие, особенно перед женщинами... Как можно забывать, что прошлое еще гнетет, прорывается в них, собранных здесь? Неужели

ПРАВКА: майор Романов Александр Иванович, 1947 года рождения, русский, из рабочих, член КПСС с 1977 года, окончил Новосибирскую высшее военное командное училище МВД СССР в 1978 году. С 1979 г. — командир взвода, 1979—83 гг. — зам. командира роты по политчасти, 1983—86 гг. — командир роты, 1986—89 гг. — старший инструктор пропаганды и агитации части. Женат. Сын 1979 г. рождения.

долголетние разговоры под литавры о перевоспитательной силе ИТК усыпили их? Но в эти первые минуты женщины, ставшие заложницами, об этом наверняка не думали. Об этом нужно крепко думать до таких ЧП всегда.

Преступники меж тем занавесили окна, советовались. Решили послать кого-нибудь к ДПНК, вызвать на переговоры.

Рыжков вышел в коридор. Мимо проходил осужденный. Рыжков поманил его пальцем и для острастки пырнул ножом в поясницу.

— Ты что? — вскрикнул тот.

— Ничего. Еще хочешь? Нет? Тогда жми к ДПНК, скажи: заложниц взяли, есть разговор... Живо, стерва!

Зажимаю рану, осужденный побежал в дежурку.

Через несколько минут дежурный помощник начальника колонии (ДПНК) уже оповестил начальника войскового наряда.

К месту происшествия тут же поспешили прапорщики М. Мукушев и Н. Старостин. Начальник войскового наряда немедленно доложил командиру роты. Капитан А. Исламов, выслушав доклад подчиненного, сообщил Романову тревожную новость:

— Захват заложниц. Не исключен ввод личного состава на объект, — то ли советуясь, то ли делаясь уже принятым решением, закончил Исламов.

— Ни в коем случае. Давай сигнал, действуй как положено. Блокирую здание, где заложницы взяты, но не вводи солдат в зону. Если введем, может случиться бунт, сам знаешь, какая обстановка.

— Ясно. — Исламов вышел в коридор. Солдаты и сержанты, повинувшись командам, экипировались для действий в экстремальной ситуации.

Вот она, как раз та ситуация, которая еще и еще раз убеждает, что с приездом представителя штаба, о котором (в шутку!) говорят «заложник», управление ротой не улучшается, а ухудшается. Две головы лучше! Нет, не для войскового организма эта поговорка, не нужны роте две головы. За все должен отвечать командир, а не человек со стороны, пусть поопытней и старше по должности и званию. Само присутствие в роте «помощника» или «конт-

ролера» из штаба, политотдела уже возвращает офицеров роты, снижает их ответственность за дело, лишает решительности и смелости в действиях, заставляет оглядываться на старшего начальника.

Да и тому тоже неловко: то ли брать на себя все правление, командование (а каким приказом или уставом это предусмотрено!), то ли быть советчиком со стороны, что унижительно, то ли исполнять работу, которую могут и должны сделать офицеры, а то и сержанты роты! Чаще всего офицеры штаба поступают именно так: берут на себя кое-какие обязанности, чтобы и роль его была видна, и командира не сковывать.

Романов стал звонить в караульное помещение: проверил, усилил ли посты начальник, уточнил, сколько захватчиков, сколько заложниц. Затем вышел на связь со штабом части.

Начальник штаба потребовал сведения в деталях: фамилии, намерения, меры. Александр Иванович остановил поток вопросов, на которые ответов у него не было, и об этом в штабе не могли не знать.

— Выясню — позвоню. Мы зря теряем время... До связи.

Вот еще повод для раздумий: зачем нужен в роте офицер политотдела в качестве «ответственного» представителя штаба? Разве он специалист, профессионал в ликвидации таких происшествий? Разве сегодняшняя система подготовки офицеров делает всех специалистами!

«Товарищ майор, вы политработник, ваше дело настроить людей, политически обеспечить операцию, а не участвовать в ней», — мог сказать себе Романов, и он был бы прав перед законом. Но совесть офицера, которому внушили, что он обязан, должен быть везде, где трудно, не допускала даже мысли о том, что он может просто «отсидеться» в роте, не участвовать в предстоящей операции. У него к тому же трехлетний опыт командования ротой, и объект был почти такой же, всякое на нем случалось, всякое повидал и не оплошал. Короче, он был уверен, как уверены сейчас наверняка сотни, а то и тысячи офицеров, что его место там. И место руководителя, самое острое, опасное.

ХАРИН, Рыжков и Курочкин тем временем, дожидаясь ДПНК, обсуждали свой план. Верховодил Рыжков:

— Если «менты» не сделают, что скажем, или рывнутся нас брать, ты, Курочкин, прикончишь этих. — Он показал на заложниц. — Так мы не дадимся.

Новоявленный палач ощерился, пробуя пальцем лезвие ножа:

— Не впервой. Красавицы, жить хочется, а? Хочется, хочется. И нам пожить хочется, душу отвести...

Женщины плакали, кто беззвучно, кто навзрыд. Ждать было томительно, плач раздражал бандитов, они прицкинули на своих пленниц. В этот миг и открылась дверь. Это прибежал прапорщик Мукушев.

Харин процедил сквозь зубы:

— Пошел отсюда! Зови ДПНК или опер да не тяни — хуже будет.

Мукушев успел заметить через дальнюю дверь сидящих на диване женщин. Они тоже его увидели, показали связанные руки и заголосили.

ДПНК прибыл вскоре вместе с заместителем начальника колонии по режиму майором внутренней службы Н. Волковым. Волков и взял на себя руководство переговоров:

— Ваши действия незаконны. Освободите заложниц.

Но слова эти подействовали только на женщин:

— Дайте им все, что просят. Спасите нас!

Преступники не собирались идти на мировую. Харин бросил за порог конверт.

— Читай, опер, и предупреди хозяина: полчаса на все. Опоздаете — будет труп. Еще пять минут промедлите — еще труп. Требования выполнять так, как написано. Время пошло. Для начала пришлите врача и пять пар наручников.

Волков начал торг. Надо было выиграть минуты, дожидаться прокурора, начальства из УВД: ведь требования преступников — крупную сумму денег, часть из которых золотом, оружие, наркотики — эти требования при всем желании он выполнить не мог. [Кстати, а почему? Разве такая ситуация не могла прийти в голову тем, кто разрабатывает схему всяческих совместных учений? Чему мы учимся, если эта наука негодна на практике!] Значит, женщины обрекались на смерть? Допустить этого нельзя.

— Я пойду за врачом и наручниками. Но на это нужно время, а вы поставили ультиматум. Придет врач — начнете ваш отсчет.

— Лады, пусть бежит бегом. Ты, опер, тоже. Но долго не ждем...

Первая удача: минуты выиграны.

МАЙОР Романов был уже на объекте. Он делал свое (по уставам — команди ра роты) дело, пока не прибыл командир части. Вместе они пошли к бараку, где разворачивалась драма. Там уже были руководство УВД, прокурор, начальник колонии. Они вели переговоры, старались все уладить миром.

Поняв, что администрация просто тянет время, Харин предложил сообщникам: вызовем врача, свяжем. Не будут «менты»

шевелиться — отрезем капитану ухо и бросим за дверь. Еще станут медлить — отрезем другое, потом голову, быстро согласятся на все.

— Заметано, — подытожил Рыжков и открыл дверь. — Давайте врача, бабу тут корежит.

Это была правда. Одна из заложниц билась в судорогах, кричала от боли и страха. Ее и еще одну женщину, сидевшую на диване, майор Романов видел через щель между косяком и открытой дверью. В створе периодически появлялись то Рыжков, то Курочкин.

«Взять бы на мушку, и дело с концом», — мелькало в голове. Такая же мысль пришла капитану О. Тарасенко и находившемуся тут же старшему лейтенанту Н. Божко. Они, как и майор Романов, в бесили слушали крики женщин, слезы, мольбы о помощи, угрозы бандитов, ругань и посулы тех, кто вел переговоры.

Все это натягивало нервы, как струны, унижало, убивало нелепостью.

Наконец командир части назначил всех их в группу прикрытия. Старший — майор Романов. Быстро вооружились, наблюдая, как вели переговоры с террористами воры в законе. Те согласились помочь администрации, но и их советы сдать, так как дело проигрышное, повисли в тишине. Тревожной. Звонкой. И снова — мольбы несчастных женщин.

Теперь уже руководители операции решили: нужно применить силу, вплоть до ликвидации преступников. Этой силой и была группа под командованием Романова. Офицеры заняли исходные позиции. Затаили дыхание, напряглись. Ждали команду. Вот скрипнула дальняя дверь. Появился Рыжков, рядом стала Концеренко, поддерживая кровоточащую руку.

— Спасите же нас! Они же нас убьют, неужели вы не видите, — взмолилась женщина, подталкиваемая бандитом.

— Автобус! — закричал он. — Сейчас же или вы увидите трупы! Трупы, я говорю.

В ту же секунду из-за двери послышался душераздирающий крик заложницы:

— Ну помогите же кто-нибудь!

Майор Романов тихо проговорил: «Вперед!» И группа прикрытия взяла на себя роль группы захвата. Божко прицелился в Харина, Тарасенко — в Рыжкова. Прозвучали выстрелы. Рыжков, невредимый, бросился в бытовку, к дружку и заложницам.

Романов понял, что у беззащитных женщин не осталось шансов. Тут дороге каждое мгновение, не секунды. Романов рванулся к двери. Он успел раньше, чем того ожидали преступники. Дверь держали. А там, за дверью, уже слышался истощенный крик первой жертвы. Романов что есть силы дернул ручку на себя. Дверь резко открылась. Прямо перед собой офицер увидел перекошенное злобой лицо Рыжкова и... острую сталь заточки... От резкой боли Романов присел. Пригнувшись на помощь Жайсанов выстрелил в одного бандита, затем в другого.

Стихли стрельба, крики, стоны. Для Александра Ивановича эта тишина была уже вечной, он не видел, как мимо пронесли раненых, как прошли спасенные им живые заложники...

ЭТИ заложники ушли, и скорее всего, вообще не появятся на объекте, а вот другие тут остаются надолго. Остаются в силу служебной необходимости. Заложники тех порядков, которые складывались на объекте и в подразделении. Да разве только здесь? Сколько раз думал об этом Романов!

В первой шеренге тех заложников стоят контролеры. Это на их глазах в ИТК происходили и происходят перемены: далеко не в лучшую сторону. Это их просьбы игнорировались, с ними почти не считались администрация да и свои отцы-командиры. Контролеры предупреждали: недалеко до беды — и были правы, так как в колонию со всех регионов страны свезли столько наркоманов, что они составили почти половину всего контингента. Часть производства на объекте связана с использованием нитро- и лакокрасочных материалов, поэтому ежедневно наркоманы «ловили кайф», становились неуправляемыми. Если еще учесть, что на территории ИТК располагается межреспубликанская больница, где лечатся больные, отбывающие срок в колониях с разными режимами, в том числе с особым, то станет ясна вся острота тревог контролеров. Встречаясь с Романовым, они сетовали:

— Как уследить за этой публикой? Было нас, вы знаете, вдвое больше, чем теперь. Ожидали сокращения числа осужденных в колонии, а сократили только контролеров. Теперь нас четыре прапорщика в смене, хотя надо шесть. О чем начальство думает? Прапорщика Васильева на днях осужденный ударил. Что дальше будет? Вся «отрицаловка» с заточками и ножами ходит, того и гляди нападут. Кто нас защитит?

Что мог ответить им Романов, чем помочь, если командир части, зная о взрывоопасной обстановке на объекте, не сманеврировал силами? Он, по правде говоря, сам оказался заложником ситуации, которую создали ГУИД МВД Казахской ССР и штаб управления войск по Средней Азии и Казахстану. Одна высокая инстанция закрывала глаза на перелимит осужденных в ИТК, направив их сюда из закрываемых колоний. Другая не увеличила полку штаты контролеров, хотя могла и обязана была это сделать за счет сокращения военнослужащих данной категории в республике в целом.

В такой вот обстановке войсковые наряды старались изо всех сил собой прикрыть нерасторопность и халатность начальства. Сделать это было нелегко, ибо контролеры физически не могли осуществить проверку осужденных на рабочих местах, не могли пресечь свободное хождение по зоне. Но люди несли свой крест, несмотря ни на что.

Заложниками ситуации оказались часовые КПП, начальники караулов. Каждый день они ощущали на себе давление со всех сторон. Камнем преткновения был пропускной режим. Стоило часовому КПП потребовать у проходящих на объект женщин предъявить к досмотру сумки, они učinяли скандал, грозили невыходом на работу. Мало того, что сотрудники админи-

страции шли на поводу у слабого пола, они и сами не выполняли требования часовых, старались пройти на объект с «дипломатами». Настойчивое стремление непременно что-то пронести с собой вызывало тревогу. Командир роты, его заместитель обращались к руководству колонии с просьбой навести порядок, но законное требование оставалось без внимания. Только однажды при содействии ДПНК проверили у бригадира ОТК сумку и обнаружили бутылку водки. Нарушительницу уволили, но изменений в пропускном режиме не наступило. Никто сейчас не скажет, сколько и каких запрещенных предметов пронесено на объект.

Можно еще как-то простить или во всяком случае объяснить потерю бдительности женщинами, которые пускали к себе в комнату ОТК осужденных, приносящих продукцию. Но как могло руководство ИТК, зная, что в той самой комнате вдруг

не стало заповор, что периодически выходит из строя сигнализация, предупреждающая ДПНК и войсковой наряд об опасности для работниц, все это проигнорировать? Потому-то так беспрепятственно проникли сюда злоумышленники. Безответственность, расхлябанность, беспечность — вот что поставило в положение заложников самих сотрудников колонии, военнослужащих войск.

А организация операции? Если, конечно, ею можно назвать естественный ход событий. С того момента, как она началась и пока не завершилась, из каких только инстанций не звонили, требуя данных и пояснений у начальника УВД облсполкома и у командира части. Телефон раскалится от страстей. Первые лица, которым нужно было принимать ответственные решения и управлять людьми, вынуждены были ежеминутно отрывать от прямых обязанностей, спешить через всю зону к аппарату, оставляя за себя заместителей. В такой обстановке случилось так, что девять офицеров УВД во главе с начальником уголовного розыска, назначенные в группу захвата, томились вдалеке от места проведения операции. Зато непрофессионалы вышли на первые роли. Они мужественны, имеют хорошую военную подготовку, не занимают им и самоотверженности. Однако права наши предки: сапоги должен тачать сапожник... Как тут не вспомнить приказ иметь в каждой роте подготовленное для действий в экстремальных условиях отделение? Он есть, но игнорируется. Имеется и программа обучения, но все дело в том, что это опять же нештатная единица. А раз так, то учат солдат этого отделения, как и всех остальных: вместе с товарищами через день, а то и ежедневно они ходят на службу. Положенную дополнительную программу, как правило, отрабатывать не успевают, потому привлечь их к операции, случись беда, как в Семипалатинске, вряд ли кто решится. Мало ли что...

Между тем с начала года в колониях произошло 37 захватов заложников, а за последние три года от рук преступников в местах лишения свободы погибли 8 сотрудников МВД и более 130 получили тяжелые ранения. Всего за это время нападению подверглись 300 человек. Надо думать, что на фоне такого резкого повышения агрессивности содержащихся в ИТК вопросы о профессиональной подготовке военнослужащих, утверждения в колониях твердого установленного режима требуют не дальнейшего декларирования, а немедленного практического разрешения.

Нельзя медлить, нельзя надеяться только на нравственные качества личного состава — они достаточно высокие. В основе умелых действий должен быть, повторяю, профессионализм. Хватит нам горьких уроков, хватит такой постановки дела, когда всякий невольно чувствует себя заложником или уверен, что может им стать. Вчера им оказался майор Романов. Мы потеряли его. Высока цена. Тяжела вина. Ее надо искупить.

Подполковник В. КУЗЬМЕНКО,
наш спецкор.

Семипалатинск — Москва.

ОНИ ВСЕГДА РЯДОМ

с. 2—3

В коллективе, где женсовет возглавляет ефрейтор

Н. Амочаева, трудится немало женщин. И на службе, и дома они неутомимы, богаты на выдумку, щедры душой в отношениях с сослуживцами, заботливы к детям.

■ Скрамная должность у Ирины Дроздовой — машинистка. Самая что ни на есть женская работа. Те, кто не знают девушку, вряд ли подозревают, какое у нее неординарное увлечение. Парашютный спорт — это вам не вязание на спицах. После мерного стрекота пишущей машинки — на широкий простор, где свист, рев мотора и... полет в бескрайнем небе. Вот и пришла окрыленность, и радостно волнуется сердце.

Ирина Дроздова — кандидат в мастера спорта СССР, на ее счету сто пятьдесят прыжков.

■ Прапорщик Мария Ивановна Потапова — начальник кинорадиоузла. Увлеченность мамы передается Сергею. Он и помощник, и первый зритель в солдатском клубе.

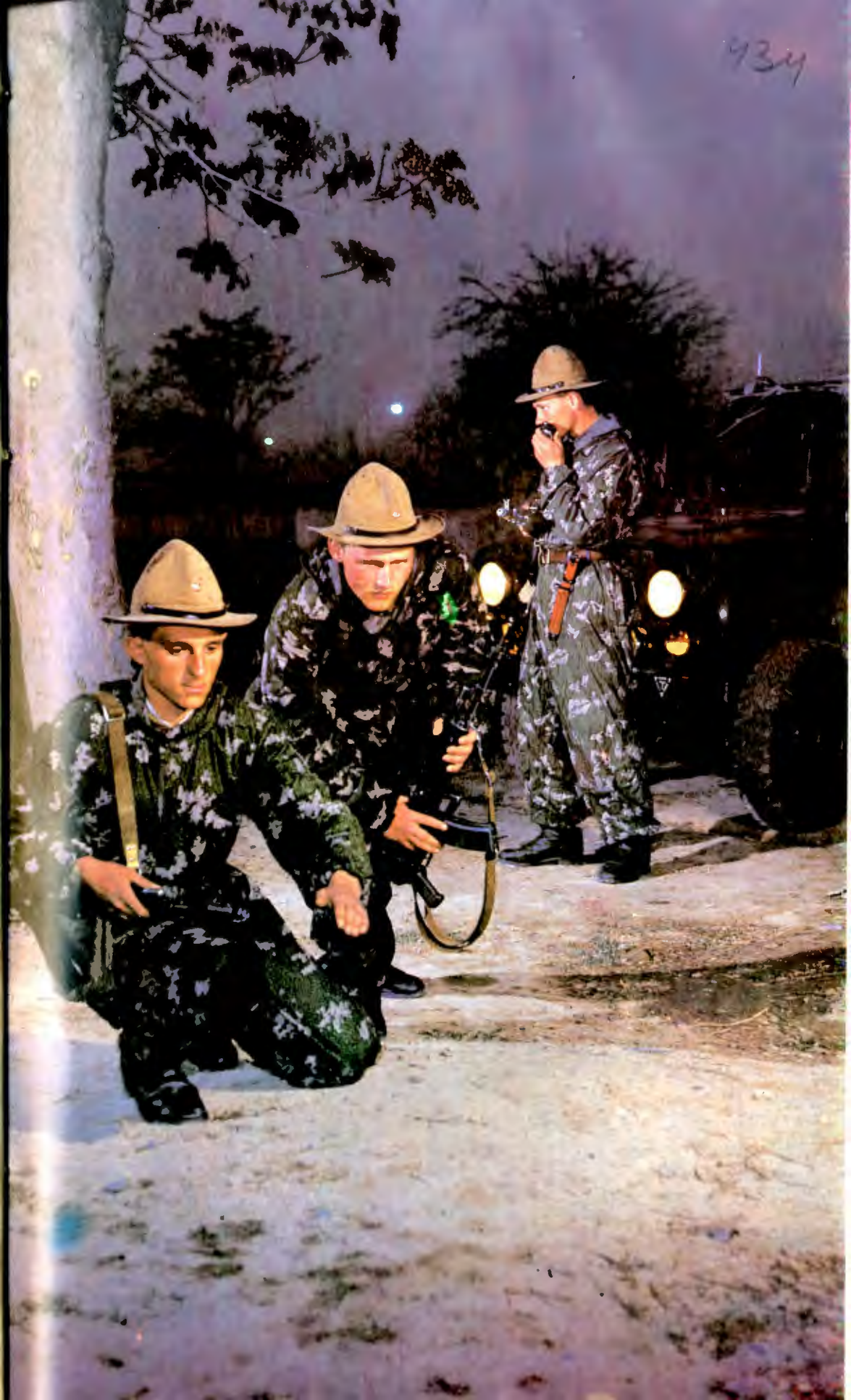
■ Татьяна Михайловна Березовская выходные проводит на садовом участке. Вся семья с удовольствием работает на земле, радуясь первым всходам, выращенному урожаю.

■ А «плантация» прапорщика Тамары Ивановны Губчиковой совсем крохотная, но в цветочных горшках медпункта уже собралась неплохая коллекция цветов. Это увлечение начальника аптеки тоже «работает» на исцеление больных.

На снимке справа: сигнал о нарушении поступил вовремя. Нарушитель не успел уйти далеко.

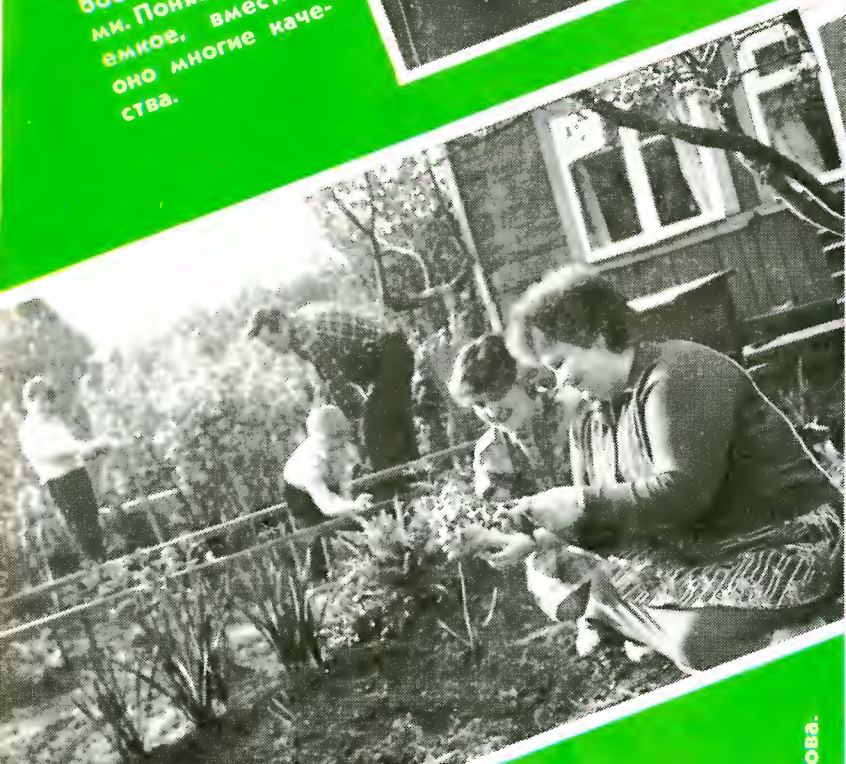
Фото А. Александрова.

434

Женщины, работающие в воинских коллективах, обычно называются боевыми подругами. Понятие очень емкое, вместило оно многие качества.

О них — скромных труженицах, заботливых матерях и женах, наших невестах и сестрах — говорим с теплотой и нежностью 8 Марта. А они ведь каждый день вместе с нами, они всегда рядом.

Фото А. Александрова.

ОНА

435

ВСЕГДА РЯДОМ

Подсобное хозяйство части, в которой служит офицер тыла майор Г. Лягаев, можно по праву назвать и многоотраслевым, и прибыльным.

Рядовой Андрей Жоголев (на верхнем снимке), ефрейтор Ахмед Даурбеков и другие солдаты с удовольствием приходят сюда поработать — дело ведь нужное.

Если бы я был

НАЧАЛЬНИКОМ ВОЙСК...

НЕСКОЛЬКО ИНТЕРВЬЮ С КОММЕНТАРИЯМИ...

ПРЕДСТАВЬТЕ на минуту, что вы — начальник внутренних войск страны. С чего бы вы начали свою деятельность, с решения каких проблем, волнующих, на ваш взгляд, войска?

■ Майор А. ЛЯНДА, секретарь парткома части. Для начала должен был отмены уравнилельной обязательности последовательного прохождения всех ступеней должностного роста: командир взвода — заместитель командира роты — командир роты... Офицерам перспектива нужна, и не туманная, призрачная, а реальная, манящая, стимулирующая. Пусть с первого дня служат по максимуму, без скидок на возраст и небогатый опыт. И пусть оценивают их и назначают по деловым качествам, а не по мелкой штатной сетке, в которой недолго запутаться.

Предложил бы присваивать очередное воинское звание сразу после назначения на должность. В конце концов, о степени профессиональной зрелости офицера в войсках судят не столько по количеству звезд на погонах, сколько по занимаемой должности. И если достоин человек высокого поста, почему не достоин соответствующего звания?

Попытался бы внедрить систему дифференцированного подхода к оплате труда прапорщика и офицера. Дана, к примеру, общая сумма на воинскую часть. А командир или же компетентная комиссия, в состав которой он входит, решали бы — кому сколько. Независимо на звания и должности. По результатам. По заслугам.

КОММЕНТАРИЙ. Что ж, в целом это укладывается в русло социалистического принципа «От каждого по способностям, каждому по труду», наносит ощутимый удар по пресловутой уравниловке, стимулирует служебную активность, самостоятельность, инициативу. Впрочем, возможно, кто-то думает иначе.

Не так уж фантастично и предложение приводить воинское звание в соответствие с занимаемой должностью. Если верить периодике, буквально засыпавшей нас в последнее время информацией о закордонном житье-бытье, в армиях некоторых развитых стран так и делается. Не «потянул» офицер — спускайся на ступень, а то и две ниже и, естественно, откручивай «лишние» звезды. Глядишь, тогда и «переростков» в войсках поубавится. Тех, которые в солидных званиях командуют взводами и ротами, снятые в свое время за упущения в службе. Опять же стимулы заработают в полную силу: крепче будут держаться офицеры за должность, то есть лучше служить.

■ Капитан Ю. ЗУБКОВ, пропагандист. Конечно, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Но, к сожалению, не каждому суждено стать даже майором. И не только в силу субъективных условий, личных недостатков. Допустим, тот же вчерашний прапорщик, окончивший военное училище экстерном. Его офицерская биография много короче, это понятно, хотя в целом армейская зачастую не беднее. И редко кто из них успевает «нахватать» больших звезд. Старший офицер, увольняясь в запас, прикрепляется к ведомственной поликлинике, ему гарантировано качественное медицинское обслуживание. А каково младшему? Он лишен этой возможности. Со здоровьем расстался там же, в армии, в «латтай» себя где хочешь? Я бы изменил это положение.

Как и подбор кандидатов в академии. Что бы там ни говорили о достоинствах человека, а главное условие «попадания» в

БОЕВОЙ СЛУЖБЕ — ЭФФЕКТИВНОСТЬ

кандидаты — опять же должность. Где же набрать-то должностей на всех желающих? Я бы сохранил неизменным временной ценз (отслужил положенное!), но убрал должностные ограничения. Подбирал бы людей по показателям в службе и профессиональной подготовленности. Например, рота трижды добилась звания отличной — командиру зеленая улица для поступления в академию. Все остальное решит конкурс.

Предложил бы ввести надбавку к денежному содержанию командиров отдельных подразделений. Ну разве можно сравнивать объем и специфику их обязанностей с заботами командиров рот при управлении части? «На отшибе» многое приходится делать самому: подсобное хозяйство, автотехника, контакты с местными органами, да всего и не перечислишь. Он сам себе и начальник штаба, и начвещ, и начпрод. А оклад и воинское звание по должности ему положены те же, что и его коллеге, избавленному от многих хлопот. Не случайно, наверно, у нас такие сложности с подбором командиров «глубинных» рот.

КОММЕНТАРИЙ. Самостоятельность тоже поощрять и стимулировать надо — истина. Пусть невелико подсобное хозяйство, а пока кормами разживешься — семь потов прольешь. Пусть маломощен автопарк отдельной дислоцированной роты, а все же техника квалифицированного ухода требуется. А это — время, чисто служебное и личное, постепенно, по мере загруженности перерастающее в служебное. В народе недаром говорят: время — деньги.

Возможно, Юрий Егорович Зубков и переоценивает качество медицинского обслуживания старших офицеров запаса в ведомственных поликлиниках. Но в том, что право на лечение в них должны иметь все запасники независимо от прежнего воинского звания, с ним спорить трудно. Не майора или генерала призвана и потому должна обслуживать наша медицина, а человека, посвятившего жизнь службе в войсках. Вряд ли тот, кто не вышел чином, болеет меньше...

■ Капитан С. РОГОЗИН, командир роты. Я бы несколько видоизменил, что ли, порядок сокращения штатов. Не с того начали. Сами же публично призывали сокращать непомерно разбухшие управленческие аппараты, а на деле что получается? У меня в роте после сокращения стало на четыре начальника караула меньше при практически прежнем объеме службы. А управление части абсолютно не пострадало. Это ли сокращение штатов, разумное и целесообразное?

Вдохнул бы, наконец, жизнь в программу боевой и политической подготовки личного состава. Все в ней вроде бы гладко, да не все нужно. Убрал бы лишнее, добавил недостающее. К примеру, с политической подготовкой, в важности которой не

сомневаюсь, — перебор. Командиры взводов даже не успевают толком подготовиться к занятиям. Только и разговоров у них, что о писании конспектов, не говорю уже об осмыслении ими учебного материала. А вот на физическую подготовку 1—2 часа в месяц ничтожно мало.

И еще: будь моя власть, настоял бы на передаче контролеров в распоряжение колонии, то есть в систему ГУИД. А то обилие командиров и начальников над ними порождает великое множество проблем, которые долгие годы не решаются и вряд ли будут решены.

КОММЕНТАРИЙ. Даже если твердо встать на точку зрения, что сокращение штатов дело, безусловно, нужное, с огульным подходом к нему мириться нельзя. Вряд ли стоит доводить количество военнослужащих до требуемых норм, жертвуя качеством в ущерб службе. И, видимо, там, где выбирают, кого оставить — писаря при штабе или начальника при карауле, и прощаются с последним — прописались бюрократы. Если не сказать больше..

А одного часа в месяц на плановые занятия физподготовкой действительно до смешного мало. Посмотришь на зверские рожки и могучие бицепсы капиталистических наемников — жалко солдат становится. Ведь на такого головореза наших, как минимум, трех надо, чтобы совладать в рукопашном бою. А отведи им, потенциальным противникам, час в месяц на занятия физподготовкой, тогда, может быть, их мускулы от наших не отличишь.

■ Старший лейтенант В. МУРАВЬЕВ, замполит роты. Сомневаюсь, что дослужусь до начальника войск, но если доведется, полностью изменю критерии подхода к оценке деловых и личностных качеств подчиненных. Чаще совершенно безапелляционные суждения выносятся иными начальниками и проверяющими не в результате глубокого изучения личности, а на основании различных «бумаг» и добытых окольным путем мнений. Сократил бы до минимума переписку и пересылку документов — и в массы, искать выдвиненцев, подающих надежды на деле, а не по сроку выслуги. А то ведь о конкретном человеке вспоминают лишь тогда, когда нужно с кого-то спросить по всей строгости. С «бумаги» не спросишь...

Настоял бы на повышении качества отбора солдат во внутренние войска. Слышал, что находимся мы где-то на уровне стройбатов (не в обиду им будет сказано) по требованиям, предъявляемым к призывникам. Это безобразие. Задачи войск буквально с каждым днем усложняются и умножаются, а призываем зачастую тех, кто не прошел в престижные десантные, танковые и прочие войска.

Поставил бы мощную преграду на пути распространения так называемой семейственности. Той, что сродни протекционизму.

Традиции, не спорю,—хорошо, семейственность — дурно. Сколько их, сынков высокопоставленных начальников, просиживает места (как правило, теплые). И растут, растут как на дрожжах. Трудно переоценить разлагающее воздействие подобных явлений на окружающих. Смотришь, и руки опускаются. Обидно.

Если бы и после этого меня не сняли с должности, внес бы такое предложение — объединить все моральные поощрения в одно — командирское спасибо. Заметил: только первая благодарность, ну от силы вторая — поощрения, а третья, пятая, десятая — уже статистика. То же самое и с взысканиями. В первом случае военнослужащий не радуется, во втором — не очень огорчается. И служебные карточки бы упрощил. В том виде, в котором мы их имеем, они малополезны. Сплошная арифметика. Бухгалтерский отчет за квартал, то есть за период обучения.

КОММЕНТАРИЙ. Никуда не денешься. Нередко еще судят о людях через голову, в этом прав старший лейтенант Муравьев. В лучшем случае после беглого, поверхностного знакомства. А затем: «Что-то в нем есть, думаю, подойдет...» или: «Не нравится он мне чем-то, вряд ли потянет...». Приговор вынесен, обжалованию не подлежит. А ведь это так называемый «печеночный» уровень, дескать, печенкой чую, а головой не дохожу. Увы, наша общая беда, и не внутривойсковая, а государственная. Кому не знакома картина: приезжает проверяющий и начинает перетряхивать учеты и отчеты, не видя за ними людей. Полистал и уехал с готовым мнением: почерк скверный, неразборчивый, значит, и человек так себе, на троечку.

■ Старший лейтенант В. ШИЛОВ, секретарь комитета ВЛКСМ части. «Ужас» бы программу боевой и политической подготовки. Допустим, с понедельника по четверг — занятия, как положено, остальные дни — по плану командира роты. А то слишком много своих, «родных» и не менее важных задач остаются нерешенными месяцами. Тем более, что некоторые отчаянные командиры неофициально так и делают. Мобилизованный программой обучения на организацию занятий по методике отражения вражеских диверсионно-разведывательных групп, он вынужден посылать людей на расчистку заросшей контрольно-следовой полосы.

Комсомольских работников частей переподчинил бы вышестоящим политорганам. Не полностью, а в том, что касается их функциональных обязанностей. По-моему, очень демократично. Такая независимость пошла бы на пользу делу. И предоставил бы секретарям комитетов ВЛКСМ право разрешать увольнения и даже отпуск личного состава, если это не идет во вред службе, не противоречит требованиям ус-

тава. Цель — проведение различных мероприятий. Ну и поощрение тоже. Комсомолу не менее других нужны стимулы.

Да, и конечно, материальное стимулирование службы офицеров и прапорщиков. Сделал бы все от меня зависящее, чтобы они получали по результатам сделанного.

КОММЕНТАРИЙ. Отрадно, что комсомольский работник не замыкается в рамках дел сугубо общественных. Все его волнует: и служба, и учеба, и досуг. Так и должно быть. Подкупает откровенность. Ведь так и есть: КСП засорена — надежность охраны уже не та. Следовательно, нужно приводить полосу в порядок. Это реалья, насущная необходимость. И командир рассуждает: когда еще нападет ДРГ и нападет ли вообще! Потому и проводит иной раз «отражение нападения» только по конспекту, вооружая «отражателей» граблями и лопатами.

■ Капитан Е. МАЛКОВ, командир роты. Предложил бы оценивать состояние воинской дисциплины не по нарушениям, а по проступкам, которые повлекли за собой возбуждение уголовных дел. Тогда командиры без оглядки на собственное служебное благополучие будут заниматься дисциплинарной практикой. И болезнь начнут лечить, а не загонять внутрь. Незачем станет скрывать то, что надлежит вскрывать. В конечном счете, главное — уставной порядок, а не «палочки» и «галочки» в учетах.

Регламентировал бы прямую замену офицеров с разрешением им бронировать квартиры при наличии пятнадцати лет выслуги. Ныне это позволяется при двадцатилетнем стаже.

КОММЕНТАРИЙ. Для того, чтобы понять озабоченность капитана Е. Малкова, нужно поставить себя на место младшего офицера, которому «грозит» прямая замена, с выслугой 18—19 лет. Служба, будем откровенны, к закату, только-только устоялся быт, а нужно все бросать и, что называется, начинать жизнь сначала. Командир роты — не командир полка или дивизии, его на новом месте квартиры не ждет. Может быть, это и частный случай, но за ним — человек. Кстати, а почему требуется именно 20 лет выслуги, чтобы забронировать квартиру, а не 16 или, скажем, 21! Только ли для ровного счета! Или в этом есть какой-то особый резон!

■ Старший лейтенант А. КОРШУНОВ, замполит роты. Предложил бы из части изъятых при обыске у осужденных денег создать поощрительный фонд. И разрешил бы лучшим военнослужащим из этого фонда (по согласованию с администрацией или без) выплачивать премии за служебное рвение. Это не только стимул, как мне

кажется, но и действенное средство против неслужебных связей, и урок осужденным.

Рекомендовал бы при назначении на должности шире использовать кадровые возможности других УВВ, чтобы люди не вращались постоянно в рамках одного управления. Наверное, бывают такие ситуации, когда в родной части «расти» некуда, а соседям кадры нужны.

Обязательно похлопотал бы об оплате офицерам и прапорщикам по труду. Несправедливо, когда командиры отличной и отстающей рот распределяются в финансовой ведомости за одинаковые суммы. И вообще бы попробовал повисить оклады офицерам. Выбил бы. Поплатился бы должностью, но добился своего.

КОММЕНТАРИЙ. Круто. И все же действительно большой вопрос — оплата по труду. Практически все участники дискуссии высказались «за» — и передовики, и отстающие. Проводят аналогии, ссылаются на то, что молодые девушки-вагоновожаты имеют столько же, сколько командиры рот. Соизмеримо ли? Ругают общественное мнение, относящее военнотружущих к категории высокооплачиваемых профессий. Когда это было! Сколько воды утекло, сколько надбавок к своей зарплате получили рабочие, колхозники и служащие! А денежное содержание офицеров, не считая уступки с подоходным налогом, будто приморозило.

Есть логика и в предложении расширить географический диапазон служебных перемещений, не бояться частых переводов с края на край страны, как это делается в Советской Армии. В этом есть и свой физиологический смысл, связанный с особенностями климатической адаптации человеческого организма.

■ Капитан Г. АФАНАСЬЕВ, заместитель командира роты по службе контролеров. Первым делом уточнил бы права войск по отношению к осужденным. Указ регламентировал наши взаимоотношения с местным населением в различных ситуациях. Здесь все ясно. С осужденными труднее, особенно сейчас, в связи с расширением демократии.

Контролерам поднял бы планку денежного содержания (труд-то адский) и передал бы их под начало администрации ИТК. Думаю, никто бы не проиграл, а выиграли бы все...

КОММЕНТАРИЙ. А заодно бы устранились многие противоречия между организацией службы надзора и борьбой колонии за выполнение планов... Впрочем, предлагать — прерогатива «начальников войск». Так что ждем от вас новых предложений.

Мнения прокомментировал
майор А. УШАР.

Сила

УСТАВ предоставляет командиру обширные права и обязанности. И предоставляет их, можно сказать, автоматически, только на том основании, что тот или иной человек — командир. Другое дело — авторитет, который устав никакому командиру не гарантирует, хотя и создает оптимальные условия для его возникновения и укрепления. Тут уж, как принято говорить, все зависит от каждого.

Правда, жизнь учит, что далеко не каждому он, авторитет, нужен, как это ни странно звучит. Приходилось встречаться и с такими командирами-единоначальниками: гордо взирая с высоты своего положения, они подтрунивали над самим понятием — авторитет. Все эти красноты и пестрые звески, рассуждали они, годятся разве что для душещипательных бесед, а не для дела. А для дела необходима твердая рука. Есть, дескать, цель — одна на всех, к которой нужно стремиться, служебно-боевая задача, которую следует выполнить во что бы то ни стало, и сила, власть командира, единоличная, как и ответственность. И если цель достигнута и задача решена, так ли уж важно — есть авторитет у командира или нет его?

Казалось бы, все логично и последовательно, и подобная точка зрения имеет право на жизнь, да вот незадача — у сторонников авторитета силы и авторитета должности результаты стабильными практически не бывают: удача — редка, успех — единичен. Оно и понятно, для возрастающего давления на подчиненных, для силовых методов руководства нужны мощные рычаги. И каким бы двуязычным командир ни был, приводить их в движение постоянно, наращивая усилия (ибо и к давлению привыкают), он не сможет.

Авторитет командира — его своеобразное второе «я», которое работает всегда, работает на успех, на максимальную отдачу. И работает даже тогда, когда рядом командира нет. И любое сказанное им слово приобретает для подчиненных особую весомость, значимость. Выходит, не нужно подолгу объяснять важность того или иного мероприятия: командир знает, что говорит и делает.

Суть не в том, чтобы строить свою воспитательную, педагогическую деятельность на пресловутом фельдфебельском принципе «не рассуждать — выполнять», нет. Напротив, понимание необходимости приказа даже при условии его безоговорочного выполнения — лишь на пользу делу. Но, согласитесь, не всегда дается оно, время, для осознания и глубокого осмысления командирской позиции. Порой требуются действия, немедленные и решительные.

авторитета или авторитет силы?

Зот тут-то вера в непогрешимость, абсолютность решения, слова командира нужна, как, впрочем, и его непререкаемый авторитет.

Вспоминаю своих наставников, ветеранов Великой Отечественной войны полковника А. Дорохова, подполковников И. Тарнавского, Х. Убайдуллаева. Я благодарен судьбе за то, что под их началом делал первые шаги на офицерском поприще. В чем заключалась сила их авторитета? В требовательном и добром отношении к людям — вот ведь как все просто, оказывается. На всю жизнь запомнилась мне услышанная в лейтенантские годы фраза: «Награда за труд должна быть неотвратимой». Вдумайтесь в ее смысл. Мы так привыкли к словесной формуле — неотвратимость наказания за проступок, что мысль о неизбежности поощрения кажется нам необычной, даже забавной. А мои наставники всегда придерживались правила: благодарить подчиненных за хороший труд, подчеркивая, что всякая полезная инициатива — им помощь. И сами они работали так, что не стыдно было смотреть в глаза подчиненным.

Стоит ли доказывать, что от пренебрежения авторитетом до профессиональной деградации — один шаг. Капитан Н. Мосовин сделал его, распив спиртное с подчиненными. Так он, наверное, хотел завоевать их доверие, однако получасовое застольное «уважение» имело закономерный результат: Мосовин снят с занимаемой должности. Что ж, поперек устава службу не строят.

А офицеры А. Дуздаль и А. Янченко одним отчаянным шагом не удовольствовались, а пошли дальше. Завоевать доверие подчиненных они решили путем жесткого воспитания их в духе личной преданности. Единственное, чего удалось им добиться, — кривая неуставных взаимоотношений поползла вверх. Офицеры, избравшие порочный стиль «выбивания» авторитета, уволены из войск.

Вывод однозначен: на заигрывании с подчиненными, потворстве и попустительстве капитала не сколотить. Поздно понял это командир роты (ныне — бывший) капитан В. Ситявин. Его нешуточно беспокоило то обстоятельство, как выглядит он в глазах своих подчиненных. И стремлению «смотреться красиво» он принес в жертву многие уставные требования. Забыл офицер (или не знал?), что авторитет — это не умение блеснуть при случае красивой фра-

зой, не пустые заверения и трогательная на первый взгляд, но совершенно беспомощная, не идущая дальше сочувственных слов забота о людях. Забыл он и то, что демагогия и показушность ныне уже не в цене. И тот, кто не желает этого замечать, платит за все полной мерой, без скидки на прежние заслуги.

Ошибается тот, кто полагает, что рост и сила авторитета прямо пропорциональны возрасту человека. Как-то даже стал невольным свидетелем такого диалога. Отстаивая свою точку зрения, подполковник в летах бросил в лицо капитану, вытянувшемуся перед ним: «Да кто тебя слушает, молодого: ни опыта, ни авторитета. Вот если я, старший офицер, голова седая, скажу — вопросов ни у кого не возникнет». Однако подчиненные этого капитана, несмотря на его строгость и принципиальность, горой стояли за своего справедливого и внимательного командира, и не было случая, чтобы ему дважды пришлось повторять приказание. Тогда как в подполковнике уважали только погоны, не питая абсолютно никаких симпатий к их владельцу. Значит, не в возрасте и седине здесь дело, а в человеке.

Не только дурной пример, но и добрый тоже заразителен. Самостоятельность и инициатива молодого командира подразделения старшего лейтенанта С. Герасимова, как составляющие его авторитета, подстегнули подчиненных, заставили их трудиться по максимуму. В коллективе были подняты и решены застарелые проблемы быта и досуга. Более того, упорядочена служебная нагрузка — предмет давних споров и дебатов. Выходит, авторитет командира — вернейшее средство против пассивности, равнодушия, катализатор всех позитивных процессов в коллективе. У неавторитетного лидера последователей и учеников практически не бывает.

Но «заразительность» хорошего примера, своеобразное ответное доверие — не слепое подражание и копирование. Характерно, что молодые офицеры на первых порах ищут и находят «делать жизнь с когс». Вот тут-то и необходимо помочь им перенять, что называется, не букву, не форму, а дух, стиль, не внешнее, а внутреннее, существенное. Помочь, чтобы поняли они, находясь у истоков своей офицерской биографии: то, чего можно достичь силой авторитета, не добившись авторитетом силы.

В. ПЕТРОВ.

УВВ по Средней Азии и Казахстану.

КАДРЫ. ВРЕМЯ. СТИЛЬ

ПОКЛОНИМСЯ

Карем РАШ

ЗАМЕТКИ
ПИСАТЕЛЯ

ПАМЯТИ НАШЕЙ

НА ЧАШЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЕСОВ

Один из глубинных смыслов обновления в том и заключается, чтобы не видеть за каждой газетной публикацией директивного указания, не расшибать от усердия лба и не впадать в противоположную крайность — безвольную апатию. Перестройка есть перегруппировка сил нашего общества перед решительным и длительным наступлением. Имеется в виду отвести в тыл с исторического переднего края силы, дискредитировавшие себя делячеством, ложью и уступками совести, и выдвинуть на направление главного удара здоровые, патристичные, честные и верные партии и коренным основам Отечества кадры, то есть людей, обладающих характером, умом и честью.

Нам прежде всего необходимо создать тип учителей. Коли кадры решают все, то каков этот «кадр»? Кто нам нужен сегодня? С тех пор как существует наш город, а возник он вместе с Кремлем, земля московская веками выработывала тип подвижника — учителя. В конце царской столбовой дороги, как уже упоминалось, в Новодевичьем монастыре стоит прообразом России четырехстолпный Смоленский храм. На стенах и колоннах его — фрески из истории Руси. Но четыре колонны отданы воинам — столпам державы, тем, кто является в стране несущей и оберегающей силой. В те времена ни один мазок не делали без глубокого образного смысла. Так же расписаны колонны в начале пречистой дороги — в Архангельском соборе Кремля.

Прежде чем создать образ, надо сначала выявить тип, а затем на его основе писать образ. Некоторые современные художники, не зная типа, кидаются сразу делать образ. Потому смотришь порой на живописные полотна, посвященные, например, Куликовской битве, всматриваешься в лица и не знаешь, где ордынцы, где свои. Искомый тип тот, кто держит тысячу лет своды державного неба, — воин и земледелец. Эта глава будет о заповеди Ломоносова «о сохранении воинского искусства во время долговременного мира».

Окончание. Начало в № 7, 8.

...Нам не к лицу испуганно озираться при словах «икона», «богородица», «молитва». Замалчивая или упрощая этот пласт духовной жизни, мы играем на руку врагам. Мы обязаны выделить из такого древнего и серьезного явления, как религия, спекуляцию, невежество, салонное кокетство и религиозное политиканство, а оставить все подлинно непреходящее. Почему обойти церковь здесь нельзя? Да потому, что церковь всегда и всюду претендует на роль единственной хранительницы духовной и культурной памяти народа. В прошлом, являясь господствующей идеологией общества, она пронизывала все органы государства, все ритуалы и обряды как в армии, так и вне ее. Говоря о памяти и имея в виду офицера, разумно, думается, не уходить от родной ему воинской тематики, а попутно коснуться всегда актуального вопроса о чести воинского мундира и социальной роли офицера в обществе.

Нет более верного признака распада нравственных скрепов общества и его исторической обреченности, чем наемная армия.

Деньги и священный долг несовместимы. Нам нечего здесь перенимать у Америки. Мы выше и крепче в духовном потенциале. Мещанин этого не видит. Эта сфера ему чужда, а она решающая на чаше исторических весов.

Не так давно в одной из комсомольских редакций состоялась встреча воинов-интернационалистов со студентами МГУ, вернее, студентками, так как их однокурники-ребята были призваны в армию. То ли по этому поводу, то ли еще по какому, но скрыть свое раздражение по отношению к армии они были не в силах, даже перед лицом тех, кто сражался в Афганистане. Отвечал им деликатно и твердо Герой Советского Союза подполковник Александр Солуянов. Студентки были напористы и на встречу пришли, похоже, с уже сложившимся мнением. Настрой психологический незаметно становится в человеке доминантой. Когда все армейское раздражает,

то уже все подгоняется под это неудовольствие, и сознание только ищет подтверждений. Хорошее в таких случаях искренне не замечается. Одна студентка заметила, что в метро только офицеры никому не уступают место. Это было так неожиданно и нелепо, что вызвало смех. Девушка говорила искренне и убежденно. Ей заметили, что если ее кто-либо не собьет в дверях, уступит место, то это скорее всего военный. Она упорствовала. К несчастью, та девушка видела такого военного и теперь перенесла это на всех офицеров. Такова природа всякого одномерного сознания, которое приводит к фанатизму. То ли из-за того, что отрицание армии было огульным, то ли желая пошатнуть успевшее стать догмой в их сознании положение, я заметил, что нельзя с большой головы переключившись на здоровую, и добавил, что солдаты, которые дрались и гибли в наше время ври странном и обидном молчании их возлюбленного Отечества, оказались, быть может, в более трудном положении, чем солдаты времен войны с фашизмом. Тогда вся страна сопереживала их делам, а на миру, как говорится, и смерть красна. Вряд ли такие солдаты заслужили после неназываемой войны в Афганистане еще и беседу, подобную этой. И уж если на то пошло, говорю, коли взять сто журналистов, сто ученых, сто инженеров, и сто артистов, и сто шоферов, и сто врачей, и сто... впрочем, кого угодно, то сто любых офицеров будут всегда лучше всех. Мы ценим офицеров за верность большевизму в любых обстоятельствах, за риск, за то, что армия не болтает, а дело делает, и тому порукой Чернобыль, БАМ, Афганистан, а теперь и Фергана, за готовность к повиновению, а это истинно благородная черта, за гарнизонную «тоску» и однообразие и, наконец, за то, что на них нет ни одной иностранной нитки — они одеты во все родное, и, может быть, эта верность родному более всего и раздражает кое-кого.

Ну вот, говорил, что недопустимо противопоставлять армию любым другим категориям граждан, а теперь сам ударился в тот полемический грех. Но вины моей тут нет.

От армии всегда требовали, чтобы она не вмешивалась в бесплодную и обесценивающую политическую борьбу, что она должна оставаться самым чистым выражением самого Отечества, например, той Франции, которая, по бытовавшему во французском обществе выражению, «пребывает вечно». Потому что Голль, вступив на нашу землю, принес привет от вечной Франции вечной России.

В 1813 году, когда русские полки, разбив Наполеона, двинулись освобождать Германию, Бернарот, бывший маршал Бонапарта, воевавший во главе шведских войск против Франции, а впоследствии ставший шведским королем, говорил шведам:

— Подражайте русским, для них нет ничего невозможного.

Сегодня мы должны с суровым реализмом признать, что часть молодежи не следует призыву Бернарота, потому что

ее научили чужим песням, приохотили к чужой одежде, к чужим мыслям.

Матисс, приехав в Москву в 1911 году, был потрясен, увидев русские иконы, сказал, что это подлинно народное искусство. Здесь первоисточник художественных исканий... Русские не подозревают, какими художественными богатствами они владеют. Всюду та же яркость и проявление большой силы чувства. Ваша учащаяся молодежь имеет здесь, у себя дома, несравненно лучшие образцы искусства, чем за границей. Французские художники должны ездить учиться в Россию. Италия в этой области дает меньше. В 1947 году Матисс подтвердил свое отношение к русскому искусству, которому «предается тем сильнее, чем яснее видишь, что его достижения подкреплены традицией — и традицией древней». Здесь, однако, придется поправить не только Матисса, но и наших искусствоведов, специалистов по жанрам. Рублев не писал иконы, чтобы усладить эстетическое чувство своих современников и потомков. Наше безмерное самомнение мешает нам заметить, что «Троица» Рублева, по словам летописца, писана, «дабы воззрением на святую троицу победил страх ненавистной розни мира сего». Чтобы победить страх, победить, выстоять, восторжествовать в окружении врагов, вот зачем постились молчаливники иноки, прежде чем взяться за кисть.

Самые чтимые иконы несли в битвах как знамена впереди полков. Присутствие в Бородинской битве иконы Смоленской пречистой божьей матери ободряло русских воинов, она облекала их как бы в духовные латы, придавала им силу и твердость. Воин доподлинно знал с детства, что Россия — удел Богородицы и он сражается за нее. У каждого солдата оставалась дома мать. Образ его родной матери сливался с образом Родины. Эти сильнейшие два сыновних чувства, слившись, рождали в нем образ Богородицы, матери всех солдат, стоявших в сече рядом, плечо к плечу.

Икона Донской богородицы, поднесенная казаками Дмитрию Донскому, была в самой гуще сражения Куликовской битвы, воодушевляла русских ратников в Казанском походе Ивана Грозного.

Ничто так не воодушевляло воинов — защитников Москвы, как выставленные на стенах чтимые иконы. После Куликовской битвы Георгий, покровитель всех воинов, становится символом Москвы. Только заступничеству Владимирской божьей матери народ приписал спасение Руси от Тамерлана, который двинулся на Русь в 1395 году и неожиданно повернул назад. Говорят, ему привиделся образ грозной жены. Что же теперь нам прикажете слабоумно хихикать над своими предками, если они верили, что образ разгневанной России может нагнать ужас даже на Тамерлана?

Как видим, идея церковная на самом деле коренилась в суровой действительности народной жизни, она утешала и одухотворяла тысячу лет, лик Пречистой богородицы совпадал с собирательным образом Родины-матери. В строгом лике Сваса, который возили с собой в походах

Суворов и Кутузов (не было ни одного полководца, который рискнул бы выйти навстречу врагу без походной иконы), отражалась идея высшей духовной инстанции, которой он был обязан давать отчет как перед лицом совести. Спас становился собирательным образом народной совести.

Сегодня ни один человек не может пройти мимо проблемы сохранения памятников культуры, проблемы, которая давно иа просветительской стала политической. Еще главари фашизма кричали, что «прежде всего уничтожайте памятники. Нация без памятников во втором поколении перестанет существовать». Память — фактор оборонный, как и любой памятник культуры. То, что враг хотел бы разрушить в первую очередь, мы должны защитить прежде всего. Армия, смысл существования которой в защите народа, первая дол-

жна внести свою лепту в защиту и сохранность и восстановление памятников Отечества. Благоговение перед народно-исторической памятью входит в баланс высокой боевой готовности. Только ваньки без родства и без памяти, ибо последнее сродни слабоумию, могут думать, что храм — это только культурный памятник.

Каждый храм в войну становился богатирем, каждый монастырь — воином.

То, что есть памятник культуры, было столетиями твердой и убежищем для детей, стариков и женщин.

Как икона не предмет искусства, так храм не церковное культовое сооружение — в нем средоточие духовности народа.

В этих храмах хоронили, крестили и венчали предков, они уже по одному этому для сыновнего чувства неприкосновенные святыни.

ВЕРНУТЬ ЗАБЫТЫЕ ТРАДИЦИИ

Совесь народа в военной среде получала легируемые добавки от риска, отваги, бдительности и мужской дружбы и после переплавки на передовой выливалась в булат воинской чести. Отсюда и ритуал воинского приветствия. Отдать честь — значит подтвердить свою верность воинскому братству, помнить о жертвах и традициях. Воинское приветствие — это жест высочайшего духовного равенства, ибо им обмениваются и рядовой с маршалом. Ритуалы армии пронизаны глубоким смыслом, они все подчинены одному — укрепить, сцемементировать армию, сделать ее единой семьей. Если младший отдал честь, а старший не ответил, то старший внес тут же свою лепту в разрушение армии. Ибо идею воинского братства превратил в идею холуйского чинопочитания. Такие случаи должны немедленно наказываться. Я часто наблюдал, как военные, проходившие мимо могилы Неизвестного солдата, не отдавали чести. Считаю такие явления позорными. Мундир и ритуал воинского приветствия — единственное, что выделяет воина в толпе штатских.

Маршал Шапошников в мемуарах рассказывает, как в Петербурге армейские офицеры в нарушение устава не стали после Цусимы отдавать честь морякам — так глубока была рана от поражения и так много смысла настоящий офицер вкладывал в ритуал отдания чести.

Хорошая армия не бывает многочисленной. Где много умения, там числом не берут. История знает, что все большие армии были разбиты соперником, уступавшим им в количестве войск. Человек был и остался абсолютным оружием любой войны.

Облик армии прежде всего зависит от культуры офицерского корпуса, от его готовности к служению, от его выучки, от его собранности, решимости и верности чести. Облик настоящего офицера в России всегда был неразрывен с обликом рыцаря.

Чтобы сформировать из курсанта-юноши истинного офицера, жизнь и быт военных

училищ должны быть облагорожены лучшими традициями отечественного офицерского корпуса. В наших силах восстановить «библиотечку офицера» тридцатых и сороковых годов, вернуть офицерскому собранию забытые демократические нормы и благородные традиции полковых летописей. Нельзя мириться с тем, чтобы в военной энциклопедии не было таких офицеров, как генерал-майор Павел Катенин и офицеры пушкинского лицейского выпуска — генералы Данзас, Владимир Вольховский, адмирал Федор Матюшкин. Можно ли назвать энциклопедию военной, если молодой офицер не найдет в ней ни одного слова о выдающемся деятеле 1812 года вице-адмирале Шишкове, чьи воззвания воспламеняли Россию?

Мы обязаны вернуть народу забытые имена, утраченные названия полков, восстановить все разрушенные памятники воинской русской славы и построить новые. Пора давно вывести из казарм и клубов зубодробительную казенщину, шаблонную агитацию и рутину. Для этого необходима помощь всего общества. Пришла пора создать при Фонде культуры СССР авторитетный совет по программе «Армия и культура» для помощи в духовном и нравственном обновлении армии и флота, для выработки новой культурной стратегии.

Воспитание всегда классично, всегда тяготеет к первоосновам, к патриотизму, к трудолюбию и верности семье. В армейские библиотеки и все военные училища должны прийти наши замечательные историки Татищев, Карамзин, Соловьев, Ключевский, Греков и другие. В военные училища любого профиля следовало бы ввести курсы отечественной истории и словесности, мировой культуры, этики, истории воинской культуры. Той культуры, что придает офицеру неотразимое обаяние и привлекает к нему солдат.

Нападки на нашу страну и армию имеют давнюю историю, и нет оснований надеяться на их конец. Но иногда при первых же враждебных выпадах или несправедли-

вом перехлесте по отношению к армии на лицах наших офицеров появляется выражение горестного недоумения. Подобное состояние не к лицу воинству. Армия должна быть готовой к защите своего достоинства печатно и устно. Нет в мире лучшей защиты, чем добрые дела человека.

Накануне революции офицеры генерального штаба стали инициаторами замечательного движения по увековечению памятников воинской славы. Это они создали на народные деньги музей Суворова в Петербурге и много других памятников ратной славы. Вся страна участвует в увековечении памяти павших в боях с фашизмом. Но знаем ли мы хоть один памятник, созданный армией за последние полстолетия с глубиной исторической памяти сто или двести лет, а ведь вот-вот грянет 300-летний юбилей русского флота. Почему Сухареву башню не восстанавливает флот, ведь с этой башни, с размещенной в ней Петром навигационной школы ведут свое начало все офицеры флота?

Почему собор Казанский на Красной площади не восстанавливает заново армия, ведь собор построен главнокомандующим русской армией князем Пожарским как памятник в честь изгнания интервентов с русской земли в 1612 году? Почему по этому поводу не скажут свое слово армия и флот? Эта отчужденность и порождает в обществе недоумение и неприязнь к армии.

Нападки на нашу армию имеют, повторяю, давнюю историю. Первым принял вызов и дал отпор «клеветникам России» Пушкин. Вы думаете, клевета началась сегодня и только в связи с Афганистаном?

ВОСПИТЫВАТЬ — ЗНАЧИТ РЕШАТЬ СУДЬБУ

Откуда пришли в Афганистан наши воины-интернационалисты? Большинство из них надели мундиры почти сразу после школы — они живо помнили еще учителей и класс. Все они, поразившие нас мужеством, воспитаны нашей столько раз руганной школой, все они — недавние ее ученики. При всех неурядицах семья и школа сумели сохранить и передать детям огонь чести и благородства русского воина.

Сейчас над нашей школой нависла страшная опасность, которую она уже пережила в двадцатых годах, когда подверглась разрушительной волне экспериментов, а дети стали объектом непродуманных «открытий», анархии и выборов учителей. Ни одна страна в мире столько не экспериментировала за последние 50 лет, как Соединенные Штаты. Когда «новаторы» до основания расшатали американскую систему просвещения, там остановили энтузиастов и пришли к честному и мужественному выводу: ни один эксперимент не удался, и старая гимназия с суровой дисциплиной и почитанием старших остается недосягаемым идеалом в педагогике. Пушкин и все русские интеллигенты прошли именно такую школу.

440

О нет! Вслед за Пушкиным дал бой клеветникам Федор Тютчев — племянник прославленного героя 1812 года Остермана-Толстого. В сороковых годах прошлого века пошла новая волна шельмования России и ее воинства. Федор Тютчев дал врагам бой на их же территории — он был тогда на дипломатической службе в Германии. За ним эту эстафету подхватят Герцен, Чернышевский, Достоевский. Когда дело касалось чести русского воинства, исчезали все партийные розни, ибо подвижническая и жертвенная судьба русских солдат и офицеров была всегда нашей как бы общей святыней.

Федор Тютчев напомнил немцам, что именно русские солдаты в 1813 году спасли Германию от наполеоновской тирании и уничтожения. Тогда кровь русских слилась с кровью немецких отцов и братьев, смыла позор Германии и завоевала ей независимость.

Уже не в первый раз на русских нападали, пытаясь их запакать, именно те, кого они вчера спасли. В суровой отповеди Тютчев заметил: «Если вы встретите ветерана наполеоновской армии... спросите, кто из противников, с которыми он воевал на полях Европы, был наиболее достоин уважения... можно поставить десять против одного, что наполеоновский ветеран назовет вам русского солдата. Пройдитесь по департаментам Франции... и спросите жителей... какой солдат из войск противника постоянно проявлял величайшую человечность, строжайшую дисциплину, наименьшую враждебность к мирным жителям... можно поставить сто против одного, что вам назовут русского солдата».

Битву при Седане в 1870 году, по словам Бисмарка, выиграл немецкий школьный учитель. Битву, изменившую судьбу Германии и карту Европы... Битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона — закрытого учебного заведения, где готовят капитанов английской политики, государственности и хозяйства. Мы можем прямо заявить, что битву за Сталинград мы выиграли благодаря тому, что в 20-х годах решительно остановили «новаторский» зуд в школе. Эксперименты с выборами учителей расшатали школу и разрушили до основания народное просвещение, которое было признано лучшим в мире.

Мы не вошли бы в Берлин, если бы дети занимались только «производительным трудом», а не арифметикой и историей. «Воспитывать — значит решать судьбу», — говорил Белинский, — но не только судьбу одного человека, но и державы в целом». Нужны ли свежие веяния? Да! Могут ли дети выбирать учителя? Не знаю. По-моему, это гибель школы.

Только общество офицеров способно еще судить здраво о достоинстве того или иного своего члена, как это было в старой

русской армии. Выбирать или служить? Митинговать или учиться? Безделье или труд? Ни в армии, ни в школе третьего не дано, ибо благородство начинается с добровольного повиновения — это первые ступени к служению труду и подвигу.

Учитель, утверждал Ф. М. Достоевский, вырабатывается веками народной жизни. Офицер есть абсолютный эталон педагога — это труднейшее в мире наставничество, — который не только рассказывает, умом и народными переживаниями. Разговоры о выборности учителей и офицеров должны быть нетерпимыми, как пропаганда социальной порнографии, ибо когда речь идет о защите детства и Отечества, то дряблая либеральность есть потакание разложению. Дети должны учиться труду только пылivelyму и творческому через ремесла и созидание. Детские предприятия и детский «хозрасчет» — одного порядка с детской онкологией. Трудом детей не учат у конвейера. Имеет ли это отношение к армии? Да. Ничто на свете не имеет более прямого отношения к армии, чем школа. Ибо из нее приходят в армию, как бы из одной школы в другую. Если в начальных классах не упоминается, по «методике» Кабалевского, Глинка и главенствует «методика» Неменского, когда учат не творить образ, а разрушать его, если в той же начальной школе Михалкова и Маршака гораздо больше, чем Пушкина, Ломоносова, а Державина и Жуковского не найдешь, то будьте уверены: «судьбу решают» не в интересах народа и державы и грязь неуставных отношений неизбежна. В подростковом возрасте школьника поджидает

разрушительный и чужой вой рока, а в пору мужания — свидания с «Маленькой Верой» и «Ассой». Прибавьте к этому «дефицит» и «импорт», и набор почти готов — теперь можно выбирать офицера в роте или преподавателя в вузе. Дальше вы уже все сами знаете. Дальше — скоропалительный брак «по любви» и скоротечный развод. Добавьте к этому мировоззрение на уровне политической культуры академика Сахарова, которое не поднялось ни разу выше заурядных студенческих кружков и в любой стране не было бы замечено никем, кроме коллег по лаборатории.

Когда-то интерес русского образованного общества к педагогике был вызван статьями Н. И. Пирогова — создателя военно-полевой хирургии. «Лучшие наставники страны» тогда трудились в армии, обучая военную молодежь. Неоценимы заслуги военных учителей в подъеме просвещения в России. Не пришла ли пора армии и флоту вновь повернуться лицом к школе не для «амилитаризации» ее, не для шагистики, а для привнесения в школу того, на чем зиждутся вооруженные силы, — здоровья, ибо духовная и физическая закалка солдата осуществляется в школе. Какая сегодня школа, такими завтра будут армия и общество. Школа не должна быть площадкой для рефлексий и экспериментов над детьми. Призвание школы — готовить к жизни, к будням, к служению и труду. В ученье должно быть трудно, чтобы было легко в жизни. Должно быть трудно, но справедливо. Школа должна аккумулировать в себе лучшее, что создает народ. Общество, охраняя школу, защищает детство от тех, кто уже не раз пытался одним махом всех осчастливить.

ПРИВИТЬ ЮНОШЕ МУЖСКОЙ ХАРАКТЕР

Наша нравственная задача — создать школу такого типа, чтобы выпускник, сказавши, как и Пушкин: «В начале жизни школу помню я», вложил в это воспоминание тот же просветленный смысл. Теперь представьте себе, что в лицее девяносто с лишним процентов педагогов были бы женщины во главе с директрисой. Тогда не было бы ни Пушкина, ни генералов Данзаса и Вольховского, ни адмирала Матюшкина, ни канцлера Горчакова. Или, может быть, кто-то будет оспаривать это положение? Когда в Швеции в школах было шесть процентов женщин, то в парламенте и обществе раздалась голоса о надвигающейся национальной катастрофе. У нас, можно сказать, девяносто шесть процентов. Мы давно живем в катастрофической ситуации при всех отрицательных явлениях феминизации. Никакие ни «железные», ни даже «булатные леди», вместе взятые, не смогут привить юноше мужской характер, мужской ум и мужскую поступь. Об этой проблеме всех проблем нашей школы помалкивают реформаторы и критики просвещения. Они кричат о тяжелой

болезни, но никогда не говорят, чем больна школа, разве что глухо упоминают о «насморках». Что такое феминизация среди новобранцев, знает каждый ротный, которого они теперь не прочь выбрать.

Во всех мемуарах 1812 года вы никогда не встретите выражений вроде «защитим наших матерей», хотя многие стояли под картечью при Бородине в 15—16 лет. Они говорили «защитим покой отцов». Мать еще святыня, не произносимая публично, не выговариваемая. «Защитим отцов», а отец сам знает, как заслонить маму, — это его жребий и долг. Когда о матери ни слова даже в минуту опасности, это указывает на еще больший запас духовной прочности, говорит о могучих резервах, о нравственной силе. Мать вскормившая — это последний резерв мужчины. Теперь, когда юноша не видит мужчины в школе и часто в семье, почти никогда, например, в песне «афганцев» не услышишь обращения к отцу. Да разве только «афганцев»?

Завет матери — живи. Она дала жизнь. Потому мать всегда простит. В тюрьме, в плену, в беде, в походе — но живи!

Завет отца — отчет, как живешь. Помни-

те полковника Тараса Бульбу? Отцовское начало прежде всего нравственное. В этом единстве любви и долга и заключена сокровенная тайна семьи и сила общества.

Гете сказал как-то: чтобы человек был просто порядочным в жизни, он должен быть героичным в мыслях. Вот мысль, полная народной правды. Из нее одной можно развить целую доктрину и заложить ее в основу общенародной концепции воспитания. Коли есть военная доктрина у государства, то не может не быть ее и в формировании личности, раз уж время вновь сделало средоточием наших первейших забот кадры, которые, впрочем, всегда решали все. Почему Гете сказал «быть героичным в мыслях»? Да потому, что стоит человеку быть только порядочным в мыслях, как он не выдержит искусов житейских, где-то умолчит, уклонится, усыпит свою совесть, даст уговорить, скользнет. Чтобы сохранить героичность в мыслях, надо иметь перед взором образ, тот идеал, без которого выстоять не дано никому. Потому-то образа и украшали красные углы теремов и изб. Мне этот образ видится всегда в длиннополой русской шинели, этот образ бы пронесли через смутные и героические века нашей истории. От «иноческой простоты», как сказал бы Пушкин, и беззаветности этих воинов-подвижников идет к нам спасительная передача верности и света.

Лермонтов когда-то назвал кавказскую черкеску лучшим в мире боевым нарядом для мужчин. К горской черкеске как одежде-символу можно теперь смело причислить еще русскую офицерскую шинель. Она совершенна по форме, силуэту и крою, а главное, что бывает в истории редко, она стала после Куликова поля, Бородина и Сталинграда национальна. Ее древний силуэт художник различит на фресках старого письма. Это одеяние русского боевого товарищества сплотило в войне с фашизмом в братском боевом союзе татар и грузин, латышей и туркмен...

...Осенью возвращались с плаца после репетиции парада офицерские батальоны слушателей Военной академии имени М. В. Фрунзе. Шли они батальон за батальоном со свернутым знаменем, немного ушедшие как бы в себя и усталые. Шли, не чеканя шаг, и от этих молчаливых колонн веяло надеждой, скромной и благородной силой людей, никогда в жизни не знающих аплодисментов. И мне казалось, что среди этих собранных мужчин в серых длиннополых шинелях с тусклым золотом на плечах незаметно шагают Борис Сафонов и Миша Кошкин. Последний и жизнь свою отшельническую, неизвестную миру, называл монастырским житьем. Случай свел меня на вечере со слушателями академии—бывшими десанниками из Афганистана. Нет Сафонова, думаю, и Кошкина, но вот они живут, стало быть, передача состоялась.

Не случайно ведь сегодня в стране нет ни одного учебного заведения, которое было бы более популярно у молодежи, чем Рязанское воздушно-десантное училище. По количеству претендентов на место оно давно оставило позади все университеты и театральные институты. Не попавшие туда юноши живут по углам, а то и по землянкам в лесу в надежде, что откроется вакансия и их призовут. Отчего так любим молодежью самый суровый вид Вооруженных Сил? Тяга юношества в училища—великий социальный и нравственный показатель верности народа родной армии, оставшейся верной тысячелетней традиции — быть основой отечественной государственности и национальной школой патриотов. Мальчики знают, что израненный в Афганистане поэт, сказав: «Ты прости нас, Великая Русь, мы чисты перед нашим народом», выразил самую спасительную во все времена на Руси правду о подвижнической чистоте воинства в длиннополых шинелях с золотым мерцанием на погонах.

НАШ ЖУРНАЛ В 1990 ГОДУ

В редакцию обращаются читатели, которых интересуют планы на будущий год, изменения в условиях подписки.

Дополняя объявление-планат на 4 странице обложки, можем сообщить, что получено предварительное согласие на публикацию новых произведений Ю. Семенова, Г. Вайнера, Л. Словина, других популярных авторов.

Нашими гостями будут публицисты газет «Правда», «Советская Россия», журналов «Наш современник», «Москва».

Проблемы развития внутренних войск, борьбы с преступностью будут обсуждаться с участием ведущих специалистов, ученых — юристов, социологов, педагогов, историков.

Подписка — без ограничений.

Подписная цена на год — 6 руб. 60 коп.

Повышение цены вызвано возрастанием затрат на производство журнала и увеличением его объема. С будущего года он будет выходить с двумя цветными вклейками по четыре страницы каждая.

Надеемся оправдать ваши надежды, дорогие наши читатели.

МОЛДАВСКАЯ БРОЖЕНИЕ

Е СЛИ БЫ в природе существовал термометр, измеряющий накал политических страстей, то в Кишиневе нынешним летом его уровень чаще всего держался бы на отметке «очень жарко».

Были спады и скачки в температуре общественно-политической, наблюдались короткие похолодания, отмечался пик, выпавший на 12 марта. Как же оценивают эти события их участники, жители многонациональной Молдавии, воины внутренних войск, республиканская пресса!

— Днем 12 марта, — рассказывает пропагандист части майор В. Ефимов, — несколько наших подразделений получили приказ обеспечить общественный порядок на подступах к зданию ЦК Компартии Молдавии. Первые часы мы находились в резерве. Во второй половине дня обстановка обострилась: двадцатитысячная толпа, собравшаяся на несанкционированный митинг, начала теснить милицмейскую цепочку. На лозунгах, которые держали не только взрослые, но и дети, чаще всего повторялось слово «жос» — «допой»: «Жос мафию!», «Жос Гроссу!», «Жос русификацию!», «Русских—за Днестр!»...

Своей колонной мы отсекали возбужденную толпу от здания ЦК и не давали ворваться туда. Сдерживали людей щитами, резиновые дубинки ни в тот миг, ни позже никто из нас не применял.

Наши действия осложняли молодые люди спортивного телосложения, так называемые боевики. От некоторых из них разило спиртным. Они били по щитам ногами, выкрикивали оскорбления... Пожалуй, редкий из нас не получил ссадин или синяков. А несколько милиционеров были отправлены в больницу с серьезными травмами.

Кишиневцы требовали встречи с руководителями республики, но из здания ЦК никто не выходил. Правда, оттуда через репродукторы слышались призывы к спокойствию. Тогда наши офицеры выступили в необычной для себя роли: обращались к митингующим с требованиями прекратить беспорядки, вести себя корректно. Не утихали мегафоны. Постепенно наладились контакты с теми, в ком угадывались организаторы многотысячного сооризца. Им разъясняли: в такой нервной, граничащей с массовыми беспорядками обстанов-

ке они не могут по-деловому изложить свои претензии и предложения — нужно успокоить людей, тем более что через несколько дней состоится санкционированный митинг.

Наконец договоренность была достигнута. Боевики ушли в толпу. Наши цепочки сделали шаг вперед, настолько отступили митингующие. Снова шаг... Так продолжалось более четырех часов, до вечера, пока не была освобождена площадь...

Кто же едва не подвел кишиневцев к роковому шагу? Какие силы подогревают людские страсти и направляют их к обострению обстановки в Молдавии? И, наконец, где кроются основные причины всего этого? Попробую дать ответы на поставленные вопросы устами участников митингов и демонстраций, должностных лиц, через мнения людей, изложенные в республиканской печати.

Е СТЕСТВЕННО, негативные настроения определенной части интеллигенции и молодежи, способствующие возникновению очагов напряженности, ведущие к экстремизму, национализму, шовинизму и конфликтным ситуациям, возникли не вдруг. Многие из этих явлений появились в результате создания и деятельности таких формирований, как демократическое движение в поддержку перестройки, клуб имени А. Матеевича (самобытный поэт, ушедший, к сожалению, рано из жизни, подлинный патриот-интернационалист, переводивший Пушкина, Лермонтова, Чехова, Горького), интердвижение «Единство», Лига молдавских студентов, движение «Гегауз халкы» и ряд других.

Различен их почерк, различны выдвигаемые лозунги и методы действий. Но, по

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

крайней мере на словах, их должно объединять желание способствовать перестройке. Возможно, все они и на самом деле стали бы бороться за обновление, если бы ЦК Компартии Молдавии, большинство райкомов партии, первичных парторганизаций оказались готовыми действовать в новых условиях», — так считает член ЦК Компартии республики, бригадир совхоза «Путь Ильича» В. Бумбак. Он поясняет: «Инициативу здесь часто перехватывали те, которые заявляли, что они за перестройку, выдвигали вначале благонамеренные лозунги и цели, а теперь оказались на совсем других позициях. Я имею в виду митинги, организованные демократическим движением и клубом имени Матеевича, которые ведут к усилению напряженности».

Справедливости ради надо сказать, что уже через неделю после событий 12 марта руководство республики встретилось с участниками санкционированного митинга. Диалога, увы, не получилось: хулиганский свист, оскорбительные выкрики обрывали едва начинавшиеся выступления. Время соглашения о сотрудничестве уже было упущено. Сказалось явное пренебрежение реальным фактом возникновения «неформальных» организаций в преддверии XIX Всесоюзной партконференции, проявлением демократических начал снизу. Замечу, что куда оперативнее действовали представители прибалтийских «фронтов», приезжавшие в Молдавию делиться своим опытом разработки программных документов для различных движений, способами их реализации. Один из результатов поездки таких «миссионеров» — участвовавшие митинги, которые проходят едва ли не каждое воскресенье. Причем проходят поразному, в чем мне предоставилась возможность убедиться.

...Стадион спорткомплекса «Динамо». Десятитысячный санкционированный митинг интердвижения «Единство». Его тема «Демократизация и гласность — движущие силы перестройки». Никто не прерывал выступающих, не рвался без очереди к микрофону. Ораторы призывали к достижению подлинной социальной справедливости в распределении жилья, продуктов питания, товаров народного потребления, в медицинском обслуживании и т. д. Речь также шла о необходимости повысить заботу о детях-сиротах, воинах-интернационалистах (здесь же принято предложение о перечислении части собранных «Единством» средств на эти цели), об инвалидах и ветеранах войны и труда. Поднимался вопрос о трудоустройстве военнослужащих, увольняемых в запас в связи с сокращением численности Вооруженных Сил СССР. Понятно, что многие выступали эмоционально — ведь разговор велся о больших проблемах! — особенно о государственном языке республики. По единодушному мнению людей, государственным должны быть оба языка — молдавский и русский. По обсуждавшимся вопросам приняли конкретную резолюцию.

Подчеркну две детали. Митинг велся на русском языке, поскольку состав его участников был многонационален. Собиравшиеся не допускали оскорбительных выпадов против какой-либо нации, вели себя кор-

ректно, за чем также следили специально для того назначенные люди с повязками на руках.

А вот второй митинг, несанкционированный. Точнее — толпа в несколько сотен человек, разбившаяся на кучки, вокруг памятника царю Стефану Великому. Микрофонов нет. Никто не поддерживает порядок. Перехожу от группы к группе, слышу лишь молдавскую речь. Наконец различаю понятные мне слова. Протискиваюсь поближе к спорящим.

— Как мне быть, — обращается к оппонентам женщина средних лет, — если государственным языком будет лишь один молдавский?

— А кто ты по национальности? — развязно тыкает парень, по возрасту годящийся ей в сыновья.

— Украинка.

— Ну и езжай к себе на свою Украину! Кто тебя звал сюда?

Едва сдерживая слезы, женщина попыталась объяснить, что лет двадцать назад ее, инженера, пригласили в Молдавию на строящуюся фабрику. Осталась здесь, вышла замуж, сейчас у нее двое детей.

Но, подготавливаемый то ли виновными парами, то ли явно нездоровыми эмоциями, парень уже переходил на крик:

— И украинцы, и русские, и евреи — ваше место за Днестром!

На него зашикали: мол, на все есть своя мера, и он сбавил на полтона. Слышать подобное мне было оскорбительно, но и вступать в полемику с человеком, не желающим даже выслушать тебя, бесполезно.

...Увиденным и услышанным на митинге я на другой день поделился с политработником офицером П. Моторным.

— Да, — согласился он, — для всех, кто живет в республике, вопрос, считать ли государственным языком только молдавский или молдавский одновременно с русским, самый больной. От этого куда не уйдешь. Обидно за другое — за намеренное искажение возникшей проблемы. Ведь всем известно, что в последние годы в Молдавии сокращается число национальных школ.

— А почему?

— Молодежь считает, что если в вузах обучают на русском, то надо учить его. Да и без знания русского языка стыдно выехать за пределы республики. Главное — школы закрывают местные власти, а не какой-то «русский центр», как упрямо утверждает кое-кто на митингах. Причем даже на тех же митингах или в местной печати высказываются противоположные точки зрения.

Действительно, язык — самое деликатное, слабое место любого народа. От него земное начало переходит в духовное. В его защите — залог единства нации, в его засорении — деградация культуры. И взгляды на языковую проблему разительно противоположны. Приведу лишь несколько мнений.

Член ЦК Компартии Молдавии, первый секретарь Комратского райкома партии С. ГРОЗДЕВ: «Провозглашение молдавского языка государственным не должно сопровождаться обязательным его изучением людьми всех национальностей, проживаю-

щими в республике. Иначе учащиеся наших школ должны изучать четыре языка (молдавский, гагаузский, болгарский и русский.—В. У.), а это 60 процентов всего учебного времени. Необходима также гарантия функционирования русского языка—языка межнационального общения».

Настоятель храма Святой Троицы П. БУ-БУРУЗ: «Молдавскому языку должен быть придан статус государственного... Двухязычие — это узаконенный приоритет русского языка. Разве правильно, когда парни из сел приходят сдавать экзамены в вузы и их принимают только на русском. Из-за того, что они плохо его знают, не могут поступить. Это нарушение социальной справедливости».

Из резолюции совместного заседания русской и еврейской секций этнокультурного центра г. Оргева (присутствовало 246 человек): «Национальность — не вина, но и не заслуга. Нельзя исправить несправедливое отношение к молдавскому языку в прошлые годы другой несправедливостью —возвышением одного языка над другим и тем самым одной национальности над остальными. Узел надо развязывать, а не разрубать, так как за этим стоят судьбы многих тысяч людей».

Поэтому мы предлагаем дополнить Конституцию Молдавской ССР статьей 70 следующего содержания: «Государственными языками Молдавской Советской Социалистической Республики являются молдавский и русский языки». Конечно, знание языков должно быть крайне целесообразным, но не возведенным в закон требованием, так как это приведет в конце концов к появлению запретов на профессии».

И еще два полярных взгляда, изложенных с трибуны Съезда народных депутатов СССР. **Писатель И. ДРУЦЭ** полагает, что для спасения «национальных языков... надо употребить государственный механизм. Сегодня другое средство не поможет. А объявление обоих языков равно государственными — это означает «привет вашей бабушке». **Первый секретарь ЦК Компартии Туркмении С. НИЯЗОВ** говорит, что «не согласен с товарищем Друцэ, когда он сравнивает двухязычие различных регионов, дает оценки в целом по стране. Мы думаем, двухязычие для нас — самое подходящее, ведь в нашей республике проживают 12 процентов русских, 7 процентов узбеков, 3 процента казахов, от 1 до 2 процентов армян, азербайджанцев, украинцев и других. Сегодня разделять республику, объявляя статус какого-то языка, считаем нецелесообразным. По этому вопросу мы советовались со своим народом».

В Молдавии же языковая проблема осложняется еще рядом существующих пожеланий различных слоев населения. В частности, творческая интеллигенция выступает не только за статус одного языка, но предлагает еще изменить и шрифт — перевести нынешнюю «кириллицу» на «латиницу». Правда, для реализации последнего предложения нет достаточной научной и технической базы, хотя прибалтийские неформалы оказали помощь, начав печатать издания на «латинице» (завидная солидарность!).

Однако инициатива инициативе рознь, и потому языковой вопрос решался бы более конструктивно и в более спокойной обстановке, не затрагивая отдельные представители интеллигенции национальное достоинство других народов. Чего стоит, скажем, их скоропалительное и, мягко говоря, оскорбительное требование запретить браки между молдаванами и представителями иных национальностей. Тут откровенно разит националистическим духом, отравляющим общественно-политическую атмосферу в республике, вносящим нервность в русскоязычное население. И об этом с горечью говорили буквально все офицеры, с которыми я встречался.

РАЗУМЕЕТСЯ, не только языковые проблемы волнуют людей. Не стихают страсти вокруг вопросов обеспечения социального равенства, более широкой экономической самостоятельности Молдавии и т. д. и т. п. К примеру, высказывается суждение о создании национальных войсковых формирований, кое-кто чуть ли не требует «каждой деревне — свою роту, каждому хутору — свой взвод». При этом абсолютно игнорируются основы военной стратегии — короче, тема обсуждается в расчете на дешевый авторитет.

И такой подход опасен не различием мнений, а выдвиганием лозунга «Кто не с нами, тот против нас», неприемлемым для подлинно демократического общества, стоившим в свое время жизни и крови тысячам жертв репрессий.

Вообще надо сказать, что сложившаяся в Кишиневе ситуация подтверждает: «В условиях обострения политической обстановки в республике некоторые партийные, советские органы, общественные организации не сумели не только идти в ногу с событиями, но и прогнозировать, упреждать их, потеряли инициативу» (из постановления XIII пленума ЦК Компартии Молдавии). В итоге появляются новые лидеры, чьи мотивы действий и предложений оцениваются неоднозначно: старые аппаратные работники считают их политически незрелыми (может быть, не принимающими отжившие догмы?), а те, кто помоложе и жаждет перемен, видят в них вершителей перестройки.

Так или иначе, кое-кто пытается использовать плюрализм в качестве палки, вставляемой в колесо времени. И огорчительно, что, как отмечала «Правда» (28 августа с. г.), «...националистическим настроениям не дают должного отпора партийные и советские работники, средства массовой информации республики. С подозрительным единодушием они обрушились только на интердвижение, русскоязычное население, бастующие коллективы, обвиняя их во всех грехах смертных, восстанавливая против них общественное мнение и даже не пытаясь понять тех, кто высказывает противоположное мнение».

Нельзя также сбрасывать со счетов заметное усиление разведывательно-подрывной деятельности Запада против Молдавии,

повышенный интерес западных средств массовой информации к событиям, происходящим в республике. По сообщению председателя КГБ МССР Г. Лавранчука, с начала 1989 года значительно увеличилось количество радиопередач и газетных публикаций на Западе, посвященных Молдавии. Так, румынская редакция радиостанции «Свободная Европа» в настоящее время три раза в неделю передает материалы об обстановке в республике. «Парижское радио» открыло вторую программу на румынском языке для радиослушателей в Молдавии. Одновременно значительно увеличился объем вещания на республику румынских служб радиостанции «Голос Америки», «Би-би-си», «Немецкая волна», а также радиостанции «Свобода».

Необходимо заметить, что обострение межнациональных отношений и нестабильность в регионе воздействуют на рост эмиграционных настроений. Если в 1987 году на постоянное жительство за границу выехало 1100, в 1988 году—1700 жителей республики, то только за первые 4 месяца этого года получило разрешение на выезд свыше 2000 человек.

Причины тому разные. И, разумеется, заключаются они не только в национальном вопросе. Сам по себе он в чистом виде не существует, но теснейшим образом переплетается с социально-экономическим, культурным, историческим и прочими факторами.

СЛОЖНОЕ время переживает Молдавия. Кое-кого тошнит от начала перестройки. Кое-кто рановато строит иллюзии насчет быстроты перемен. Кое-кого обволочло уныние при созерцании неудач перестройки... Что же, спросите, делать? На сей счет приведу слова В. И. Ленина: «Надо как можно трезвее, яснее, нагляднее дать себе отчет в том, что именно мы «доделали» и чего не доделали: тогда голова останется свежою, не будет ни тошноты, ни иллюзий, ни уныния» (Полн. собр. соч.—Т. 44.—С. 417).

И особое сожаление вызывают суждения многих людей, в том числе руководителей, с которыми мне доводилось встречаться в Молдавии, о методах оздоровления атмосферы. Они уповают прежде всего на силу правоохранительных органов. Наиболее же реалистический путь, убежден, лежит через скорейшее решение серьезных проблем, возникших в ходе перестройки, активную работу и конструктивный диалог с людьми. Нельзя же в конце концов надеяться только на крепкие плечи наших воинов, их стойкость и готовность защищать народные интересы, что ярко проявилось в горячие дни.

И наконец, еще об одном обстоятельстве. Воспользовавшись известным сокращением ИТК и высвобождением некоторой части военнослужащих, руководство внутренних войск усилило подразделения, предназначенные для поддержания общественного порядка. Сделано это было по зрелой рекомендации руководства республики, очень

многих трудовых коллективов и жителей Кишинева. Бюро ЦК Компартии МССР приняло решение о строительстве современного военного городка. Пока же личный состав временно размещен в чужих казармах.

С офицером П. Моторным мы побывали на республиканском сборном пункте, где временно дислоцируется несколько наших рот.

— Как только я слышу слово «временный», — признается Петр Иванович, — едва сдерживаю себя. Ну сколько можно нас уговаривать: потерпите, мол, еще! Ленинских комнат нет. Нет учебных классов и бытовых комнат.

— А офицеры где живут?

— Некоторые имеют квартиры, а остальные... Впрочем, сами увидите.

Мы пересекаем строевой плац, где отбывали приемы несколько взводов и где бродили без дела разношерстно одетые призывники. Входим в... Нет, не поворачивается язык назвать офицерским общежитием это помещение: одни солдатские койки да тумбочки. О платяных шкафах, письменных столах, стульях и речи не может быть — их, даже если бы они имелись, нигде ставить.

А политработник продолжал перечислять неурядицы: автомашины на сборном пункте запрещено размещать, и они паркуются на другом конце города (вот тебе и боеготовность!); весной и осенью, когда идет призыв, пищу приходится месяцами готовить в соседних подразделениях и доставлять в термосах за несколько километров...

— Как мне людям объяснить, что такое забота и почему нас она не касается!

— И никто ничего не предпринимает!

— Со стороны войск предпринимают: приезжал заместитель начальника войск по тылу генерал-майор Л. А. Панкратов, другие офицеры главка и нашего УВВ. В итоге Бюро ЦК Компартии Молдавии приняло решение о строительстве военного городка. Расписано, что и в какие сроки делать Совмину республики, другим организациям, да только с места дело не движется— даже земельный участок не выделен. Правда, хотя нас временно (снова «временно!») разместить в ремонтируемом военном городке, который когда-то принадлежал военно-строительной части, но это— половинчатое решение.

Долго еще рассказывал Петр Иванович о своих «болячках». Затем разговор перешел к сложностям интернационального воспитания, которое сейчас выдвинуто в части на первый план, а потом сам собой переключился на проблемы Молдавии. Их много, больших и малых, сложных и простых на первый взгляд, однако ни одну из них откладывать нельзя — жарко пока в Кишиневе. Люди, пробужденные перестройкой, ощутили себя способными бороться за справедливость (подчас сомнительную, спорную). Но так или иначе страсти, подобно молодому молдавскому вину, бурлят, от избытка прорываются наружу.

Полковник В. УСКОВ.

«Срочно»

Еще первыми уставами — петровскими воинскими артикулами строжайше предписывалось: «Также имеет подчиненной от великого непристойного рассуждения об указах, которые ему от его начальника даны, весьма воздержаться». И поныне воздерживаемся по мере сил и возможностей, выполняем беспрекословно.

Хотя, если вдуматься, парадоксальная, нелепая, на удивление, ситуация: с одной стороны, каждый шаг командира роты, как и вопросы организации служебно-боевой деятельности подразделения, пункт за пунктом, подробно и обстоятельно расписаны уставами и приказами — никаких неясностей. Но с другой, ежедневно в устной и письменной форме, по поводу и без повода, в связи и без всякой связи получаем ЦУ в самом широком диапазоне.

Оно понятно, истина прописная: жизнь не стоит на месте, своевременная корректировка тех или иных положений, инструкций, установок лишь на пользу делу. Так ведь то корректировка! Ничего общего с содержанием отлаженного бумажного конвейера она практически не имеет. При всей разноплановости, глубине и неоспоримости ежедневных указаний и распоряжений, они в сущности просто-напросто дублируют требования уставов. Одни прямо, другие — косвенно.

Не поленился — подсчитал: только за два последних месяца в роту поступило более шестидесяти телефонограмм и сорока шифровок, содержащих настоятельные рекомендации и полезные правила, регламентирующие жизнедеятельность подразделения, предписывающие различные мероприятия, а то и целые комплексы мер как панацею от всевозможных служебных неприятностей. И выполнение каждого из них — дело, понятное, архиважное и безотлагательное. Где же воспеваемый газетными и журнальными передовица-

ми простор для инициативы и самостоятельности?

Абсолютное большинство этих указаний никаких элементов новизны не содержит, лишь детализирует и разжевывает широко известные истины из уставов и наставлений. Впрочем, это не избавляет командира от необходимости докладывать в указанные сроки о безусловном исполнении того, что он и без очередной бумаги исполнить обязан согласно функциональным обязанностям.

Но обыкновенное дублирование — это полбеды, к нему мы уже изрядно привыкли, недаром говорят: повторенье — мать ученья, даже если один циркуляр повторяет другой. Лучше усвоим. Гораздо хуже, когда распоряжения, идущие одно за другим, вступают во взаимные противоречия, а иногда и «конфликтуют» с уставами.

Такой, к примеру, несложный для понимания вопрос, как оборудование комнаты для хранения оружия, усложнили донельзя. Достаточно заглянуть в Устав внутренней службы, чтобы получить четкое представление, как что делается и содержится. Однако не следует торопиться выполнять уставные требования, дабы не попасть впросак, ибо «спущенное» на нас не так давно пособие по некоторым вопросам внутренней службы включает иные указания и нормы, не стыкующиеся с уставными. Но и это не все: оказывается, есть еще дополнительные требования по оборудованию казарменных помещений, тоже весьма своеобразные. Вот и ломаешь голову, как поступить, находясь меж трех огней. А ведь наутро может поступить новая, четвертая бумага...

Другой пример. Получа-

ем распоряжение о том, каким образом должен быть оборудован пост дневального по роте: специальные тумбочки, подставки, стенды... Где взять стройматериалы — распоряжением не предусмотрено, крутись командир, сроки поджимают. Выход один: идишь на поклон к руководству колонии, договариваешься, торопишь, мозолишь глаза... И вот, когда наконец пост дневального приведен в соответствие с современными параметрами и глаз командира отдыхает на нем, поступает приказание: убрать тумбочки старого образца (какой же он старый, этот образец, если краска еще как следует не подсохла?) и изготовить новые, грубо говоря, на два сантиметра выше и на три — шире. Будто бы именно от этих злосчастных сантиметров зависит качество службы суточного наряда.

И снова падаешь в ноги сотрудникам администрации ИТК: выручайте, мол, должны же мы взаимодействовать. А они в ответ: что-то взаимодействие наше косо-боко, носит односторонний характер — ходишь с протянутой рукой, «дай» да «дай». И, случается, отказывают. А вдруг, говорят, завтра тебе велят изготовить тумбочки с шестью ножками и двумя дверцами — опять все сначала? Нет уж, разводят руками, коли периодически меняют конфигурацию тумбочки и прочих атрибутов дневального, пусть обеспечивают материалами, а мы на расчете, каждая копейка на счету. Правильно? Еще как правильно и справедливо. Правда, проверяющему это не докажешь. У него один вопрос: почему не выполнено распоряжение номер ... от ... числа?

Мелочи? Хорошо, тумбочка — мелочь, пирамиды для

ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

ИСПОЛНИТЬ...»

оружия — пустяк, стол для быткомнаты и манекен для рукопашного боя — безделицы, а в сумме что? Бег по кругу, марафон. И командир уже не единоначальник, а снабженец, доставала и выбивала. А вспомните, сколько хлопот доставили (и, возможно, еще доставят) нам разноречивые указания о телевизорах в караульных помещениях? Тоже, между прочим, требовали: «Срочно изъять...», теперь — «Срочно обеспечить...». Изъять было проще...

Нужно ли говорить, что плановая работа командира роты, находящегося на стремнине бурного и нескончаемого потока распоряжений с грифом «срочно исполнить», немислима. Потому и планы порой составляем, что называется, от фонаря, зная наперед: работать по ним не придется. Как сберкинжики, они — на предъявителя: требуют — покажем, не ударим в грязь лицом, а после — под сукно.

Одна практика бития по хвостам чего стоит! Всем знакомая ситуация: не ровен час случается где-то неприятность — нас тут же аврально выбивают из графика работы. Как в той грустной шутке — в Черном море солдат утонул, а во всех подразделениях пустынной части Туркмении купаться категорически запретили. Да и за живым примером далеко ходить не надо. Только недавно по плану произвели серьезное обследование охраняемого объекта обысковыми группами, изучили состояние противоподкопных средств, проверили их работоспособность, отрегулировали. А тут где-то за тысячу верст — побег через подкоп. И тяжким грузом падает на наши плечи бумага: в предельно минимальные сроки «с» и «до» обследовать объекты, о результатах доложить по команде. Но ведь и двух недель не прошло, как эту работу

провели, стоит ли дублировать ее в ущерб другим, более насущным в нашей специфической обстановке задачам?

Как-то в лейтенантские годы я рискнул — задал подобный вопрос, — отбили охотку и, думаю, надолго. Потому-то по своим же горячим следам, торными тропками спешно организую вторичные обыски. Притом с таким видом, будто важнее этой акции на данном этапе ничего нет. Правда, не помогает. Подчиненные, хорошо понимая, что проверка эта, неожиданная-негаданная, носит формальный, «галочный» характер, и относятся к ней соответственно. А что в результате? Своевременный бодрый доклад о проделанной работе и, увы, масса потерянного почти впустую времени, отодвинутые на задний план действительно важные на сегодня дела.

Иногда и на заполнение своих родных служебных фоллиантов времени не хватает, до чужих ли бумаг! Кстати, о ротной документации. Проверяем наличие и состояние оружия и делаем записи в книге осмотра оружия, а параллельно — в журнале боевой и политической подготовки. К чему? А зачем нужна книга учета оперативно-служебной обстановки, если есть книга боевой службы, куда ежедневно надлежит заносить данные об изменениях в обстановке? О конспектах к занятиям умолчу, и так почти в каждом журнале «На боевом посту» командиры задаются вопросами об их целесообразности. Видимо, неспроста: уже всеерьез поговаривают об унификации конспектов.

Сетуем: некогда заниматься обучением и воспитанием, а могучий резерв времени так и остается резервом. Иногда даже кажется, что личный состав мы обучаем и воспитываем в короткие перерывы между составлением планов, докладных, отчетов... Может

быть, потому, что о качестве и объеме работы у нас еще нередко судят по тем же бумагам. Потому и попадает иной раз офицер, знающий обстановку и подчиненных как свои пять пальцев, в категорию неисполнительных: учеты подзапустил, предпочтя живую работу с людьми бумажной круговерти.

Тут как-то потребовались штабу подробные сведения о физической подготовленности солдат и сержантов: общее количество километров, пройденных военнослужащими на лыжах, средний балл по гимнастике (кому он нужен?) и многое другое. Предупредили: подсчитывайте точно, не на глазок, это очень важно; как позвоним — чтобы все было наготове, под рукой, доложите по всем пунктам. Подняли мы ведомости, журналы, вплотную занялись арифметикой...

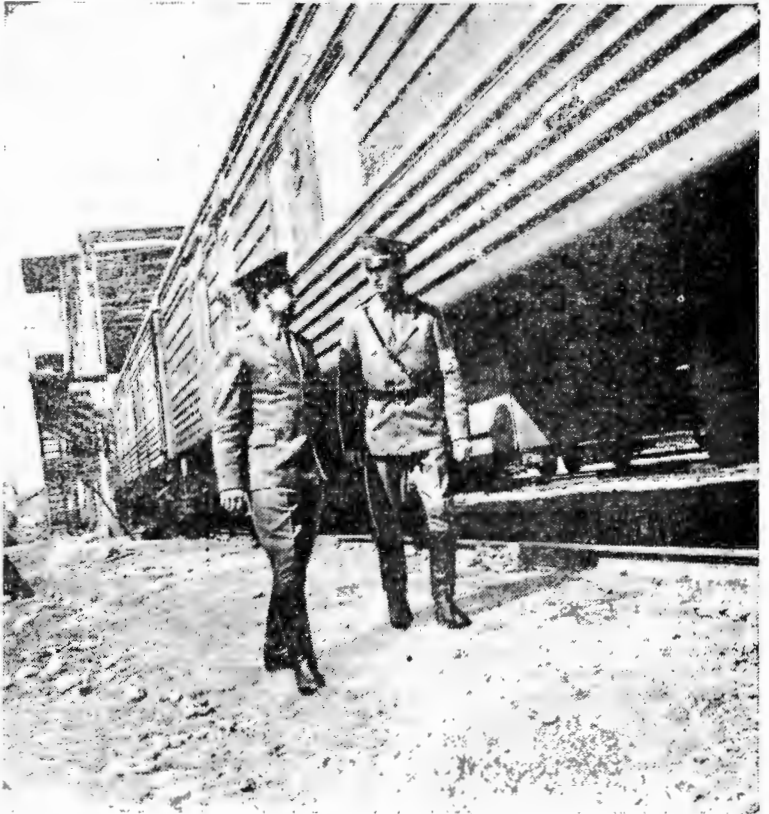
Где тот снег, по которому солдаты и сержанты бегали на лыжах? Давно стоял. И бумаги с расчетами пожелтели от яркого весеннего солнца, а так и не понадобились никому средние и прочие баллы. А такое бывало не однажды. Призывают: «Срочно исполнить...» и тишина. Может, потому и живуче в армейской среде крамольное присловье: не спеши выполнять приказ, а вдруг отменяют?

Двумя руками — за близость к людям. Но покуда между командирами и подчиненными стоит высокая бумажная стена — полного взаимопонимания не достичь. Пустые фантазии, но иногда приходит в голову: получить бы такое распоряжение — сократить до минимума почтово-бумажные и телефонные канители и переговоры. Выполнил бы немедленно, даже если бы не было пугающей пометы на уголке: «Срочно исполнить...»

Капитан С. ДЮДНЕВ,
командир роты.

УВВ по Западной Сибири.

СТУЖБА НА РОТЕЦАХ

Плановый железнодорожный караул — боевая задача не из простых. Все — по минутам, все — по уставу, стук колес не убаюкивает...

■ Часовой рядовой А. Ахмедов.

■ Старший лейтенант С. Респер и прапорщик Л. Витман в парке специальных вагонов.

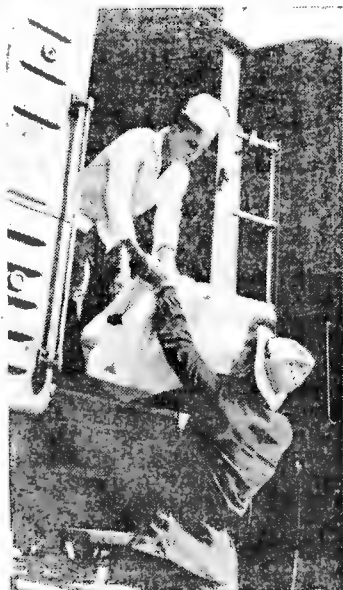
■ Помощник начальника караула еф-

рейтор А. Купатадзе должен лично убедиться — все в порядке.

■ Идет погрузка осужденных.

■ У повара рядового А. Есина свои заботы.

■ Скоро обменный пункт. Начальник караула прапорщик Н. Морозов и его помощник старший сержант С. Ядухин «прокручивают» действия караула.

ФРОНТОВАЯ ПАМЯТЬ ПОЭТА

Приближается славная дата — 45 лет со дня Великой Победы над фашизмом. Открывая новую рубрику, мы хотим в ней познакомить читателей со стихами поэтов фронтового поколения.

Сегодня у нас в гостях неизменно популярный Марк Соболев, по-прежнему дорожающий мнением боевых собратьев. Он писал о войне, никогда не покидавшей его памяти, просто и бесстрашно, он так же пишет о ней теперь, не боясь неосторожного, хлесткого слова, никогда не идеализирует, не романтизирует ее — она факт его биографии, поэтической и человеческой.

БИТВЫ

Марк СОБОЛЬ

РАЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В ПОДМОСКОВЬЕ

Мой вечный спутник — неизменный случай —
занес меня неведомо куда...

Здесь листопад пронзительно беззвучен
и редкие крикливы поезда.

Еще сентябрь на выгонах пасется,
но травы стали жухлы и сухи,
и под холодным пригородным солнцем
легко и просто пишутся стихи
пейзажные — про ласковость и милость,
отчаянную прелесть той земли,
где старые окопы обвалились
и подступы к былому заросли
разрыв-травой, ягодой волчьей...

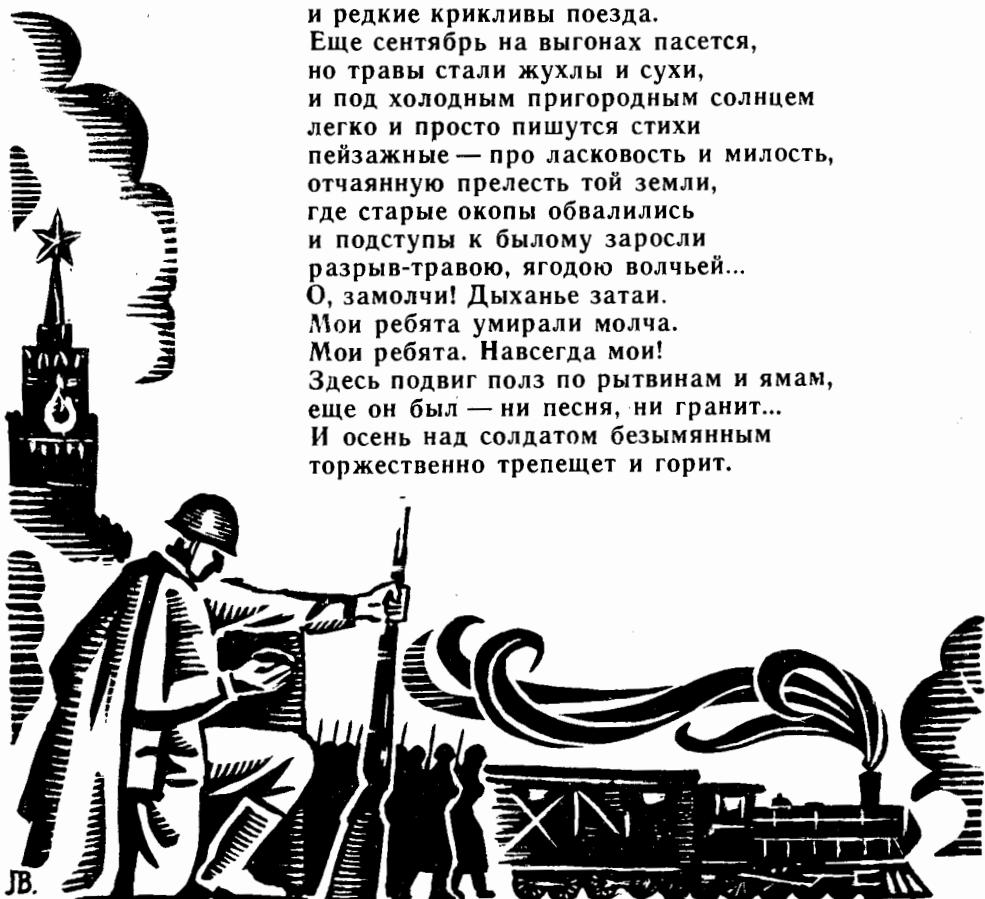
О, замолчи! Дыханье затаи.

Мои ребята умирали молча.

Мои ребята. Навсегда мои!

Здесь подвиг полз по рытвинам и ямам,
еще он был — ни песня, ни гранит...

И осень над солдатом безымянным
торжественно трепещет и горит.

ЛВ.

* * *

Мы с другом вспоминаем о войне
тревожно,

много,

с гордостью,

невесело...

Когда стихи заказывают мне —
велят, чтоб только не было агрессии.

Я сам хочу, чтоб с каждым днем слабей
рысак войны о землю бил копытами.
Но вот — повсюду кормят голубей,
и голуби ужасно стали сытыми.

Эй, парень, современный напоказ,
босяк с губами мокрыми и мятыми, —
в тревожный час я б мог увидеть вас
в очередях перед военкоматами?

Мой друг читатель, не сдвигай бровей;
я говорю, как следует подумавши:
есть миллионы стойких сыновей,
но есть и малостоящие юноши.

А нам нужна,
пока еще нужна
наука боя — трудная и точная.
Так пусть неделikatный старшина
покуда остается на сверхсрочную.

Легенда,
повесть,
рапорт или стих
о многих битвах разного значения —
пускай они живут
со всеми их
длиннотами и преувеличеньями.

До той поры, покуда все они,
ровесниками в памяти хранимые,
свое отслужат в качестве брони —
единственные
и неповторимые.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ЖУРНАЛА
«НА БОЕВОМ
ПОСТУ»
ПОСВЯЩЕН
СТРАНИЦАМ
ИСТОРИИ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

**ЗНАТЬ,
ЧТОБЫ
ПОМНИТЬ**

СЕГОДНЯ ИСТОРИЯ стала болевой точкой общественного сознания. Такие понятия, как «правда истории», «белые пятна», «закрытые зоны», сегодня часто звучат и на официальном, и на общественном уровне. Целый поток исторического материала хлынул на страницы средств массовой информации, срывая многие запретные печати. Однако на потребности общества откликнулись первыми не профессионалы-историки, а публицисты и литературоведы, писатели и поэты, философы и юристы. А на волне исторического дилетантизма появилась пена неряшливости, нетребовательности, тенденциозности, погоны за сенсацией. Не обошла эта волна стороной и историю внутренних войск, обвинив походя их представителей во всех смертных грехах. Разумеется, в истории как страны, так и войск немало трагических страниц, осталось много еще «белых пятен». Знать их, помнить о них — долг нынешнего поколения воинов охраны правопорядка. Именно этим было вызвано решение провести встречу за «круглым столом» редакции с участием историков, юристов, журналистов, ветеранов внутренних войск. Вел встречу главный редактор журнала кандидат исторических наук полковник А. Горлов.

■ **А. ГОРЛОВ.** Войсковая молодежь, к сожалению, плохо знает историю войск, хотя и не по своей вине. Несмотря на то, что Политуправление по этим вопросам издало немало разнообразной литературы, изучение славного боевого пути частей и подразделений, подвигов военнослужащих ведется еще без должной активности. Недостаточно широко освещены и отдельные периоды в деятельности внутренних войск. Вот почему среди участников сегодняшней встречи в основном люди, длительное время служившие в войсках или занимавшиеся историей их становления и развития. Это генерал-майор В. Ф. Некрасов, доктор исторических наук, профессор, заместитель начальника Академии МВД; И. Я. Выродов, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ордена Красной Звезды Института военной истории Министерства обороны СССР; полковник внутренней службы С. И. Кузьмин, кандидат юридических наук, доцент; Е. И. Белов, кандидат исторических наук, доцент; полковник В. А. Бобренев, заместитель начальника отдела Главной военной прокуратуры; В. Д. Кривец, научный сотрудник Центрального архива внутренних войск; С. М. Штутман, научный сотрудник Центрального музея внутренних войск; генерал-майор в отставке А. П. Поздняков; генерал-майор в отставке И. Г. Беликов.

■ **В. НЕКРАСОВ.** Наверное, нет такого периода в истории вообще и внутренних войск в частности, который не был бы отмечен «белыми пятнами». Это, естественно, было обусловлено теми обстоятельствами, которые определяли нашу общественную атмосферу в период написания тех или иных трудов. Что касается войск,

могу сказать определенно: в изданиях, посвященных их истории, всегда отражалось то, что было известно. Мы никогда не прятали документов, не скрывали фактов. Другое дело, что отдельные материалы еще просто не удалось разыскать. К другим же не получен пока доступ в наших архивах.

Сейчас я работаю над серией очерков о наших наркомках — министрах внутренних дел. Их было шестнадцать. Тринадцати уже нет в живых (шесть человек было репрессировано), о них и пойдет речь в очерках. Политика министерства всегда определялась партией и правительством, но и личность министра накладывала свой отпечаток на деятельность ведомства, играла свою роль, порой приобретая трагические оттенки. Но даже в период культа личности Сталина нельзя оценивать Ягоду, Ежова, Берия как имеющих отношение к массовым репрессиям однозначно. Каждый из них прошел свой путь, у каждого своя мера вины. К сожалению, при сборе материалов об этих людях приходится пользоваться в большей степени беллетристической, периодической, зарубежными источниками.

■ **А. ГОРЛОВ.** Сегодня деятельность внутренних войск настойчиво пытаются связать с политикой сталинских репрессий 30—40-х годов. Поэтому безынтересно было бы затронуть вопрос о возможных альтернативах во внутривойсковой жизни этого периода.

■ **И. ВЫРОДОВ.** Внутренняя политика государства всегда неразрывно связана с внешней и с общим развитием международных отношений. Диалектика внутренней и внешней политики заключается, в част-

ности, в том, что внешнеполитические цели и решения каждой страны ограничиваются рамками действий других участников событий. Однако даже при тщательном изучении международной обстановки тех лет, учете всех противоречий и сложностей ясно одно: альтернатив во внутренней политике было немало. Другое дело, что воздействие сталинских деформаций социализма, отступлений от норм нравственности и морали не могло не сказаться на их осуществлении.

Что касается внутренних войск, то с политической сталинских репрессий их можно было бы связать так же, как и любой другой государственный орган или его подразделение. Все они, составные части государственного аппарата, действовали в те годы, как в общем-то действуют и сегодня: в русле политики, проводимой государством.

■ **А. ГОРЛОВ.** В печати и дискуссиях нередко высказывается мысль, что оценивать прошлое можно, только опираясь на свидетельства непосредственных участников событий тех лет. Однако, думается, критическое переосмысление прошлого невозможно без усвоения и применения опыта наших дней, наконец, без такой суммы документов, какую мы имеем.

■ **РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА.** Это так, но пока создается впечатление, что сегодня история пишется прежде всего теми, кто был репрессирован, их родственниками, детьми, знакомыми. Как объяснить это? Почему молчат наши историки?

■ **И. ВЫРОДОВ.** Писать историю объективно просто невозможно без архивных материалов. В последнее время было объявлено, что историкам они будут предоставлены. Пока этого не сделано. Очень многие архивы, в том числе МВД, КГБ, института марксизма-ленинизма, Генерального штаба, не допускают к сведениям, которые необходимы исследователям. Это одна из причин вялости в работе сегодняшних историков, а также попыток оценивать те или иные события как бог на душу положит. Ведь документов нет, а значит, и опровергнуть или подтвердить любое, даже самое невероятное, сообщение не представляется возможным.

■ **В. НЕКРАСОВ.** Почему еще немало «белых пятен» в истории внутренних войск и вообще НКВД? Да потому, что со времени образования наркомат внутренних дел не раз объединяли с наркоматом госбезопасности, потом снова разделяли, и вот при разделении в 1943 году по решению правительства все документы НКВД за 1934—1943 годы были переданы на хранение в КГБ. Доступа к ним нет.

Вот еще один пример. Сейчас, как из-

вестно, снова пишется история Великой Отечественной войны. К нам обратились товарищи из Института военной истории с просьбой показать ГУЛАГ в военные годы. Есть прекрасная книга в архиве Октябрьской революции «ГУЛАГ в годы войны». Но даже при сегодняшней гласности ни одной цифры, характеризующей истинное положение вещей, мы в открытой печати дать не можем. Поэтому в средствах массовой информации идет откровенное вранье. Цифры осужденных в 40—50-х годах увеличиваются произвольно во много раз. Но мы молчим. А этим пользуются такие, как В. Коротич, Р. Медведев, А. Адамович. Манипулируют цифрами, накаляют страсти.

■ **РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА.** Так откуда же названные авторы берут эти цифры?

■ **А. ГОРЛОВ.** Из зарубежных источников, разумеется. Недавно была встреча академика А. Сахарова с воинами-дзержинцами. И ему солдаты задали вопрос, на чем основано его заявление, что в Афганистане наши военнослужащие расстреливали с вертолетов своих товарищей, попавших в окружение. Академик сослался опять же на зарубежные источники, сообщения западных радиоголосов. На мой взгляд, просто несерьезное объяснение. Хотя еще раз настораживает: при отсутствии полной и объективной информации появляется возможность явного искажения действительности.

■ **А. ПОЗДНЯКОВ.** И такие люди сейчас пользуются огромным авторитетом. Есть такой писатель Юрий Черниченко, народный депутат СССР. В статье «Две тайны», опубликованной в «Литературной газете», он делает попытку проследить в историческом плане переустройство нашей деревни, коллективизацию и тяжелые последствия этого — голод в начале 30-х годов. И походя говорит об обращении штыков против безоружного народа на тринадцатом году гражданского мира. Я цитирую: «Не дивизии ли внутренних войск защищали от голодных орд Харьков и Донбасс?» Заполняет ли это утверждение «белые пятна» в истории внутренних войск? Да, коллективизация проводилась во многих местах насильственно, с перегибами. Но что касается внутренних войск, Черниченко наводит тень на плетень: и дивизий-то в то время в войсках не было. А вот оставить без охраны склады, элеваторы было нельзя, ведь тогда рабочие Донбасса не смогли бы дать стране уголь.

Да внутренние войска, согласно указаниям В. И. Ленина, и создавались для охраны существующего строя, государственных учреждений, государственного имущества. И, надо сказать, свой долг военнослужащие выполняли самоотверженно. Погибли от рук бандитов и расхитителей, но

хлеб — главное достояние Республики в те голодные годы — охраняли. И охраняли не от народа, как пытаются сегодня утверждать некоторые авторы «сенсационных» статей, а для него, во имя него.

■ **В. БОБРЕНЕВ.** Тут уже говорилось о попытках связать внутренние войска с массовыми репрессиями 30—40-х годов. По роду своей деятельности я изучал вопрос о том, кто же повинен с правовой точки зрения. По поручению Прокуратуры Союза мне пришлось ознакомиться с материалами тех лет. Но начать хотелось бы с исследования причин репрессий. Работая длительное время с архивными документами, удалось проследить, с чего все началось. ВЧК и ОГПУ много сделали, чтобы очистить нашу страну от контрреволюции. Их сотрудники не щадили себя, мужественно исполняя свой долг. Но в пылу этой напряженной борьбы некоторые уверовали в свою исключительность, в то, что за ними право на истину в последней инстанции. И к тому же не все работники ВЧК—ОГПУ имели необходимую юридическую, а порой и просто общеобразовательную подготовку. А во что вылилось пренебрежение элементарными нормами уголовно-процессуального права, ярко показал 37-й и последующие годы.

Переломным можно считать 1934 год. Именно тогда был принят ряд законодательных актов. В частности, постановление ЦИК о том, что дела о контрреволюционной деятельности передаются на рассмотрение военных коллегий Верховного суда СССР и военных трибуналов, рассматриваются без вызова свидетелей и без участия сторон, без прокуратуры, без защиты. Здесь же предусматривалось запрещение обжаловать эти приговоры. Привести их в исполнение требовалось немедленно.

Создалась такая ситуация, что достаточно обвинить человека в контрреволюционной деятельности, как его можно хватать. Его показания достоянием гласности не становятся, передаются на рассмотрение исключительных органов отправления правосудия, какими являются военные трибуналы. Я уже не говорю об «особых совещаниях». Хотя беззакония, творимые в ту пору военными коллегиями и трибуналами, ненамного отличались от тех, что осуществляли те же «особые совещания». Даже по сравнению со средневековыми судилищами это шаг назад.

Итак, механизм репрессий включал в себя: следственный аппарат НКВД, суд и «особые совещания». Прокуратура от надзора за законностью была практически отстранена. Те, кто выступал против такого порядка, уничтожались. В 1937—1938 годы две трети прокуроров были репрессированы.

Так что, говоря о внутренних войсках,

можно утверждать, что они составной частью механизма репрессивного аппарата не являлись.

■ **ВОПРОС ИЗ ЗАЛА.** Известно, что в 1922 году был утвержден ВЦИК Процессуальный кодекс, в котором были законодательно заложены и камерное рассмотрение дел, и «тройки», и «особые совещания». Знал ли об этом В. И. Ленин, ведь он же все-таки был юрист! С его ли подачи это было сделано! Не было ли это продолжением «красного террора»? И вообще, как рассматривается это с процессуальной точки зрения!

■ **В. БОБРЕНЕВ.** В каждой норме есть определенная доля здравого смысла. И она принимается в расчете на то, что при ее применении будет преобладать здравый смысл, обычная человеческая логика. Внесудебный порядок применения уголовного наказания действительно был предусмотрен. Там было оговорено, что эта мера применяется, когда рассмотрение дел может повлечь за собой разглашение сведений, составляющих государственную тайну. Здравый смысл этих норм как раз и был на это направлен. Что касается того, знал ли об этом Владимир Ильич, думаю, что если и знал, то, видимо, эти нормы объяснялись тем здравым смыслом и возможной необходимостью.

■ **И. БЕЛИКОВ.** Сегодняшний наш разговор направлен на то, чтобы с современных позиций взглянуть на отдельные периоды истории войск. Я не теоретик, практик. В жизни и службе войск принимал участие с 1940 года. И, оглядываясь на прожитые годы, сопоставляя личные впечатления с тем, что написано в книгах по истории, прихожу к выводу: наши историки преклонялись не перед Правдой, а перед отдельными личностями. Сегодня перед одним, завтра перед другим, так и получалось, что одна «история» не годилась, потом другая, начинали писать третью... Подобное случалось и в МВД, и в подготовке книг по истории внутренних войск.

На прошлое войск, как и на прошлое страны, мы не можем смотреть сквозь розовые очки. Были в истории войск страницы, которые не хотелось бы вспоминать. Но оставить вместо них «белые пятна» мы не имеем права. Являясь частью государственного аппарата, войска вынуждены были заниматься и несправедными делами. Да, к ГУЛАГу войска отношения не имели. Поэтому глазами В. Шаламова, других писателей — бывших узников сталинских лагерей — мы на войска смотреть не можем. Только по незнанию, некомпетентности на внутренние войска переносят беды и грехи ГУЛАГа. От этого нужно решительно отмежевываться.

Что же можно отнести к выполнению

войсками ошибочных, неправильных решений? Это прежде всего депортация целых народов. Калмыков, балкарцев, чеченцев, ингушей, крымских татар, карачаевцев. Проводились и частные операции по отселению из приграничных районов. Было, и, конечно же, дело это несправедливое. Я лично был свидетелем этих событий. Какую же вину можно вменять за это войскам?

Помню, накануне одной из операций были вызваны старейшины аулов. Им было объявлено постановление Государственного комитета обороны, подписанное Сталиным, и Указ Президиума Верховного Совета СССР об упразднении Чечено-Ингушской автономии и образовании Грозненской области в составе РСФСР, подписанный Калинин. И войска выполнили этот приказ.

■ **В. НЕКРАСОВ.** У меня вопрос к Илье Григорьевичу. Из вашего выступления не совсем ясно, какие же страницы истории войск требуют нового прочтения? Вы говорите выселение? Но ведь все давно и точно известно. Было выселено: немцев — 568 тысяч, чеченцев и ингушей — 467 тысяч, карачаевцев — 64 тысячи, балкарцев — 35 тысяч, из Крыма — 216 тысяч, калмыков — 83 тысячи, из Прибалтики и Молдавии — 47 тысяч человек и так далее. Да, войска принимали в этом участие. Так какие еще страницы требуют нового прочтения?

■ **И. БЕЛИКОВ.** Надо сказать хотя бы об этом.

■ **В. НЕКРАСОВ.** В закрытых источниках мы и раньше писали об этом.

■ **А. ГОРЛОВ.** Изучение истории — процесс творческий. И не всегда новое прочтение — это обязательно свежий взгляд. Появляются ранее не известные документы, отыскиваются свидетели тех или иных событий. Да и оценки с позиций нового времени будут более объективными.

■ **А. ПОЗДНЯКОВ.** Действительно, при подготовке в прошлом изданий по истории ряд документов нам был неизвестен. Некоторые цифры приводить не рекомендовалось. Но главное — по тем или иным причинам не были названы имена людей, немало сделавших для укрепления войск. Эти пробелы, думается, необходимо восполнить тем товарищам, кто в дальнейшем будет писать историю внутренних войск.

Еще об одном общем нашем грехе в те годы хотелось сказать. Мы стремились воспитывать военнослужащих прежде всего на положительных примерах и вольно или невольно уходили от негатива. А этого делать в интересах исторической правды, наверно, не стоило.

■ **Е. БЕЛОВ.** Разговор сегодня идет полезный. Есть еще в нашей истории момен-

ты малоизученные, в том числе 20—40-е годы. Вот по гражданской войне дело обстоит лучше. Готовится к выходу монография С. Штутмана, опубликовано немало интересных статей А. Алексеенцева, есть хороший сборник документов по этому периоду. И в целом создается довольно подробная картина деятельности войск. Не возникает никаких сомнений, что они выполнили поставленные перед ними задачи.

Должное освещение получила и Великая Отечественная война в плане участия в ней внутренних войск. И мы на этой базе должны давать достойный ответ тем, кто говорит о репрессивных функциях наших формирований в то время. Десятки дивизий влились в Действующую армию из внутренних войск. Разве это малый вклад? А возьмите крупнейшие сражения: Москва, Ленинград, Сталинград, Курская дуга, Белорусская операция. В историю этих побед вписаны строки и нашими воинами. К этому нужно добавить вклад и тех 10 дивизий, которые осуществляли охрану тыла Действующей армии.

■ **И. ВЫРОДОВ.** Как участник войны могу сказать и о роли внутренних войск в ней. Сейчас читаешь порой или слышишь, что, мол, в боевых действиях они участвовали мало, выполняли репрессивные функции, стояли в заградотрядах с пулеметами. Я прошел всю войну, закончил ее в 1945-м в Чехословакии, и мне ни разу не приходилось, даже в самые тяжелые минуты, при отступлении видеть в тылу у себя военнослужащих внутренних войск с пулеметами. А вот о героических действиях дивизии войск НКВД на одном из наших флангов при наступлении в Карпатах я мог бы рассказать немало. наших войск было недостаточно, а наступление развивалось стремительно. Возникла угроза флангового удара противника. И вот образовавшуюся брешь закрыли собой воинские чекисты. Сражались они мужественно.

■ **Е. БЕЛОВ.** Я хочу вернуться к самому сложному периоду — 20—40-м годам. Многие документы еще предстоит изучить, о многом еще нужно написать. И сделать это без промедления, чтобы дать достойную ответ тем, кто пытается обвинить внутренние войска в массовых репрессиях. Конечно, подобные утверждения идут от незнания того, какие задачи и в какой период выполняли наши военнослужащие.

Прежде всего, войска ВЧК в 1920 году [войска ОГПУ с 1922 г.] осуществляли борьбу с политическим бандитизмом, охраняли границы Республики; с 1927 года — особо важные объекты промышленности; с 1931 года — железнодорожные сооружения и водные пути сообщения. Исправительно-трудовые учреждения охранялись с 1930 года воензированной охраной, которая состояла из бывших красноармейцев

и в состав внутренних войск никогда не входила. Конвойные войска осуществляли только конвоирование осужденных всеми видами конвоя.

Вот сейчас пишут, что со стороны военнослужащих были издевательства, расстрелы. Могу сказать, что это лживые измышления. Каждый, повторяю, каждый случай нарушения социалистической законности тщательно расследовался, и по нему принимались строгие меры.

■ С. КУЗЬМИН. Обстановка в стране в 20-е годы была довольно сложной. Помимо политической борьбы положение осложнялось безработицей, стремительным ростом преступности. Многие делегаты XV съезда партии в своих выступлениях справедливо ставили вопрос, что же делать дальше. Истратить ли в ближайшее время миллиард рублей на пособия по безработице или вложить эти деньги в освоение окраин государства, используя труд осужденных. Иного пути привлечь людей в отдаленные районы не было.

На Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке тогда развернулись крупнейшие стройки. Используя опыт Соловецкого лагеря особого назначения, осужденных практически не охраняли, было ни камер, ни собак, ни колючей проволоки. Тем, кто хорошо трудился, сокращали сроки отбывания наказания, награждали их орденами. Так что большое сомнение сегодня вызывают воспоминания отдельных авторов на страницах печати об ужасах лагерей и зверствах охраны.

Что касается масштабов репрессий в стране, то на сей счет есть официальные цифры. Те же данные, которые приводит наша печать, очень далеки от реальных. У меня есть сведения по всему периоду. Могу предложить и ряд способов их перепроверить. Вот, к примеру, во время войны были приняты два Указа об освобождении осужденных: от 12 июля и от 24 ноября 1941 года, по ним было освобождено порядка 25 процентов осужденных из мест лишения свободы. Есть и цифра освобожденных в то время с отправкой на фронт: 420 тысяч человек. Посчитать несложно, сколько человек находилось тогда в заключении. Есть еще ряд источников, подтверждающих этих цифры. Утверждения о десятках миллионов репрессированных, мягко говоря, вымысел.

■ В. НЕКРАСОВ. Вот под рукой у меня цифры. В 1950 году — это пик сталинских репрессий — в местах лишения свободы находилось менее трех миллионов человек. К тому же надо помнить, что среди тех, кто отбывал наказание, были действительно преступники, шпионы, диверсанты, наконец, уголовники, а их в лагерях того времени было почти две трети.

■ С. КУЗЬМИН. В начале 30-х годов Сталин условно разделил население страны на категории. Первая — это те, кто хочет строить социализм. Вторая — те, кто вообще ничего строить не хотел. К ним относились бродяги, профессиональные преступники и так далее. Мера пресечения к ним: пять лет лагерей. Не перевоспитался трудом за это время, посадят еще на такой же срок. И, наконец, третья категория — те, кто мешает строить социализм. Но ведь мешать можно по-разному, не только саботажем и диверсиями, а и бесконечными дискуссиями, политическими обвинениями и провокациями.

Теперь о войсках и военизированной охране. Если войска в те годы не охраняли лагеря, то как получилось, что сегодня они их охраняют? И вообще, чем войска отличались от ВОХР?

■ В. НЕКРАСОВ. Нам этот вопрос ясен. Вот бы широкой аудитории его разъяснить.

■ С. КУЗЬМИН. Когда на службу набирают по вольному найму — это одно. Когда призывают — совсем другое.

■ А. ГОРЛОВ. Так оно и было в то время. Во внутренние войска призывали молодежь, как в армию. А лагерная охрана тех лет набиралась по вольному найму. Войска же приняли под охрану исправительно-трудовые учреждения в 1956 году.

■ С. КУЗЬМИН. Создается впечатление, что сегодня средства массовой информации не отстаивают истину, а в угоду кому-то стараются сгустить краски. Мы с вами уточнили, что войска не охраняли лагеря. Но вот возьмем ВОХР. Она ведь тоже выполняла государственную задачу и руководствовалась в этом конкретными нормативными актами. Существует немало документов, подтверждающих, что малейшее нарушение законности со стороны охраны по отношению к осужденным подробно расследовалось и строго наказывалось.

■ А. ГОРЛОВ. Наши читатели не раз поднимали вопрос о дне рождения внутренних войск. Особую актуальность он приобрел сегодня, после вывода войск из состава Вооруженных Сил СССР. Высказываются разные точки зрения. Кто-то предлагает вести отсчет с 20 декабря 1917-го, кто-то с 14 января 1918-го, с 28 мая 1919 года. Какие суждения по этому поводу будут, товарищи!

■ Е. БЕЛОВ. Мы неоднократно делали попытки установить день рождения войск, но неудачно. Лично я сторонник даты 28 мая 1919 года, когда В. И. Ленин редактировал, подписывал декрет о войсках внутренней охраны. Но в этот день отмечают свой праздник пограничники и едва ли под-

держат предложение установить день войск одновременно с ними. Видимо, стоит взять какую-то другую дату. Например, 28 октября 1918 года, когда постановлением ВЦИК разрешалось ВЧК создавать свои вооруженные отряды для борьбы с контрреволюцией.

■ **С. ШТУТМАН.** Действительно, давно и много разговоров вокруг даты дня внутренних войск. Если с позиций истории взглянуть на этот вопрос, на верное, можно прийти к следующему. Вот предлагают датой рождения войск считать 14 января 1918 года. На чем основано такое утверждение? Прежде всего на протоколе № 46 заседания Совнаркома. В то время в Петрограде создалась угрожающая революции обстановка: огромное скопление анархистствующих матросов, которые угрожали разгромить Смольный. В этой обстановке в ночь с 14 на 15 января заседало правительство под председательством В. И. Ленина. Было принято соответствующее решение, в числе других мер: «поручить Дзержинскому организовать отряды из идейных из среды матросов для борьбы со спекуляцией». Некоторые произвольно добавляют в эту цитату (хотя и в скобках) после слова «идейных», слово «бойцов», предполагая, что оно в спешке было пропущено. Наверное, это не совсем правильно.

■ **В. НЕКРАСОВ.** Любая дата — большая степень условности. Тем не менее нам всем необходимо активизировать работу в этом направлении и решить вопрос. 20 декабря 1917 года — День ВЧК, 28 мая — День пограничника. Видимо, нужно говорить о какой-то другой дате. Хотя спорить можно вокруг любого предложения.

■ **С. ШТУТМАН.** Какую же все-таки дату выбрать? Я думаю, что брать за основу только войска ВЧК было бы не совсем верно. Ведь внутренние войска объединили в себе и конвойную стражу, и Продармию, и вооруженные формирования по охране различных ведомств. Объединение это произошло при НКВД по постановлению Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, подписанному В. И. Лениным 28 мая 1919 года. Это событие, наверное, ближе всего к нам по своей сути и содержанию, к тому же постановление в дальнейшем сыграло важнейшую роль в строительстве и укреплении войск. А что касается того, чтобы отмечать этот день вместе с пограничниками, то это, может быть, даже лучше: сегодня мы в разных ведомствах, завтра можем оказаться в одном. Ведь так уже было. Так почему бы не отмечать день пограничных и внутренних войск.

■ **А. ГОРЛОВ.** Самуил Маркович, вы много занимались этой проблемой, и, наверное, вам приходилось встречать в документах 20-х годов какую-то наиболее часто упоминаемую дату, связанную с днем

войск. В те годы активно писалась история, издавалось немало приказов по этим вопросам.

■ **С. ШТУТМАН.** В те годы никакого дня не было. Праздновали 20 декабря как день создания ВЧК. Праздновали и 23 февраля как день создания Красной Армии.

■ **В. КРИВЕЦ.** Что касается дня войск, я солидарен с Самуилом Марковичем, все-таки постановление, о котором он говорил, имело действительно решающее значение.

Теперь хотелось бы остановиться на таком вопросе: внутренние войска и репрессии 30—40-х годов. Вот говорят, войска участвовали в репрессиях, были составной частью карательного аппарата и так далее. Но ведь ни разу ни в печати нашей центральной, ни в других средствах массовой информации не прозвучало: а сколько же людей пострадало в годы сталинского террора в самих войсках?

Мы серьезно занимались этим вопросом, но установить точную цифру не удалось. Скажу только, что пострадало много, очень много честных людей, что-то около четырех тысяч. Причем в основном это начсостав. Из шестнадцати начальников войск было репрессировано тринадцать (имеется в виду довоенный период). Из двенадцати начальников Политуправления (с 1918-го по 1938-й) — девять. За это же время в войсках было пять начальников штаба. Все пять репрессированы. Пострадало в те годы много работников Главного управления, военнотрудовых дивизии имени Ф. Дзержинского. Однако вопрос реабилитации значительной части пострадавших до конца не решен, ведь у многих из них не осталось никого из родных. Этим сейчас активно занимаются Политуправление войск, музей, архив. Выходим с ходатайствами в Главную военную прокуратуру, помогаем возвращать добрые имена безвинно пострадавшим.

■ **А. ГОРЛОВ.** Здесь собрались в основном люди, которые немало лет посвятили изучению и развитию истории внутренних войск. И все же в таком заинтересованном разговоре, наверное, каждый что-то почерпнул для себя, над чем-то решил еще раз задуматься, чему-то уделить особое внимание. Конечно, «белые пятна» истории не исчезают после одного, хоть и обстоятельного, содержательного разговора. Но ведь мы и не ставили перед собой такой цели. Написание правдивой, полной истории войск — дело сегодняшнего молодого поколения ученых, военнотрудовых. А пробудить тягу к этому у них как раз и помогут такие вот встречи. Позвольте поблагодарить всех участников, пожелать им дальнейших успехов в их нелегком, но очень нужном всем нам труде.

Беседу записали
полковник Ю. ДУРНЕВ,
майор О. ВОЛКОВ.

Вечером 31 августа 1939 года группа эсэсовцев ворвалась в здание радиостанции пограничного с Польшей немецкого города Глейвиц. После нескольких выстрелов перед микрофоном был зачитан текст на польском языке, призывающий поляков к войне против Германии. Для пущей убедительности здесь же расстреляли несколько уголовников, переодетых в польскую военную форму.

Использовав глейвицкую провокацию как предлог для нападения, части вермахта 1 сентября 1939 года вторглись на территорию Польши. Началась вторая мировая война. Как и первая, она была вызвана неравномерностью развития капиталистической системы, борьбой империалистических государств за передел мира, мировое господство.

УРОК НАСТОЯЩЕМУ И БУДУЩЕМУ

МИРОВАЯ война стала реальностью уже в первой половине 30-х годов. Ее первый очаг образовался на Дальнем Востоке. Еще в 1931 году Япония захватила провинцию Китая — Манчжурию. Продолжая агрессию, японские милитаристы вышли непосредственно к границам СССР.

С приходом в январе 1933 года фашистов к власти в Германии в центре Европы образовался второй и главный очаг войны. В тесном союзе с фашистской Германией в подготовке агрессивных войн выступила Италия, где фашизм находился у власти с 1922 года.

Реализуя свои планы, Германия и Италия развязали ряд агрессивных войн. В октябре 1935 года Италия напала на Эфиопию (Абиссинию) и поработила ее. В 1936—38 годах осуществляется германо-итальянская интервенция против республиканской Испании. В марте 1939 года гитлеровцы захватили Австрию. Нависла угроза над Чехословакией.

Из всех великих держав только СССР последовательно выступал с осуждением агрессора. Внешняя политика Коммунистической партии была направлена на сохранение мира, организацию коллективного отпора агрессии. Основной курс на создание системы коллективной безопасности явилось военно-политическое сотрудничество СССР, Англии, Франции и США. Его важнейшими вехами стали советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи (1935 г.), попытки создания в 1936 году единого фронта против агрессии в Лиге Наций.

В этой связи возникает вопрос: существовала ли в данной ситуации фатальная неизбежность новой мировой войны? Анализ событий рассматриваемого периода показывает, что имелись альтернативные пути развития международных отношений. Войну можно было предотвратить. Такая возможность, например, существовала в

период подготовки гитлеровцами захвата Чехословакии в 1938 году, она имела и в 1939 году, перед началом войны.

В СОВЕТСКОЙ исторической литературе утвердилась точка зрения, что правящие круги Англии и Франции в канун второй мировой войны вели лживую, лицемерную политику, исключавшую при любых обстоятельствах достижение договоренности с СССР. Однако публикации новых документов и материалов по истории дипломатии кануна второй мировой войны в известной мере меняют наши представления о ходе англо-французско-советского переговорного процесса. Анализ протокольных записей заседания английского кабинета министров (апрель—сентябрь 1939 г.) позволяет сделать вывод о неоднозначном отношении западноевропейских правительств к сотрудничеству с СССР. В целом же там превалировало стремление к поискам соглашения с Советским Союзом. Вот что об этом 11 апреля 1939 года писал в Москву советский полпред из Парижа: «Сейчас почти исчезли все нападки на СССР в печати. Не случайно в ней сейчас задают тон как раз сторонники сотрудничества с нами...»

В литературе по истории дипломатии существует точка зрения, что советской делегации до начала военных переговоров следовало пойти на подписание политического договора трех держав и, кроме того, более активно использовать тактические различия в позициях Англии и Франции, имевшие определенное значение для исхода переговоров.

Вместе с тем представляется, что в той реальной исторической обстановке нераздельность политического и военного соглашений, их одновременное подписание как единого документа явилось бы наиболее надежной гарантией успеха переговоров, действенным средством влияния на западные державы. Такая позиция вписывалась в жесткую дипломатическую тактику, которую придерживался Советский Союз.

В условиях, когда война стучалась в дверь, а возможность для заключения действительного соглашения с Англией и Францией о совместной борьбе против агрессии была исчерпана, советские руководители приняли предложение Германии и заключили с ней 23 августа 1939 года Пакт о ненападении.

К сожалению, еще встречаются не только в зарубежной, но и в нашей печати попытки без достаточных оснований подвергнуть сомнению те или иные внешнеполитические шаги советской дипломатии. Именно такой подход можно наблюдать в опубликованной 24 августа 1988 года в «Комсомольской правде» беседе корреспондента газеты А. Новикова с доктором исторических наук В. Кулишом. Эта публикация под заголовком «У порога войны» носит явно субъективный характер. Она наталкивает читателей на мысль, что Советское правительство недооценивало опасность германского фашизма, его военной угрозы Советскому Союзу, а также странам Запада, поэтому и стремилось выдерживать курс на сближение в первую очередь с фашистской Германией. Подобные взгляды, хотя уже и подвергались обоснованной критике, все же продолжают накалять страсти вокруг событий пятидесятилетней давности.

Безусловно, политика сближения с любым фашистским государством в корне противоречила нашим принципам, и Советское правительство обратилось к ней вынужденно. В докладе, посвященном 70-летию Великого Октября, М. С. Горбачев отмечал: «Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией Пакт о ненападении, не было лучшим. Возможно, и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени. И в этих условиях вопрос стоял примерно так же, как во время Брестского мира: быть или не быть социализму на земле».

Таким образом, речь шла, по существу, о самом выживании Советского государства. В сложившихся исторических обстоятельствах оставался один выход: попытаться предупредить события и пойти на компромисс. В этом случае открывалась перспектива, во-первых, отсрочить хотя бы на какое-то время прямое столкновение с фашистской Германией. Такая отсрочка была крайне необходима прежде всего в целях модернизации боевой техники и Вооруженных Сил, разработки и осуществления широкой программы подготовки экономики к войне и, наконец, в целях заполнения пробитых сталинскими репрессиями «брешей» в высшем звене военного командования. Во-вторых, открывалась возможность вбить клин в германо-японский альянс.

Из опубликованных на Западе сборников немецких дипломатических документов следует, что составной частью договора о ненападении были секретные дополнительные протоколы. Как заявил на Съезде народных депутатов СССР М. С. Горбачев, в советских архивах такие документы не обна-

ружены. Их оригиналов нет и в зарубежных архивах. Советские исследователи не раз обращали внимание, что возникающие в этой связи недоумения остаются пока без ответа. Поэтому вполне закономерно, что на Съезде народных депутатов СССР была создана комиссия во главе с членом Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлевым по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении.

С НАПАДЕНИЕМ фашистской Германии на Польшу ее народ решительно встал на защиту отечества и первым оказал вооруженное сопротивление гитлеровской агрессии.

СССР внимательно следил за ходом военных действий. Учитывая быстро меняющуюся обстановку и нарастающую угрозу выхода немецких армий к советско-польской границе, Советское правительство приняло решение взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии.

Ход событий, связанных с продвижением Красной Армии в 1939 году на Запад, требует более подробного исторического изучения.

По заключенному 28 сентября Договору о дружбе и границе размежевание между СССР и Германией было проведено по линии этнического раздела между районами с большинством собственно польского населения и местами проживания белорусов и украинцев. С фактической точки зрения, это решение было вроде бы правильным. Однако формы его реализации, разумеется, были не самыми оптимальными, даже учитывая ту тяжелую ситуацию, в которой СССР тогда оказался.

Это соглашение называлось не только договором о «границе», но и «дружбе», что давало основание говорить о «дружеских» отношениях СССР с фашистской Германией, фактически обеляло фашизм, деформировало классовые установки в общественном и индивидуальном сознании, имело тяжелые последствия как для Польши, так и для СССР.

Историки призваны продолжать исследование того трагического времени, чтобы полностью ответить на вопрос, как и почему началась вторая мировая война и что было упущено для ее предотвращения. Однако уже сейчас вполне понятно, что мир был взаимозависим уже тогда, в 1939 году. Именно поэтому попытки наших будущих союзников по антигитлеровской коалиции строить свою безопасность на эгоистических началах «умиротворения» агрессора за счет безопасности других стран окончились мировым пожаром. В нынешнем ядерном мире взаимозависимость многократно возросла. Сегодня тем более невозможно обеспечить собственную безопасность в ущерб безопасности других, не рискуя вызвать пожар ядерный. В этом и заключается главный урок, который мы должны извлечь из событий кануна второй мировой войны.

В. КУПЦОВ, кандидат исторических наук, доцент.

Не так давно эта часть подвергалась критике за низкое состояние воинской дисциплины. Ныне, если сравнивать показатели с прошлым годом, количество дисциплинарных проступков снизилось на семьдесят процентов. Естественно, это не могло не оказать плодотворного влияния на боевую готовность, обученность пичного состава, надежность охраны объектов ИТУ. Заметим, что положительные сдвиги в воинском коллективе созвучны требованию, высказанному на Съезде народных депутатов СССР: без дисциплины, без порядка дело перестройки не пойдет.

О том, как политотдел, коммунисты части реализуют положения Письма Военного совета и Политуправления войск «Служить по совести, оберегать честь и достоинство», рассказывает начальник политоргана полковник В. ТАРАН.

СТИЛЬ МЕНЯТЬ ТРУДНО

ИЗУЧАЯ материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, офицеры политотдела определили для себя главный вопрос: смогут ли коммунисты успешно провести политику партии в новых условиях и изменить положение дел на самом «болевым» участке — в дисциплине среди личного состава?

Честный ответ потребовал определенно-го мужества, и сформулировали мы его однозначно: нет, не смогут, если мы, политотдельцы, сами не изменим стиль своей работы, не убедим коммунистов в том, что настала пора отрешиться от пустых призывов и по-настоящему засучить рукава.

Мысль совсем не нова, она, как говорится, лежит на поверхности, да беда в одном: все ее на словах поддерживают, а в повседневную практику претворяют ни шатко ни валко. Но самое тревожное обстоятельство относилось к примерности членов КПСС.

На очередных семинарских занятиях с секретарями парторганизаций мы откровенно поделились с партийными вожаками своей озабоченностью, попросили их высказаться по этой проблеме. Тогда же решили без раскочки начать заслушивание отчетов тех коммунистов, которые самоустранились от работы по поддержанию уставного воинского порядка в подразделениях.

Тон в этом деле постарались задать работники политотдела. Они непременно участвовали в партсобраниях, когда отчет держали коммунисты—руководители подразделений, поддерживали атмосферу взыскательности и объективного подхода к каждому человеку. В итоге одним партийцам определяли срок для устранения упущений, вторых строго предупреждали за их пассивность, с третьих снимали взыскания.

Не очень просто оказалось и нам, политотдельцам, овладеть партийными ме-

тодами работы — годами складывалась практика, когда с политработника спрашивали чуть ли не за все сферы жизни воинских коллективов, и он, памятуя об этом, нередко занимался не свойственными ему обязанностями. Скажем, приехал офицер политотдела в роту, и люди жалуются ему на плохое караульное помещение, где толком нельзя отдохнуть перед заступлением на посты. И вот идет офицер к руководителям ИТУ или другой организации, которой принадлежит охраняемый объект, и начинает «выбивать» необходимые для ремонта материалы. Даже если ему что-то удавалось добиться, то все равно это делалось в ущерб главному — его работе среди коммунистов роты или батальона. Сейчас же, если подобная ситуация возникнет, то политотделец первым делом направляется к секретарям парторганизаций взаимодействующих органов или в местный партийный комитет. Здесь он уже не будет выглядеть просителем, а станет говорить как партийный работник с партийным работником. В результате обычно быстро выявляется тот коммунист, по чьей вине или из-за бездеятельности подчиненных которого запущено караульное помещение, и положение оперативно выправляется.

Жизнь потребовала от нас изменить содержание своей работы в командировках. Недавно, к примеру, пропагандист части майор В. Ефимов докладывал об итогах поездки в одну из рот. Еще год-два назад он наверняка рассказал бы и о проверке службы караулов, и о переделке каких-то стендов, и об организации какого-нибудь ремонта в помещениях, и о многом-многом другом, а затем несколькими словами обрисовал бы обстановку в партийной организации. Сейчас Ефимов начал с подробного анализа деятельности партийного коллектива, с пересказа своих бесед с коммунистами. В таком подходе, на мой взгляд, суть изменения стиля политоргана: меньше увлечения бумагами, больше общения с личным составом, коммунистами.

Был бы не прав я, умолчав о непонятном парадоксе: все, от верхов до низов, не устают говорить о необходимости сократить бумагопоток. А что в итоге? Он практически не уменьшается, притом основное его течение — из вышестоящих инстанций. И поскольку он явно тормозит перестройку, то это вопрос уже политический. Не пора ли Политуправлению войск предметно заняться им?

ПРОДОЛЖУ рассказ о том, как активизировалась деятельность парторганизаций. Так вот, повысив спрос к коммунистов за состояние воинской дисциплины, мы со временем пришли к выводу: не во всех парторганизациях заслушивания отчетов приносят желаемые результаты. Почему? Вроде собрания и заседания партийных бюро проводятся с достаточной требовательностью, принципиальностью... На причину вышел заместитель начальника политотдела подполковник И. Тимофей после того, как сопоставил стиль работы нескольких партийных вожakov. Оказалось, что некоторые секретари, прежде всего впервые избранные, после отчета коммуниста упустили из виду контроль за устранением недостатков, а также забывали оказывать товарищу необходимую помощь. Тогда на семинаре с секретарями мы попросили рассказать о своей работе наиболее опытных партийных руководителей — капитана А. Фролова, старшего лейтенанта Г. Зайцева, старшего прапорщика Л. Амедьянова.

Однако не все коммунисты приняли на свой счет требование парторганизации укрепить дисциплину. На одном партсобрании капитан В. Гурдуза, прапорщик М. Дурбала и другие не только критиковали руководителей подразделения за их пассивность, но и предложили рассмотреть персональное дело начальника штаба батальона члена КПСС майора А. Яковлева. И такое собрание вскоре состоялось. Оно послужило для Яковлева хорошим уроком партийной критики, заставило его переоценить свой вклад в важное дело.

К сожалению, не только в этом подразделении отмечаются факты, свидетельствующие о неумении, а точнее — о боязни людей открыто критиковать недостатки товарищей по партии и, с другой стороны, о нежелании критикуемых воспринимать справедливые упреки в свой адрес. К примеру, слушая выступления на собрании в подразделении, где секретарем старший лейтенант Д. Новосаденко, я невольно отметил про себя такую закономерность. Если слово берет прапорщик, то сперва следует краткий отчет о личных успехах или достижениях коллектива и лишь «под занавес» — робкие пожелания коммунистам-руководителям. Если же выступает командир батальона или роты, то он долго «озадачивает» тех, кто ниже его по должности, и лишь мимоходом соглашается с критикой.

Почему такое происходит? Видимо, потому, что одни с опаской поглядывают на погоны критикуемых начальников, а вторые видят в критике, гласности покушение на авторитет их должности. Разумеется, мы не закрываем глаза на это, не оставляем без реагирования подобные факты. Помните, на собрании комсомольского актива части рядовой Ю. Кручинин во всеуслышание заявил, что командир взвода старший лейтенант О. Крылов груб с подчиненными, не считается с их личным достоинством. Офицер воспринял слова солдата как нападки на решения командира-единоначальника и впоследствии стал преследовать его.

На зажим критики снизу без промедлений отреагировали политотдел и парторга-

низация. Политотдельцы, товарищи по партии не скрывали своего искреннего возмущения действиями Крылова. И хорошо, что тот нашел в себе смелость осудить свои поступки, сумел перестроиться в общении с солдатами и сержантами...

Немало нам уже удалось. Так, в текущем году в части не допущено дисциплинарных проступков на почве неуставных взаимоотношений, которые еще не так давно сбивали воинский коллектив с правильного пути, порождали нервозность, а подчас и страх у военнослужащих.

Конкретными делами стремимся мы ответить и на слова Письма Военного совета и Политуправления о том, что «не достичь успеха в выполнении стоящих перед войсками задач, если в армейской среде не утвердятся подлинная, реальная демократия». С учетом этого политотдел старается вносить соответствующие коррективы в свою работу. Показательным на сей счет может служить недавнее партсобрание части, обсуждавшее состояние интернационального воспитания и работы по искоренению неуставных взаимоотношений. На него были приглашены девяносто два беспартийных военнослужащих срочной службы, представляющих воинов тех национальностей, которые призваны в часть. Немало выступивших из них, к примеру татарин ефрейтор Р. Шарафутдинов, азербайджанцы рядовые Э. Алиев и А. Расулов, рассказали нам, как полнее и лучше учитывать национальные особенности воинов в воспитательной работе. Скажем, ориентируясь на запросы молодежи, мы старались больше приобретать электромузыкальных инструментов. А по мнению солдат из Среднеазиатских республик, делаем большой просчет, забывая о национальных инструментах. Упрекнули нас и в подборе художественной литературы, где пока явно недостаточно произведений авторов из союзных республик.

Образно говоря, открытое партийное собрание открыло нам глаза на ряд упущенных направлений воспитательной работы.

...Мне не хотелось бы, чтобы у читателей, прежде всего у коллег, возникло впечатление, будто я подвожу их к мысли о заканчивающейся перестройке стиля нашего политоргана. Нет, я далек от таких утверждений: жизнь не стоит на месте, и, следовательно, нельзя придерживаться одних и тех же методов и форм работы, пусть даже на сегодняшний день достаточно эффективных. Так что будем искать новое, вспоминать что-то из забытого, старого, наконец, не будем давать самим себе успокоиться на достигнутом.

БОЛЬ, БОЛЬ, БОЛЬ...

Я познакомился с автором этих записок задолго до их написания. Расследуя по поручению Политуправления войск факт жестокого избияния солдата, имел возможность окунуться в очень непростую, критическую обстановку, сложившуюся в части, где служил рядовой Олег Павлов. Беседовал со многими офицерами, сержантами, солдатами, комсомольскими активистами. Кажется, внешне все они выражали беспокойство по поводу происходящего, хотя реальные дела часто подтверждали друге.

Невольню я становился свидетелем слушаний, когда из уст солдат, а главное, офицеров слетала отборная нецензурица. Даже при подготовке сучного наряда командир роты капитан И. Батырканов (в это время я разговаривал в канцелярии с рядовым В. Дьячковым) отпускал такие «перлы», что мне было откровенно стыдно перед сидящим рядом солдатом.

Низкая требовательность, махровая «дедовщина» царили в подразделении. К сожалению, комсомольская организация, возглавляемая сержантом О. Поляковым, существовала лишь формально: встать на пути казарменного зла, защитит молодых солдат она не решалась.

Попытка же Олега Павлова воспротивиться несправедливости привела к страшной развязке.

Рядовой Абдурахманов осужден. Заполит роты старший лейтенант Доронин уволен из войск... Сейчас кое-что изменилось в лучшую сторону. Но снят ли наиболее важный вопрос с повестки дня? Нет. Пусть же полные боли и надежды записки Олега Павлова послужат предметом заинтересованного разговора читателей молодежного клуба. Нам надо всем вместе искать и находить эффективное оружие против «дедовщины».

Майор В. КЛОЧКОВ,
инструктор отдела по работе
среди комсомольцев
Политуправления внутренних войск.

УЧЕБНЫЙ СБОР

Мы выгрузились из машины. Офицер с красной повязкой дежурного по части проверил всех по списку и направил в казарму, где располагался новый призыв.

Запах пота и сырости. Зажигается свет. Узкий и длинный коридор. Ефрейтор-каптерщик зовет меня: «Пойдем, работа есть». У каптерки, открывая дверь, он спрашивает:

— Откуда?

— Московский призыв.

— Из самой Москвы? Не повезло тебе, братан, у нас со столицей строго.

— Что значит «строго»? — не понимаю я.

— Что такое ЧМО, знаешь? Это человек Московской области, стукач и доходяга. Без москвичей в полку все ништяк было. А появились — сразу закладывать стали. Здесь один твой земляк есть — «дедушка» скоро, а до сих пор полы моет и подворотнички подшивает. Если какая разборка, то он стучит, за что по шеям получает, а потом опять стучит и опять получает. Будешь стучать — сразу вешайся, а не будешь — гэд службу потащишь, потом «духи» будут тащить, — твердо говорит каптерщик.

Я молчу, переваривая услышанное. По телу пробегает неприятная дрожь, и я с трудом сдерживаю ее перед этим широкоплечим, мускулистым солдатом.

Отсчитав положенные простыни, наволочки, он хлопает меня по плечу.

— Все. Пошел!

II

Этот день выдался особенно жарким. Мы принимали присягу.

Предстоящий ритуал ждали с радостью, чувствуя важность события. Когда начались речи, слово было предоставлено и старослужащим солдатам, которые клятвенно обещали принять нас в свою большую и дружную семью как достойную смену.

После выступал представитель молодых солдат, с клятвами, заверениями, помыслами, написанными и отданными ему задолго до церемониала. Парень робеет и морщится, но обильным хлопаньем награждается за приложенные усилия.

Начинается принятие присяги. Жара. Все изнывают. Я вызвал одобрение тем, что быстро читаю, хотя в школе у учителей это имело обратную реакцию, так как от скорости чтения они не разбирали смысла.

Наш взводный, старший лейтенант Спирин, пожал мне руку и сказал:

— Служи честно. Все будет хорошо, солдат.

Не знаю отчего, но я до сих пор вспоминаю его слова с благодарностью и стыдом.

III

Вскоре нас распределили по взводам учебной роты... Национальный состав — многоликий и сложный. Незнание языка, обычаев друг друга приводило к тому, что солдаты стремились обособиться по национальному признаку.

Запомнился заместитель командира моего взвода младший сержант Мамедов. Он был «требователен» на занятиях: мог дурачиться, поминутно меняя приказы. Военские уставы обуславливают меру ответственности за нарушение. Однако нас зачастую наказывал не за нарушение в прямом смысле этого слова, а за неумение, незнание, неловкость, то есть за то, что в положении вчерашних призывников было естественным. Нередкими с его стороны были физическое принуждение, грубость: «Не дойдет через голову — дойдет через ноги», «Не дойдет через ноги, дойдет че-

рез руки». Когда исполнение устава достигалось неуставным путем, это было не исполнение устава, а подчинение насилию.

Командир роты, начальник учебного пункта пресекали нарушения, но командиры отделений, заместители командиров взводов, взводные часто бездействовали, поощряя своим безразличием зарвавшихся «дедов».

Нам, на мой взгляд, не давали исчерпывающей информации о том, что происходит в казармах. Сравнивая слова офицеров и пережитое после, скажу, что они были полуправдой. Поэтому «дедовщина» была для нас неожиданной, а сопротивление ей недолгим и вялым.

Быт учебной роты... Он предельно аскетичен, основан на удовлетворении элементарных потребностей, но не духовных или эстетических. Необходима школа роста. Иными словами, человек становится сильным, могучим раньше, чем духовным, образованным, воспитанным, а во что может превратиться сила без духовности, без образованности, воспитанности? В жестокость, распушенность, безжалостность. Быт, культура общения определяют само общение и моральный климат в подразделении. Смею утверждать, что так называемые «дедовские» ритуалы порой становятся для некоторых зрелищем, развлечением — скрашивают убогий быт, скудный досуг...

РОТА

К нам прикрепили сержанта и объяснили задачи — изучение уставов, оружия, строевая подготовка, словом, все то, чему нас в течение месяца недоучили в учебной роте. Правда, сроки на этот раз были существенно сокращены — две недели. Сержант Таштимиров, ставший нашим наставником, был требователен и строг, но в то же время охотно делился своим опытом, помог освоиться в новой обстановке. Его непримиримость к служебной халатности, распушенности, разгильдяйству очень скоро убедили нас в том, что учиться придется по-настоящему. В те дни отношение к нам, молодым солдатам, было выдающимся — забота, внимание со стороны офицеров, солдат. Вернее, со стороны солдат — вежливое молчание, отсутствие грубости. Но не было и доброжелательности. Это напоминало затишье перед бременем или временное перемирие. В то, что оно сохранится или хотя бы продлится, верилось с трудом: было известно, что рота находится на последнем месте по дисциплине, замечали мы и некоторых солдат — каких-то помятых, пугливых.

Тема одного из занятий по политической подготовке: «Воинская дисциплина и воинское братство». Первый час мы писали под диктовку. Затем начался разговор. Нарушители дисциплины были известны, замполит перечислил их фамилии. Политработник говорил приблизительно следующее:

«Возникающие конфликты пытайтесь разрешить словами, старайтесь уходить от столкновений, если возникнут критические, безвыходные ситуации, обращайтесь ко мне...»

Потом замполит принес две папки приказов с объявлением приговоров военных трибуналов. Они были добросовестно доведены до личного состава роты — под ними я читал уже знакомые фамилии, имена, звания расписавшихся. Расписался и замполит. Вот только в чем расписался?

II

Доучивание наше подходило к концу. В большинстве своем мы усвоили, а затем и сдали требуемый материал. Это не значит, что мы умели все — у каждого оставались трудности, но они вследствие нашей неопытности были неизбежны.

Нас распределили в последний раз — теперь уже по взводам.

В первый караул мы заступали под началом командира роты. Прошел он успешно. Я любил караул — там редко были пустословие и суета. Караул — это серьезно... И потом, только в карауле, в часы пересменок, можно было прочитать газеты, книгу, обстоятельно и без спешки поговорить с другом. Между ротой и караулом существовала разница — хотя бы в том, что к караулу тщательно готовились, на караул настраивались, а в роту просто возвращались.

...На свой второй ярус взбирался, карабкался долго — каждое движение приносило страдание. До головы дотронуться не мог — опухла. Перевернулся на живот, положил ее на ладони... Проснулся посреди ночи, снова уснул — точно провалился. Опять пробуждение от боли.

В казарме горел свет. Ощутил на губах горький привкус и какую-то жижицу. Когда зрение прояснилось, увидел, что кровать и лицо усыпаны землей — сырой, комками... Бессознательно пытался стряхнуть ее, но вспомнил, что подо мной лежит человек. Посмотрел вниз — он был осыпан ею также. В казарме горел свет. Ночью. Казалось, что он спит глаза, проникая сквозь веки, глазное дно, еще глубже... Я принял прежнее положение, закрыв глаза руками, чувствуя, как растворяется в пронзительном ознобе тело.

Утром исследовал свое обмундирование, чтобы привести его хоть в какой-то порядок перед разводом. Не пошел на завтрак: не смог из-за сильной рвоты. На разводе замполит батальона заметил кровоподтеки на моем лице — вызвал к себе.

— Что скажешь?

— Ничего, — отвечаю я, потупив глаза.

— Ничего? Синяки откуда?

— Упал.

— Часто падаешь, солдат... Поднимешься к замполиту роты, напишешь объяснительную.

У замполита роты старшего лейтенанта Доронина объяснительные кроме меня писали двое моих однопризывников — один с подбитым глазом, другой с ухом. Среди них рядовой Дьячков, которого я попросил быть свидетелем моего падения с лестницы. На что он с опаской, но все же согласился. Я написал все, вернее, придумал, как «карман».

В кармане лежала телеграмма от матери: «Жди, приезжаю...» — и вызов на телефонный разговор с Москвой, полученный вчера... «Жди...»

Если представить мое состояние, то я бы, пожалуй, назвал это полной опустошенностью. Боль, значительно превосходящая терпение и мужество. К душевным страданиям присовокупилась страдания физические. Казалось, что все тело разрывается на части, что состоит оно не из мяса и костей, а из боли и нервов.

Мне стало хуже, санинструктор вызвала «скорую»...

БОЛЬНИЦА

I

После осмотра, освидетельствовав следы избивания, вызвали представителя милиции, следователя... Я уже лежал, не отрываясь от постели. В палату вошел человек в белом халате и молча опустился возле меня. Мне он показался врачом.

— Доктор, со мной что-то серьезное?..

Тут я заметил в его руках толстую бухгалтерскую папку — «Дело №...».

— Мне необходимо снять показания, — сказал он.

— Я не в себе... да и не очень понимаю, о каких показаниях идет речь.

— Вас же избивали?

Я заметил сочувствие в его глазах, и мне не хотелось быть неблагодарным.

— Мое положение сложно понять, а объяснить обстоятельства случившегося тяжело, поверьте...

— Дело не только в здоровье. Мне нечего вам сказать — я просто упал...

— Если состояние здоровья мешает вам говорить, то я приду позже. Он уже поднялся со стула и направился к двери, но я остановил его.

Он стоял, обдумывая свой следующий шаг, и, достав все тот же лист бумаги, вернулся на прежнее место.

— Придется написать заявление, — он протянул мне листок, исписанный мелким, крючковатым почерком.

— Распишитесь, что отказывается...

— Да, — я положил лист на протянутую папку и, не глядя, нажал на перо...

Я думал о том, почему смолчал, скрыл происшедшее, убеждал себя в правильно-

сти такого решения. Я ждал мать и не мог допустить того, чтобы все стало известно ей...

Неожиданно я изменил таким мыслям. Нет, не своему отношению к матери. Просто, вспоминая ее чаще, понял, что поступил против совести, что зло, вольной или невольной жертвой которого стал сам, грозит многим, возможно, друзьям, чьи матери также ждут, верят...

Решающим для меня было появление майора Морозова — начальника штаба нашего батальона. Его уважали за ясность ума, решительность, четкость мыслей и поступков.

— Рассказывайте...

— Рассказывал уже.

— Знаю, теперь пишите, как было.

— Писал... — было тяжело врать, и потому очень хотелось, чтобы он не расслышал моих слов.

— Ты же присягу давал. Себя обманешь, а других...

Я замер. Слова о долге, ответственности слышаны мною были не единожды, и говорили их покрасивей — с трибун, да так часто, что оскомина набилась. Человек, сейчас говоривший их мне, действительно верил в сказанное, и не только верил, но и жил честно. Это может показаться преувеличением, но простая мысль, проскользнувшая вдруг, разрослась в моем сознании и подчинила себе все...

Я написал все. Майор уехал, я остался один.

Впрочем, отчего же один? Меня быстро нашел и окружил своим особенным вниманием рядовой Тахиров — «дед» из второго взвода, вечно страдающий из-за фу-

рункулеза, обреченный на лечение в той же больнице, что и я. Содержание наших бесед было таковым. Вначале — угрозы, запугивание с наглядными примерами, объясняющими «заблудшему», чего ему будет стоить правда. После — угрозы, убеждения и опять угрозы... Кое-что из его слов я почти запомнил: «Посадишь Абдурахманова, думаешь хорошо станет? Кому тогда нужен будешь — офицером? Кто тебе поможет? А так — уважать будут, в ротة поддержку дадут...»

Кто поможет?..

Сила? Здесь ты всегда в меньшинстве. Тогда закон? Стоит ли надеяться, что они побоятся его переступить, если уже нарушили его, уже существуют за гранью правопорядка. Комсомольская организация? Но ведь они тоже комсомольцы — Абдурахманов, Тахиров... И те, кто знал и видел проделки «дедов», тоже комсомольцы. Обратиться к друзьям?! Что мы можем соединить — бессилие, отчаяние? Ведь непримиримости почти не осталось. Значит, Тахиров прав?..

Днем позже встретился с рядовым Сашей Мацоком — он попал в больницу с болями в желудке. Не стоит говорить, с каким нетерпением я ждал его рассказов о ротe, о том, что там теперь происходит.

— Ну, собрали комсомольское, — начал неторопливо Саша, — исключили Абдурахманова из комсомола, выступил замполит батальона. Все, кажется.

— Все?! — не выдержал я.

— А чего еще-то?..

Саша поделился сигаретами и поспешил уйти — приближался послеобеденный сон.

Последним пунктом в долгой цепи рапортов и объяснительных записок был приезд дознавателя с официальными бланками для снятия показаний — «Возраст, пол...» Идти на попятную поздно, оставалось положиться на судьбу. Показания я дал. Таким образом, мои обвинения приобрели необратимый характер — дело передали в военную прокуратуру.

Тахиров разочаровался во мне, слов у него почти не осталось, только злобная гримаса на прощанье: «Увидимся еще... На следствии ты потерпевший, на суде истец, а в ротe тебе...»

— В ротe?..

Ты, Тахиров, очень любил называть себя мужиком. «Мужик» в твоём понимании значило честь, достоинство. Ты говорил, что переносил побои мужественно, что не «доносил»... Мало били тебя, Тахиров, а не «доносил» ты только потому, что трусил, боялся. Ты и теперь боишься, рычишь, как собака, хочешь убедить меня, что отстаиваешь Абдурахманова как друга, земляка. Врешь, боишься ты за свою шкуру, а не за его. Ведь правда для тебя как кость в горле — чем больше ее, тем хуже тебе будет жить, — глядишь, и самого могут вот так же привлечь.

Я читал показания твоих дружков. Говоря о мужской поруке, чести, называя себя «мужиками», они выдали Абдурахманова с головой: когда тонет корабль, вы, как крысы, разбегаетесь, грызете друг друга... Вы издеваетесь над слабыми, а сильных стра-

шитесь, стараясь обратить их в свою веру — много ли смелости, достоинства требуется для этого?!

Вы можете избить лежачего, ударить в спину — считаете это своим правом и своей правдой. Но что же это за правда, с которой боитесь заявить вслух, которая вступает в силу лишь ночью, как воровская. Когда вас спрашивают о ней открыто — на собраниях, вы изворачиваетесь, говорите, что не делали этого или что не будете делать, вспоминаете несчастных матерей — и все для того, чтобы простили, спасли от решетки.

А ты помнишь, Тахиров, глаза своей матери, какие они? Будет она гордиться, что вырастила такого сына, что силы, любовь, отданные ею, нашли свое достойное продолжение в тебе? А своих детей, своих, Тахиров, не чужих, ты будешь учить, как лучше ударить в живот молодого солдата, чтобы заставить его мыть вместо себя полы? А ты видел, Тахиров, отца Абдурахманова, его глаза? Я видел, он приходил ко мне в больницу, просил простить сына, отказать от показаний. А я молчал, потому что не мог объяснить ему, что боль, пережитая мной, не только моя, но и каждого, над кем творилась расправа. А имел ли я право прощать за них?.. Ты разочаровался во мне, Тахиров, и я рад этому. Нам с тобой не по пути.

II

В больнице пролежал около месяца... На последнем обходе лечащий врач сказал: «Мы этого парня больше держать не можем, у нас больница гражданская, отправляйте в госпиталь, дообследование необходимо...»

Отправили.

В роту прибыли в шестом часу вечера. Санструктор металась по казарме в поисках ответственного лица, чтобы передать меня и медицинское заключение. Наконец документы сданы, мое прибытие отмечено в каком-то журнале, а она кивает мне на прощанье: «Зайди к замполиту».

Я проводил ее взглядом и, немного обождав, открыл знакомую дверь.

Замполит поворачивает стул боком, садится, закидывает ногу на ногу. Выражение его лица настораживает, и я напряженно жду продолжения.

— Вы, товарищ Павлов, даже сочувствия не вызываете, к вам я испытываю презрительную жалость, да и то...

— Отчего вы так говорите? — дрогнувшим голосом спросил я, чувствуя, как к горлу подступает ком и становится тяжело дышать.

— Посмотрите на себя. Размазня, грязенький, распустившийся. Больным прикидываетесь, уклоняетесь от службы в армии.

— Вы знаете, почему моя одежда грязная? Стирать предлагали чужую, а наутро меня увезла «скорая»... И я действительно плохо себя чувствую.

— Вы симулянт. Я читал медицинское заключение. Вы симулируете болезнь, но знаете, что вам это не пройдет. Если бу-

дете продолжать в том же духе, то прослужите не два года, а четыре.

Я плохо понимал, почему меня обвиняют в симуляции, о каких медицинских заключениях идет речь, если никаких обследований на этот счет не проводилось.

— Это ошибка...

— Я не позволю вам больше обманывать меня — я никогда не прощу вам, что оскорбили мою офицерскую честь.

— Я?!

— Вы нагло врали мне, когда я спрашивал вас, я не потерплю, чтобы меня обманывал каждый...

«Нет, потерпите, — думал я. — Полагаете, что обиженные солдаты молчат, потому что им так хочется? Нет. Их заставляют обстоятельства, угрозы «стариков»...

Молчит солдат. Ну что с него взять, если сам покрывает нарушителей, скажете вы и разведете руками. Неужели вы не понимаете, что для того, чтобы он не молчал, надо, выражаясь научным языком, создавать предпосылки? Кто по доброй воле захочет сносить побои, унижения? Никто!

Слово «политработник» состоит из двух равнозначных частей. Мне ближе вторая. Какие усилия прикладывали вы, чтобы изменить отношения в роте? А забота о личном составе? Неужели после всего происшедшего со мной вас не волновала моя судьба, ведь в больнице я находился месяц в полном одиночестве... Мне не передавались даже письма, хотя доехать от роты до больницы не стоило большого труда.

Беспорядок в роте — вот что, по-моему, должно честь офицерскую оскорблять.

Вы сказали мне тогда: «Слабый человек. Как насекомое — кто хочет, тот и раздавит». Ошибаетесь. Я действительно ослаб и со многим смирился, но не думаю, что навсегда. Я и сейчас сомневаюсь: нужно ли в данных армейских условиях отстаивать свою честь физической силой... Неужели это именно тот выход?..

...Из кабинета я вышел опустошенный, не скрывая волнения и отчаяния.

ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСПАНСЕР

I

Через три дня после описанных событий я оказался пациентом областного психоневрологического диспансера. Тяжело говорить о сумятице и неразберихе тех дней — о том, как, переходя из кабинета в кабинет, я терял ощущение жизни. Позже, из документов следствия, вставивших в себя очень многое, я узнал, что был принят сюда с диагнозом «реактивный психоз». Врачи подкупили своей добротой, искренностью — я с трепетом вслушивался в их голоса. Было назначено лечение.

Длительный сон, полное отсутствие желаний, чувств...

В памяти остались лица сестер, их прикосновения, их речь — осторожная, ласковая.

Неожиданно слово «сумасшедший», употребляемое обычно в быту полушутливо, вдруг обрело для меня свой истинный, страшный смысл. В отделении, в котором я оказался, находились люди с тяжелейшими психическими расстройствами... Чего стоит обладающему чувством реальности и ясным сознанием человеку такое соседство и общение с ними, передать нельзя, да и не нужно передавать.

...После обеда санитар попросил меня пройти в кабинет заведующей отделением. — Вы приглашены на комиссию...

Я вздрогнул и, вероятно, переменялся в лице — побледнел, отчего Валентин Нестерович, мой лечащий врач, попросил меня успокоиться и без лишних водянистых ответов на задаваемые вопросы. Вопросов было много. Я, не торопясь, отвечал, не понимая, как зависит от этого моя судьба. Комиссия завершилась минут через пятнадцать-двадцать. Меня вновь пригласили в кабинет.

— По нашему мнению, от дальнейшего прохождения службы вас необходимо освободить. Соответственно заключение мы передадим на утверждение комиссии УВД облисполкома сегодня же. Однако вам придется задержаться в части недели на две — это связано с прокуратурой, — вы проходите как потерпевший. Вы будете находиться в полковом лазарете. Самое тяжелое позади. Теперешнее ваше состояние не вызывает опасений, — заведующая поправила сползающие с переносицы очки. — Ты нас в столице не забывай, — пошутила она. Но никто не улыбнулся.

ЛАЗАРЕТ

Из друзей и знакомых по учебной роте в лазарете находилось пять человек. Понимали мы друг друга почти с полуслова. Уважением, сопереживанием, согласием были отмечены наши отношения. Но время... Как сильно изменило оно нас. Многих узнавал я с трудом, а узнавая, терялся еще больше. Никак не хотелось верить, что стоящий передо мной человек, осунувшийся, настороженный, молчаливый, зовется Сашкой Сухневым, что когда-то удивлял своей жизнерадостностью, искренностью самых угрюмых и скрытных. При встречах мы разговаривали как-то несмело, вполголоса, с оглядкой и спешно.

...Покинул расположение части рядовой Курило — объявили розыск, — убежавший был найден. Попытался покончить с собой рядовой Владимир Журавель — попав в психиатрическую больницу, был комиссован... Все эти случаи произошли в одном

подразделении части. Каковы были действия политотдела, командования части, не знаю. Но случилось так, что мне пришлось видеться и с начальником политотдела, и с командиром части. Они, услышав мою фамилию, вспоминали обстоятельства моего дела, и невольно начинался разговор... Говорили о многом, подробно.

Солдаты, я узнал, имели право подавать рапорты с просьбой о переводе в другое подразделение. Раньше этой возможности мало кто пользовался, теперь же просьбы рассматривали, удовлетворяли, что позволило раскрепостить солдат, выявлять конфликты, противоречия и разрешать их. Больше внимания в части стали уделять культуре, быту: взялись ремонтировать казармы, открыли солдатскую чайную, столовую перевели на раздаточную систему... Однако многое еще оставалось по-прежнему.

ОЧНАЯ СТАВКА

На очную ставку с Абдурахмановым отправился в автозаке — машине по перевозке осужденных... Прежде чем оказаться в прокуратуре, заезжаем в следственный изолятор. Жуткая тишина — только скрежет замков и отдаленный гул конвоя.

Сажу на лавке, темнота кромешная, прохладно и какой-то кислый, приторный запах... Суровый, гнетущий мир. Абдурахманова заводят в машину. Через перегородку камеры я слышу его голос — неуверенный, надсадный. Он рядом. Обитая железом перемычка разделяет нас.

На ухабах и рытвинах грохочет металлический кузов. Я просто не в силах о чем-

либо думать — вцепившись в скамью, трясусь, как механический зайчик. Машина останавливается.

...Когда я зашел в кабинет следователя, Абдурахманов уже сидел там — руки свесились с колен, голова опущена на грудь. Вступительные вопросы следователь задавал мне. Отвечая на них, я не отрывал глаз от Абдурахманова, чтобы встретить его первый, после той ночи, взгляд... Следователь постукал по столу, и он поднял голову, раскрывая веки медленно, словно от тяжелого сна. В его глазах не было ненависти, стыда, страха — они были пусты.

Рядовой запаса Олег ПАВЛОВ.

ПО РЕГЛАМЕНТУ

- «Раз, два — взяли!»
- В дни регламентных работ старший техник ИТО старший прапорщик И. Соловьев — главная фигура.
- Мастер ИТО ефрейтор А. Ринас.
- «Как распорядимся силами и средствами?»
- На периметре работы, значит, бдительность — вдвойне. Помощник начальника караула сержант Х. Алиханов и часовой-оператор рядовой И. Галляутдинов.
- Настроение отличное. Сержант С. Кузнецов и рядовой В. Лиштван.
- Подходящий инструмент! Рядовой В. Гусейнов.

Перстень Люцифера

Юрий КЛАРОВ

ПОВЕСТЬ*

«Перстень, который враги масонства обычно именуют «Кольцом Сатаны» или «Перстнем Люцифера», сами вольные каменяки... предпочитают называть «Кольцом власти»... По преданию... этот перстень с изображением золотого циркуля и треугольным красным бриллиантом в платиновой окантовке... (он у меня изъят при личном обыске) принадлежал некогда «великому пророку» Нострадамусу».

Из показаний Ковильяна-Корзухина.

I

ОПЕРАЦИИ, которой по предложению комиссара секретно-оперативной части Петроградской ЧК Леонида Ярового было присвоено столь необычное название, как «Перстень Люцифера», предшествовали некие события в столице Швеции. Они произошли в первых числах сентября 1918 года, последнего года первой мировой войны, которая тогда, впрочем, именовалась просто «мировой», так как никто не мог предположить, что нечто подобное может повториться.

Случившееся в Стокгольме заняло всего лишь восемь строк в разделе уголовной хроники одной из городских газет и если и оставило где-нибудь более существенный след, то только в скромном архиве отдела надзора за иностранцами стокгольмской полиции да в памя-

* Журнальный вариант.

ти капитана Юрберга, человека, который, по единодушному мнению своих коллег по контрразведке, вообще не умел ничего забывать — ни обид, ни того, что имело прямое или косвенное отношение к его обширным служебным обязанностям.

Аксель Юрберг принадлежал к старинному дворянскому роду. Его предки честно служили королю и отечеству, но не где-нибудь, а преимущественно в конной гвардии (голубой мундир и медная каска) или, на худой конец, в первом гвардейском полку (черный мундир с желтыми кантами и серебряными пуговицами). Аксель Юрберг тоже начал свою карьеру с конной гвардии, но после перелома левой ноги вынужден был оставить строй. Голубой мундир весьма шел юному офицеру, а в медной каске он был просто неотразим. Но, видно, не зря утверждал некий философ, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Таланты Юрберга по-настоящему раскрылись лишь тогда, когда он навеки распрощался с гвардией и перешел в бюро, о котором строевики всегда имели смутное представление и относились к его сотрудникам с некоторым высокомерием.

Если в конной гвардии высоко ценились искусство верховой езды, хорошие манеры и умение элегантно танцевать на балах, то в контрразведке пришлось весьма кстати работоспособность и педантичность Юрберга, его незаурядная память, аналитический ум, склонность к работе с агентурой и врожденное чувство такта.

Надо сказать, что в годы мировой войны такт для офицеров шведской контрразведки считался чуть ли не главным профессиональным качеством. Дело заключалось в том, что Швеция, соблюдая строгий нейтралитет, не принимала участия в войне. Ни военный, ни экономический потенциал этой маленькой скандинавской страны ни для кого из воюющих особого интереса не представляли. Никто не засылал сюда шпионов, чтобы разведать численность и оснащенность шведской армии, выкрасть план северной крепости Бооден или военного завода Бофорс, выглядевшего пигмеем по сравнению с мощными предприятиями Круппа, Шнейдер-Крезо, английской фирмы Вилкерс или французской Рено. И тем не менее Стокгольм был переполнен агентами секретных служб. Именно здесь английская и французская разведки готовили очередную акцию против немцев и австрийцев, а те, в свою очередь, разрабатывали планы тайной войны против стран Антанты.

Проявляя свой нейтралитет и тут, шведское правительство и король Густав V относились к резидентам всех враждующих стран с предупредительностью и тактом доброжелательных хозяев. Каждый сотрудник секретной службы мог быть уверен в полной лояльности

местных властей, если, разумеется, его деятельность в Стокгольме не выходила за общепринятые рамки добропорядочности и благопристойности. Иностранцы-агенты обязаны были ценить шведское гостеприимство и ничем не компрометировать нейтральную страну, создавшую им в разгар войны идеальную обстановку для работы и развлечения.

Вот на шведскую контрразведку и была возложена эта ответственная и деликатная функция надзора за приезжими и их поведением.

Увы, не все подопечные Акселя Юрберга умели ценить шведское гостеприимство. Некоторые из них были убеждены, что суверенитет малых стран всего лишь фикция, другие просто плохо были воспитаны. Но Юрберг, обладавший, помимо прочих достоинств, еще и педагогическими способностями, успешно справлялся с неизбежными трудностями, настолько успешно, что заслужил хорошую репутацию не только у себя на родине. По сведениям шведского генерального штаба, о нем с одинаковой благожелательностью отзывались и на Сен-Жерменском бульваре, и на Шварце Таффель¹. А это что-нибудь да значит!

Отлаженный механизм шведской контрразведки почти не давал сбоев. Юрберг обычно располагал самыми обширными сведениями о каждом прибывающем в Стокгольм агенте той или иной разведки. Причем случалось, и не так уж редко, что его информация оказывалась более достоверной, чем у тех, кто направлял этого агента в Швецию...

На элегантного господина средних лет со звучным чешским именем, португальской фамилией, датским паспортом, французским изяществом и русскими чертами лица, который в конце августа 1918 года остановился в одной из лучших стокгольмских гостиниц на Ваза-гата, досе в бюро Юрберга было заведено еще в 1913 году.

И в тот самый момент, когда элегантный господин, удобно расположившись у себя в номере, аккуратно обрезал золотыми ножничками кончик сигареты, капитан Юрберг раскрыл папку с его досе.

Честимир Ковильян, он же Вольдемар Петрович Корзухин, был уроженцем Ревеля, где он появился на свет в 1887 году в семье купца второй гильдии Петра Корзухина. Вольдемар Корзухин учился в ревельском реальном училище, но был исключен из последнего класса — то ли за неподобающее поведение, то ли за пренебрежение науками. После исключения из училища некоторое время помогал отцу. Много и слишком удачно играл в карты. Обвинился в шулерстве, за что был неоднократно бит. В 1906 году

¹ На Сен-Жерменском бульваре в Париже находится французский генеральный штаб, а на Шварце Таффель в Берлине — немецкий.

обосновался в Петербурге. Успешно посредничал в приобретении и продаже картин. Выезжал с поручениями своих доверителей в Варшаву, Париж, Берлин, Брюссель. Приобрел некоторое состояние, но в 1913 году проигрался в рулетку. Бедствовал. В том же году был арестован парижской криминальной полицией по обвинению в подделке векселя. В обмен на согласие сотрудничать с разведкой отпущен. По заданию французоз некоторое время находился в Швейцарии, затем выехал в Испанию. Вновь занялся торговлей произведениями искусства. В январе 1914 года завербован в Стокгольме резидентом немецкой разведки, что не помешало ему продолжать оказывать услуги французам, а по некоторым сведениям, и бельгийцам. Обычно агенты, не умеющие хранить верность одному хозяину, быстро и скверно кончали. Но Ковильян, видимо, не зря значился на Шварце Таффель под кличкой Счастличик: ему все сходило с рук.

В августе 1914 года Ковильян объявляется в Петрограде, где становится служащим в фирме «Зингер», продававшей в России великолепные немецкие швейные машинки и одновременно поставлявшей в Берлин высококачественную шпионскую информацию.

В 1915 году Ковильян был призван в русскую армию. Через месяц пребывания на фронте благополучно перешел к немцам. Выполнял различные задания немецкой разведки (а возможно, и французской) в Вене, Париже, Марселе, Женеве, Стокгольме. Во время пребывания

в Афинах был представлен посланнику Германии в Греции графу Мирбаху, которому сумел понравиться. В 1917 году, когда Мирбах исполнял обязанности представителя Министерства иностранных дел Германии в Бухаресте, Ковильян по ходатайству графа был к нему прикомандирован третьим отделом генерального штаба. А в апреле 1918 года Мирбах, назначенный посланником в большевистскую Россию, взял Ковильяна на работу к себе в посольство, где тот занимался сбором и обработкой политической и экономической информации. По заданию Мирбаха и советника посольства Рицлера Ковильян также устанавливал деловые контакты с различными антибольшевистскими группами, в частности с подпольным прогерманским «Правым центром».

Как указывалось в досье, не забывал он и про свои личные интересы. По Брестскому мирному договору русское большевистское правительство обязано было полностью оплачивать все дореволюционные русские ценные бумаги, предъявляемые к оплате Германией. Ковильян через посольство предъявлял их к оплате. Так им были приобретены акции Веселянских рудников у членов правления этих рудников братьев Череп-Спиридоновичей, акции парфюмерной фабрики «Ралле», завода сельскохозяйственных машин «Коса».

Одновременно Ковильян приобретал для графа Мирбаха, который был ценителем живописи, картины. Узнав, что у проживавшей в Москве княгини Е. П. Ме-

Ю. Кларов

ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

В первые месяцы существования Советской республики — в апреле 1918 года — Народный комиссариат художественно-исторических имуществ опубликовал обращение ко всем гражданам России:

«...Вчерашние царские дворцы, а ныне — народные музеи, созданы руками народа и лишь недавно ценою крови возвращены их законному владельцу — победителю, революционному народу. Каждый памятник старины, каждое произведение искусства, коим тешились лишь цари и богачи, стали нашими: мы никому их не отдадим и сохраним их для себя и для потомства, для чечовечества...»

Повесть, которую вы прочтете, рассказывает о первых днях после революции, когда чекисты, в том числе и солдаты Дзержинского, истово сохраняли для будущих поколений ценнейшие произведения искусства, о славных традициях воинов-дзержинцев, получивших дальнейшее развитие в наши дни.

Ю. КЛАРОВ.

щерской имеется картина «Мадонна» кисти Боттичелли, Ковильян предложил ей уступить это тощо графу Мирбаху, который давно хотел иметь Боттичелли. Однако о готовящейся сделке стало известно большевикам, и 30 мая 1918 года вопрос о судьбе картины рассматривался на заседании большевистского Совета Народных Комиссаров под председательством самого Ленина.

Составитель досье на Ковильяна отличался педантичностью. Досье заканчивалось полным текстом постановления Совнаркома.

Усмехнувшись, капитан Юрберг прочел:

«Ввиду исключительного художественного значения картины Боттичелли (тощо), принадлежащей в настоящее время гр. Е. П. Мещерской, предполагающей, по имеющимся сведениям, вывезти картину за границу, Совет Народных Комиссаров постановляет: картину эту реквизирировать, признать ее собственностью РСФСР и передать в один из национальных музеев РСФСР. Исполнение сего постановления возложить на Комиссариат народного просвещения»¹.

Документ заканчивался словами:

«Поручить Народному комиссариату просвещения разработать в 3-дневный срок проект декрета о запрещении вывоза из пределов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики картин и вообще всяких высокохудожественных ценностей и проект этот представить на рассмотрение Совета Народных Комиссаров».

Аксель Юрберг никогда не испытывал симпатий к большевикам и вместе с другими шведскими офицерами генштаба был крайне возмущен, когда мэр Стокгольма социалист Линдхаген, выступая в январе 1918 года в Петрограде на митинге в цирке «Модерн», не только приветствовал большевистский переворот, но и заявил, что «весна социалистической эры, занявшаяся над Россией, совершит свое победоносное шествие через все остальные страны».

Нет, «весна социалистической эры» и большевизм Швеции не угрожают. Шведы слишком любят порядок и своего короля, которому ежегодно выплачивают по цивильному листу около полутора миллионов крон, отдавая тем самым священный долг своим историческим традициям. Юрберг не сочувствовал большевизму. Но этот декрет русских большевиков, которые чудом удерживаются у власти в громадной, дикой стране и не сегодня-завтра вновь станут эмигрантами или будут безжалостно казнены, как это принято в России, где человеческая жизнь никогда ничего не стоила, вызывал невольное восхищение. Обреченные думали не о себе, не о своих интересах, а о стране, о русском народе и принадлежащих ему художественных ценностях.

¹ Картина, изъятая у княгини Мещерской, сейчас экспонируется в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. По мнению специалистов, она принадлежит кисти не Боттичелли, а одного из его учеников.

Да, граф Мирбах и бывший русский подданный, а ныне агент немецкой (только немецкой?) секретной службы, получили хороший урок истинной любви к отечеству. Правда, воспользоваться этим уроком граф не успел: в начале июля восемнадцатого года он был убит в Москве.

Но для чего все-таки господин Ковильян изволил прибыть в Стокгольм?

Вряд ли для того лишь, чтобы посетить лучшие в Европе бани на Стюргатан, со вкусом пообедать в модном ресторане, а вечером отправиться в Королевскую оперу или посидеть с красоткой в шикарном баре «Гранд-отеля».

Помощник Юрберга лейтенант Олав Тегнер, человек молодой и, как свойственно молодежи, поспешный в выводах, готов был поставить сто крон против одного зре, что приезд Ковильяна, ставшего с легкой руки покойного графа Мирбаха чем-то вроде шпиона-дипломата, прямо или косвенно, но связан с августовским совещанием в Спа, о котором шведская разведка получила информацию неделю назад.

На этом важном совещании от немцев присутствовали император Вильгельм II, начальник генерального штаба генерал-фельдмаршал Гинденбург, его помощник генерал Людендорф и канцлер Гертинг, от австрийцев — император Карл I, министр иностранных дел Бурриан и начальник генерального штаба генерал Штрауссенбург.

Участники совещания с сожалением признали, что после успешных летних наступательных операций войск Антанты на Западном фронте страны Четверного союза безвозвратно потеряли стратегическую инициативу. Обстановка на фронтах усугублялась крайне тяжелым экономическим положением Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, антивоенными настроениями в самых разных социальных слоях населения, нехваткой рабочих рук на промышленных предприятиях, отсутствием военных резервов, трудностями с сырьем и продовольствием.

Все участники совещания пришли к единому выводу: необходимы мирные переговоры.

И лейтенант Тегнер был уверен, впрочем, как и многие чиновники в министерстве иностранных дел Швеции, что Германия и Австрия должны обратиться за посредничеством в предстоящих переговорах между воюющими сторонами к Швеции.

По мнению Юрберга, версия его помощника покоилась на слишком многих «если». Если Вильгельм II, прежде чем вступить в переговоры, не попытается добиться некоторых военных преимуществ... Поведение Ковильяна в Стокгольме ничем не подтверждало версию Тегнера. Ковильян не искал встречи ни с резидентом немецкой разведки, ни с кем-либо из сотрудников немецкого посольства. Он вел себя как богатый бездельник, пытающийся убить время. Он фланировал, играя тростью, по Ваза-гатан,

с ленивым вежливым интересом осматривал все достопримечательности, которые положено осматривать иностранному туристу: церковь Рыцарского острова — место погребения королевской семьи, Рыцарский дом, дворец оберштатгальтера, памятник Линнею. К неудовольствию сопровождавшего его филера, под проливным дождем отправился в «Салон Верниса» в Верделиусовом парке, а затем, не дав ему хоть немного подсухнуть, посетил Северный музей в Дургардене. Особое внимание Ковильян уделил картинной галерее знаменитых масонов. Он здесь побывал дважды.

— Сколько, говорите, он провел времени в картинной галерее? — спросил Юрберг у Тегнера, который непосредственно «опекал» любимца покойного графа Мирбаха.

— Агент утверждает, что вчера объект наблюдения находился там не более десяти минут. Узнав, что хранитель галереи отсутствует, он бегом осмотрел первый зал и ушел.

— А сегодня?

— Сегодня он был там с 10 до 11 часов 45 минут.

— Продолжал осмотр?

— Нет. Судя по всему, портреты его не интересуют. Все это время он провел в кабинете хранителя картинной галереи. О чем они говорили — неизвестно. Но, по словам агента, беседа была очень оживленной. Он под видом любопытствующего посетителя галереи заглянул в кабинет. Его вторжением были крайне недовольны оба собеседника. Разговор явно носил конфиденциальный характер.

Хранитель картинной галереи портретов знаменитых масонов Сивар Йергенсон уже давно мозолил глаза шведской контрразведке. Юрберг любил всегда и во всем ясность. А Йергенсон был как раз тем человеком-шарадой, в котором все представлялось загадочным: происхождение, источники доходов, размер состояния, интересы, характер, политические симпатии, слишком обширный и слишком неоднородный круг знакомых, любовницы, связи при дворе, в армии и министерствах.

Разумеется, каждый подданный шведского короля имеет право на частную жизнь. И никто не должен совать нос в его личные дела. Но только до тех пор, пока они остаются сугубо личными. Между тем частная жизнь хранителя картинной галереи все чаще и чаще соприкасалась с областью, далеко не безразличной контрразведке. Юрбергу не нравились многие знакомые Йергенсона, и в частности этот международный авантюрист, агент почти всех известных Юрбергу разведок продажный Алистер Краули¹, который в последнее время слишком часто стал появляться в Стокгольме, где его радушно встречал Йергенсон.

¹ В досье на Алистера Краули в английской Интеллидженс сервис значилось: «Довольно неловкий агент, всегда стесненный в денежных средствах, подкупен. При использовании необходимо принимать крайние меры предосторожности».

Что связывало Йергенсона с Краули? На этот вопрос Юрберг так и не смог получить ответа. И вот теперь новая загадка — Йергенсон и Ковильян. Уж не ради ли встречи с Йергенсоном Ковильян приехал в Стокгольм? Но зачем ему понадобился Йергенсон? И еще. Ковильян, конечно, не мог не заметить за собой «хвост», но он даже не попытался оторваться от следящего за ним агента. Почему? Это, разумеется, могло означать, что, по мнению Ковильяна, его встреча с Йергенсоном не представляет интереса для шведской контрразведки. Но не исключался и другой вариант: Йергенсон — тот самый ложный след, который должен вести в противоположную от истины сторону. Ковильян был великим мастером на подобные ложные следы, сбивающие с толку.

В уравнении, которое предстояло решить, было слишком много неизвестных, а Юрберг никогда не отличался любовью к математике. Но, насколько он с детства помнил, для того, чтобы вычислить игрек, для начала следовало узнать икс.

Итак, икс. Что сейчас должно стать иксом?

Пауза, по мнению Тегнера, несколько затянулась, и он почтительно спросил:

— Прикажете продолжать наблюдение?

Что ж, наблюдение, конечно, продолжать надо. Наблюдение делу не помешает. Но одним наблюдением ограничиться, видно, нельзя.

— Давайте-ка попробуем с вами расшифровать икс.

— Простите, господин капитан?..

— Вы математикой никогда не увлекались? — поинтересовался Юрберг.

— Нет.

— Я, к сожалению, тоже, — сказал капитан и спросил: — Насколько я помню, когда Ковильян распаковывал свои вещи в номере, горничная обратила внимание на портфель?

— Да, господин капитан.

— А почему бы нам не ознакомиться с содержанием этого портфеля? Негласно, разумеется.

— Боюсь, господин капитан, что там не окажется ничего интересного: Ковильян слишком опытен и наверняка учел такую возможность.

— Конечно, учел, — согласился Юрберг. — Но, может быть, ему и нечего от нас скрывать? Тогда хранящиеся в его номере бумаги могут стать залогом взаимного доверия, не так ли? А от доверия к дружбе — один шаг.

Негласный обыск в гостиничном номере Ковильяна был произведен в тот же вечер. Но, увы, его результаты не стали залогом взаимного доверия и не привели к дружбе.

Расшифровать икс для того, чтобы вычислить игрек, Юрбергу на этот раз не удалось, хотя он, не подозревая об этом, оказался весьма близок к своей цели. Но Ковильяну, кажется, действительно нечего было скрывать от шведской контрразведки. Во всяком случае в тот вечер..

3 ОЛОТЫЕ розенкрейцеры считали себя высшей степенью масонского Ордена, а своего «великого пророка» Нострадамуса — представителем рыцарского Ордена тамплиеров (храмовников).

Мишель де Нотрдам, или Нострадамус, родился в Сен-Реми в 1505 году. Был лекарем и астрологом Карла IX. Точно предсказав день и час своей смерти, умер в 1566. Пророчества его под названием «Столетия» впервые изданы в Лионе в 1555 году и осуждены папой Пием VI как дьявольские.

Нострадамус среди прочего предсказал:

1. Варфоломеевскую ночь и то, что Карл IX будет стрелять из аркебузы в гугенотов, а труп их вождя адмирала Колиньи будет повешен вниз головой.

2. Угасание королевского дома Валуа и восшествие на французский трон короля Генриха IV Наваррского, который сменит трех сыновей Екатерины Медичи, последовательно один за другим занимавших престол Франции.

3. Английскую революцию и казнь по приговору парламента в 1649 году английского короля Карла I.

4. Великую французскую революцию, попытку убежать из Парижа в Варенн Людовика XVI и Марии-Антуанетты («Ночью проедут через лес Рейнса две пары кружными путем: королева, как белый камень, король-монах в сером в Варенне») и последующую казнь Людовика XVI, ставшего конституционным королем («Избранный Капет вызовет бурю, огонь, кровь и нож»).

Предсказания Нострадамуса о Наполеоне I, мировой войне и конце мира... Конец света, по его мнению, должен произойти в год, когда страстная пятница придется на день святого Георгия, светлое воскресенье — на день святого Марка, а праздник тела Христова на день святого Иоанна».

Эта запись в блокноте Ковильяна была сделана по-русски, и Тегнер заранее побеспокоился о переводчице. Последующие три листа блокнота были заполнены рисунками дамских ножек, голых девиц с длинными до пят волосами и весьма фривольных сцен. Чувствовалось, что Ковильян длительное время был лишен женского общества. Что же касается девиц, то они, по мнению Юрберга, отличались излишней чужностью. Впрочем, о вкусах, как известно, не спорят.

Аккуратные столбцы цифр — Ковильян педантично, изо дня в день подсчитывал свои расходы, не забывая переводить истраченные франки, доллары и фунты стерлингов в немецкие марки и шведские кроны. В этом он разбирался совсем неплохо.

Подсчеты расходов в блокноте сменились записью, которая вновь привлекла внимание Юрберга:

«Порождение сатаны — Орден розенкрейцеров.

Считается, что его императором в кон-

це шестнадцатого и начале семнадцатого века был не кто иной, как известный философ и государственный муж Франсис Бэкон, лорд-канцлер Англии, барон Веруламский и виконт Сент-Албан, автор книг «История жизни и смерти», «Введение в историю симпатии и антипатии вещей», «Введение в историю тяжести и легкости» и др.

Многие исследователи тайного Ордена розенкрейцеров, в том числе и хранитель картинной галереи портретов знаменитых масонов в Стокгольме Сивар Йергенсон, считают, что розенкрейцерами мистифицирована история мировой литературы. По их мнению, перу Бэкона и его сподвижников по Ордену принадлежат пьесы, которые ошибочно приписываются ныне Шекспиру и Кристоферу Марло. Бэконом же созданы и «Опыты» Монтеня и «Дон Кихот» Сервантеса.

Бэкон считал, что, найдя форму, образующую свойства золота, и прилагая ее к серебру, можно превратить его в чистое золото, и поэтому Орден розенкрейцеров никогда не нуждался в деньгах.

Жизнь и смерть Бэкона окружены тайной. Утверждают, будто он был сыном английской королевы Елизаветы и графа Лейстера, что в своей известной книге «Новая Атлантида» он воплотил идеалы розенкрейцеров и воспроизвел их символы (солнце, луна, звезда, дуб и угломер), что смерть его в 1626 году была очередной мистификацией, а в действительности он благополучно прожил, руководя Орденом, еще сорок один год, скрываясь от любопытных глаз в тайном убежище розенкрейцеров...

В то, что Френсис Бэкон дожил до 106 лет, верят многие. Но самое забавное заключается в том, что эта легенда обосновывается двумя достоверными обстоятельствами:

1) Существует гравюра, на которой Бэкон изображен дряхлым столетним старцем, каким он отнюдь не был в 1626 году, который считается годом его смерти. Эта гравюра помещена в биографии Бэкона, изданной в 1645 году В. Мозером.

2) При вскрытии могилы Френсиса Бэкона в церкви святого Павла в Сен-Олбене останков императора Ордена розенкрейцеров не обнаружили. В могиле лежала свиная кукла...

Бэкон говорил: «Поручаю свое имя и память о себе милосердному суду людей, чужим народам и будущим векам». И еще он говорил, что калека, который идет верной дорогой, может обогнать рысака, если тот бежит не той дорогой. Более того, чем быстрее бежит рысак, раз сбившийся с пути, тем дальше оставит его за собой калека...

На святой Руси по этому поводу говорят значительно проще: тише едешь — дальше будешь. А дураков на наш век хватит — и кляч, и инокоцев, сохрани и приумножь их, господаи!»

Юрберг усмехнулся: он умел ценить юмор. Хотя следовало признать, что у Ковильяна был все-таки юмор мещеника, а не порядочного человека. Впрочем,

быть порядочным человеком для агента секретной службы вовсе не обязательно. В этом Юрберг убедился довольно давно.

Помимо блокнота, в портфеле находились счета, каталоги частных коллекций живописи и скульптуры, любовная записка от некоей Аннет, пачка порнографических фотографий — высшего качества, отметил Юрберг, — и несколько визитных карточек. Среди них — Юрберг не поверил своим глазам — визитная карточка Алистера Краули, того самого Краули, который стал с некоторых пор приятелем хранителя картинной галереи портретов знаменитых масонов Сивара Йергенсона.

Визитная карточка Краули, на двух языках — английском и немецком, была загнута с правой стороны по всей своей ширине. В ее левом нижнем углу карандашом были написаны две буквы латинского алфавита: «р» и «г». На общепринятом языке визитных карточек это значило, что Краули, не нанося визита некоему господину (видимо, Ковильяну, поскольку карточка оказалась все-таки у него), лично завез ему свою визитную карточку и за что-то благодарит его.

Таким образом, очень было похоже на то, что Ковильян знал Краули еще по Афинам, Москве или Берлину, где оказал ему какую-то услугу (р. г.). А если так, то совсем не исключено, что именно через него он и вышел на Сивара Йергенсона.

Ковильян — Краули — Йергенсон. Свообразный триумвират, ничего не скажешь. Юрберг вспомнил давний рассказ о полицейском, который, обнаружив на своем участке труп убитого, аккуратно перенес его на соседнюю улицу, за которую уже отвечал не он, а его коллега. Если бы Юрберг мог перенести эту троицу из Стокгольма в Гаагу или Христианию, он бы вздохнул полной грудью. Но, видно, тут уж ничего не поделаешь: полицейская служба значительно легче, хотя, конечно, в каждой службе свои трудности...

Итак, три совсем разных человека. Но у всех троих имелось нечто общее.

Сивар Йергенсон был не только хранителем картинной галереи. Он занимался историей тайных обществ, а возможно, не только историей.

Алистер Краули, насколько Юрберг помнил, помимо сотрудничества с различными секретными службами, имел какое-то отношение к весьма таинственному и весьма мистическому Ордену золотой зари, который в свое время выделился из Ордена розенкрейцеров.

И наконец, этот прохвост Ковильян с его записями в блокноте о «великом пропроке» Нострадамусе, розенкрейцерах и их «императоре» Френсисе Бэкоме, писавшем вместо Шекспира пьесы, вместо Сервантеса — «Дон Кихота», а вместо Монтеня его «Опыты» и умершего через сорок лет после своей смерти.

Вот что связывает эту троицу: интерес к тайным союзам. Не исключено, что именно это и привело Ковильяна в Стокгольм. Совсем не исключено. Но чем все-таки вызван внезапный интерес циника

Ковильяна ко всей этой мистической чертовщине? Неужто немцы, явно проигрывающая войну, возлагают какую-то надежду на масонов? Рассчитывают на то, что масонские ложи, если удастся привлечь их на свою сторону, помогут убрать с ключевых политических постов таких злейших врагов Германии, как Клемансо, Ллойд Джордж или Вильсон? Чушь. В Берлине достаточно много умных людей, которые прекрасно понимают, что масонство — это детская игра для взрослых. Но, с другой стороны, ведь немцы всегда переоценивали значение масонов и в международной, и во внутренней политике. Им всюду мерещились масонские заговоры против Германии.

Вильгельм II, кажется, искренне был убежден в том, что мировая война — это результат козней всемирного масонства, которое через русских масонов — Витте, Сазонова, Извольского и других — посоросило его с русским кузеном Николаем II.

А Людендорф? Насколько было известно Юрбергу, он недавно в узком кругу вполне серьезно высказал мысль о том, что масоны с помощью изобретенного ими лозунга «Свобода, равенство и братство» хотят поработить немецкий народ, истребив в нем зов крови и национальные чувства. И тот же Людендорф, чтобы оправдать военные неудачи немцев, заявил, что масоны похитили и передали Англии секреты германского генерального штаба.

Во все это, конечно, могут поверить только полные идиоты, или... просто идиоты, предчувствующие приближение неизбежной катастрофы.

Неужто дела немцев настолько плохи? Утопающий хватается за соломинку, а проигравший войну — за масонство?

А может он, Юрберг, все-таки ошибается, и Ковильян прибыл в Стокгольм совсем по иному поводу?

Уравнение со многими неизвестными решению явно не поддавалось...

Юрберг встал из-за стола, разминая затекшие ноги, подошел к зашторенному окну, вновь вернулся к столу, на котором Тегнер быстрыми и точными движениями укладывал обратно в портфель вынутые из него документы.

— Вам приходилось видеть Ковильяна? — спросил Юрберг.

— Да, господин капитан.

— В его прошлый приезд?

— И тогда, и сейчас.

— Какое же впечатление он на вас произвел?

— Никакого, господин капитан.

— Но как он выглядел?

— Затрудняюсь ответить что-либо определенное. Ничем не примечательная внешность. Человек из толпы. Разве что глаза... Такие... с азиатчинкой. Ну, и уши, пожалуй...

— Уши? — заинтересовался Юрберг.

— Да, уши.

— Что же в них особенного?

— Мясистые и красные. Такое впечатление, что их только что надрали.

Юрберг засмеялся.

— Красные, говорите? Может, он стыдится своей профессии?
 — Сомневаюсь. Я вообще сомневаюсь, что он может чего-либо стыдиться.
 — Сто крон против одного эре?
 Тегнер улыбнулся.
 — В этом пари я бы не проиграл.
 — Вполне возможно, — согласился Юрберг и спросил: — А где сейчас находится ваш поднадзорный?
 — Он заказал столик на двоих в зимнем саду ресторана «Bon appetit».
 — Ковильян там вместе с Йергенсоном?
 — Почти уверен в этом. Похоже, Ковильян очень заинтересован в Йергенсо-не...

...Ковильян с Йергенсоном сидели за столиком под аркой, образованной вьющимися растениями, и на светлом фоне английского газового камина были хорошо видны агенту, который вел за ними наблюдение. Но слышать, о чем они между собой говорят, агент не мог — между ним и собеседниками было слишком большое расстояние, а Ковильян и Йергенсон совсем не стремились сделать свою беседу достоянием посторонних. Все происходило, как в синематографе: жестикуляция, мимика и... полное отсутствие звука. Вины агента здесь не было: он выбрал самый ближайший столик. Увы, владельцы ресторана, располагая в зимнем саду столы, совсем не думали об удобствах для спецслужб.

Филер, высокий костлявый старик с почтенной внешностью отставного полковника, доживающего свой долгий век на пенсии, прикурил от восковой спички папиросу и тоскливо посмотрел в сторону порученных его опеке фигурантов. Те продолжали о чем-то говорить. Их весело и стремительно обслуживал круглолицый гарсон.

В «Bon appetit», как и в других первосортных стокахольмских ресторанах, большинство официантов, официанток и бар-

ИВБ

менов—хотели того их хозяева или нет—постоянно и неизменно оказывали различные деликатные услуги криминальной полиции, отделу надзора над иностранцами или ведомству капитана Юрберга. Такова была давняя и добрая традиция. Но гарсон, обслуживающий фигурантов, в это большинство, как тотчас же определил филер, явно не входил.

Между тем за соседним столиком о чем-то оживленно говорили, похоже, даже спорили. О чем? Он мог расслышать только отдельные слова: «спекуляция», «князь Юсупов», «взаимоприемлемо», «Толстой», «террор», «перстень Люцифера», «обстановка», «противостояние»...

А на круглом лице гарсона не промелькнуло ничего, что могло бы свидетельствовать хоть о малейшем интересе к темам, которые так волновали его сегодняшних клиентов. Нет, он не был просто идиотом. Он был законченным идиотом. Безнадежным. Такие к концу жизни не приобретают даже самого мизерного кафе, а довольствуются одним лишь геммороем и кучей сопливых звуков. И эти звуки понимают, что от дедушки можно ждать всего, кроме наследства.

Гарсон с круглым лицом принес кофе, ликер, сыр, сигары и тут же исчез, словно растворился в воздухе.

— Господин Краули, конечно, большой филантроп, — громко и раздраженно сказал соотечественник филера и покопался на украшавший каминную доску голубой флажок с желтым крестом, словно призывая национальный флаг Швеции засвидетельствовать сказанное. — Но он почему-то признает филантропию только за чужой счет.

Собеседник что-то успокаивающе ответил ему вполголоса.

— Нет! — затряс головой тот, кто говорил о филантропии за чужой счет какого-то Краули. — Это меня не убеждает!

Да, когда обмениваются мыслями о каких-либо пустяках, так не горячатся, тем более в ресторане. Эта беседа, судя по всему, стоила никак не меньше тысячи кров. Целое состояние!

Но попробуйте что-либо разобрать, если соседний стол стоит так далеко от вашего, а вам уже не двадцать и даже не тридцать лет, а все шестьдесят пять. Увы, в таком возрасте редко кто может похвастаться острым слухом!

В проходе вновь мелькнула стройная фигура простодушного официанта. Его лицо лучилось доброжелательностью. Он, конечно, не догадывался, что проходит сейчас не мимо седого, ограниченного в средствах господина, решившего скоротать длинный осенний вечер в ресторане, а мимо своего счастья. И ведь не скажешь ему об этом, не намекнешь!

Старый филер настолько расстроился, что у него стало колотить в левом боку, там, где полагалось находиться сердце.

О господи!

В тот вечер он выкурил на две папиросы больше обычного и докурил их не до половины, а почти что до мушкетера.

В довершение ко всему он проявил непростительную для опытного агента не-

ловкость, упустив фигурантов. Они ускользнули перед самым его носом на подъехавшем к ресторану такси. Агент, правда, успел запомнить номер авто, но все равно это было грубейшей ошибкой, за которую расплачивались увольнением.

Долго ворочался в своей постели, прежде чем уснуть, агент из ведомства капитана Юрберга.

Но если бы он мог узнать о событиях, которые произошли ночью в Стокгольме, он бы вообще не уснул.

Во-первых, в ту ночь таинственно исчезли оба фигуранта, порученные заботам старого филера. А во-вторых...

Как позднее выяснил помощник капитана Юрберга лейтенант Тегнер, круглицей официант, который обслуживал в «Воп appetit» Ковильяна и Йергенсона, отнюдь не был тем безнадежным идиотом, каким он представлялся филеру. По мнению метрдотеля, это был весьма смысленный малый, которому не занимать ни ловкости, ни сообразительности. Не страдал Визельгрэн — так звали гарсона — и плохим слухом. Во всяком случае суть происшедшего в ресторане разговора между Ковильяном и Йергенсоном была довольно точно передана им его русскому квартирному — Ивану Водозову, которому Визельгрэн вот уже четыре месяца сдавал комнату с пансионом.

Но все эти весьма немаловажные сведения, как уже указывалось, лейтенант Тегнер получил позднее.

А под утро, к тому времени, когда старый филер уже спал, похрапывая и опираясь ногами в остывшую грелку, Тегнеру сообщили, что его беспокойный подопечный рассчитался в гостинице и, похоже, готов немедленно покинуть пределы Швеции.

Подобная поспешность всегда настораживает. И тем не менее новость была приятной: Ковильян и так засиделся в Стокгольме.

Но где же его напарник?

Это Тегнер узнал спустя десять часов после отплытия Ковильяна в Гамбург, когда в Нормальме из озера Меларен был извлечен баграми труп некоего господина 45—50 лет. Утопленником оказался Сивар Йергенсон, хранитель картинной галереи портретов знаменитых масонов, тот самый Йергенсон, который уже давно мозолил глаза шведской контрразведке и имел излишне обширные и слишком разносторонние связи.

Человеку с такими связями, по мнению Тегнера, было просто противопоказано гулять ночью в одиночестве по набережной столь обширного и глубокого озера. Правда, похоже, что Йергенсон прогуливался не один, а в обществе другого господина — с чешским именем, португальской фамилией и датским паспортом. Но это предстояло еще доказать. Жаль, конечно, что из озера извлекли лишь один труп. Но тут уж ничего не поделаешь: напарник Йергенсона не утонул и не мог утонуть. Ибо, как твердо был убежден Тегнер, тот, кому суждено быть повешенным, никогда не утонет.

III

«НАРУЖНЫЙ осмотр трупа показал... Бледные кожные покровы... гусиная кожа... красный цвет трупных пятен... вокруг отверстий рта и носа розовато-белая мелкопузырчатая пена. Хорошо выраженная мацерация кожи на верхних и нижних конечностях...

...При лабораторных исследованиях на предмет выявления фитопланктона в крови, паренхиматозных органах, костном мозге длинных трубчатых костей было взято по сто граммов печени погибшего, его мозга, почек и костного мозга, которые после измельчения...» Юрбергу дочитал до конца судебно-медицинский протокол. Из него следовало, что непосредственной причиной смерти Сивара Йергенсона было утопление. Вот и чудесно! Что может быть лучше несчастного случая? Покойник, например, мог захотеть ночью поплавать... Неубедительно? Еще как убедительно! Почему, спрашивается, ему не могла прийти в голову такая фантазия после нескольких бутылок вина, выпитых в этом французском ресторанчике? Недаром говорят, что пьяному море по колено. А озеро Меларен не море. Оно пьяному даже не по колено, а по щиколотку. Не подходит этот вариант — пожалуйста, другой: просто свалился в воду. Гулял пьяный по набережной и упал в озеро. Какой с пьяного спрос? Куда хотел, туда и свалился. Швеция, черт побери, демократическое государство. Каждый подданный шведского короля — и в пьяном, и в трезвом виде — имеет законное право распоряжаться своей жизнью, как ему заблагорассудится. Все в его власти. Он может стать миллионером, утопленником или же, если полный дурак, то и полицейским врачом.

Да, более подходящую версию, чем несчастный случай, не придумаешь.

Она, по мнению Юрберга, должна была устроить всех, в том числе и покойника. А почему бы и нет? В конце концов, хранитель картинной галереи был, пусть и плохим, но христианином, а христианину не положено таить зла на врагов своих. Да и был ли Ковильян врагом Йергенсона? Вряд ли. Похоже даже, что они испытывали друг к другу нечто вроде симпатии. И если все-таки Ковильян оглушил и сбросил Йергенсона в озеро (факты, которыми располагала контрразведка, не оставляла на этот счет никаких сомнений), то это объяснялось не враждой, а естественным чувством служебного долга. Видимо, Йергенсон чем-то помешал немецкой, французской или иной разведке, которой теперь оказывает услуги бывший русский. А Ковильян всегда честно отработывал полученные им деньги, вне зависимости от того, были ли это немецкие марки, французские франки или американские доллары. Отправляя Йергенсона в лучший мир, он наверняка не испытывал к нему недобрых чувств, а может быть, даже скорбел в глубине души, что вынужден

убивать столь симпатичного и милого ему человека.

Несчастный случай представлялся Юрбергу самой идеальной версией, тем более что Ковильян находился теперь далеко и арестовать его шведские власти при всем своем желании уже не могли. Зачем же создавать трудности полиции, контрразведке и подбрасывать дурно пахнущую сенсацию вездесущим репортерам? Как говорят русские? Не следует хозяевам самим выносить сор из собственного дома. Это и так сделает их прислуга.

Юрбергу положил акт полицейского врача на стол. Тщательно вытер носовым платком пальцы, которые только что держали эти исписанные мерзкими фиолетовыми чернилами листы дешевой шероховатой бумаги.

— Итак, господин...

— Барк, — поспешно подсказал судебный медик.

— Итак, господин Барк, вы считаете, что произошел несчастный случай, утопление? — Юрбергу увидел боковым зрением, что полицейский комиссар отошел от окна, перед которым он стоял, и одобрительно мотнул своей узкой и носатой, как у шотландской овчарки, головой. В этом вопросе у контрразведки и полиции было полное и молчаливое взаимопонимание.

— Я бы так не сказал, господин капитан... — замаялся Барк.

— Вон как? — немного преувеличенно удивился Юрбергу.

— Я отмечал в акте травму в области затылка...

— Помню.

— Так вот, механизм ее возникновения...

— Но это повреждение вполне могло быть и посмертным, например от удара багром, когда труп извлекали из воды, — возразил Юрбергу. — Ведь вы, насколько я понял, высказываетесь по этому вопросу весьма предположительно, не так ли?

— Вы правы, — согласился врач. — Но в совокупности с другими обстоятельствами...

— Что вы конкретно имеете в виду?

— Трудно предположить, чтобы человек, даже в сильной степени алкогольного опьянения, решил вдруг ночью в одежде поплавать по озеру. Еще трудней представить, что его уговорило свалиться в воду и тут же утонуть. Ведь ему для этого следовало вначале вскарабкаться на парапет.

— А вы часто пьянствуете, господин Барк?

Полицейский врач был явно шокирован.

— Я член общества трезвости и за последние двадцать лет ни разу не прикоснулся даже к пиву.

Юрбергу улыбнулся.

— Горжусь знакомством с вами, господин Барк. Это поистине прекрасно — прожить жизнь с незатемненным сознанием. На вашей стороне все преимущества... кроме одного: вам трудно проникнуть в психологию пьяницы.

— Вы хотите сказать, господин капитан, что покойный был горьким пьяницей?

— Увы.

Полицейский комиссар, кажется, понял, что пришло время и ему внести свою лепту в версию о несчастном случае или самоубийстве, что тоже, хотя и в меньшей степени, устраивало полицию. Он кашлянул и бесстрастно сказал:

— На допросе горничная покойного Биргитта Рюдбек показала, что в состоянии алкогольного опьянения господин Йергенсон был способен на самые эксцентричные поступки. В июле прошлого года, например, его задержали в голом виде на улице и с помощью полицейского отправили домой.

Врач был потрясен.

— В голом виде?

— В абсолютно голом, — заверил комиссар с брезгливой гримасой. — На нем были только шелковые носки и лакированные штилеты. Ну и цилиндр на голове...

Похоже, что шелковые носки и лакированные штилеты в совокупности с цилиндром окончательно подавили в члене общества трезвости всякую способность к сопротивлению. Человек, который появился на улице только в носках и штилетах, водрузив на голову цилиндр, был способен на все.

Юрберг не был уверен в достоверности сведений, сообщенных комиссаром криминальной полиции. Более того, он был уверен в их недостоверности, так как всего два часа назад беседовал с Биргиттой Рюдбек, которая отзывалась о своем покойном хозяине как о человеке не чуждом радостям жизни, но знающем меру во всем, в том числе и в вине.

Но он не мог не отдать должного комиссару. Несмотря на поразительное сходство с шотландской овчаркой, тот был явно не глуп. В его маленькой голове хватало места для мыслей. Видно, он, Юрберг, недооценивал умственные способности полицейских чиновников, о тупости которых принято было рассказывать анекдоты. Впрочем, может быть, комиссар просто счастливое исключение. Но как бы то ни было, а версия о несчастном случае или, на худой конец, самоубийстве, что было, конечно, менее желательно и более хлопотливо, теперь превращалась из шаткой гипотезы в документально заверенную аксиому, ибо полицейский врач уже потянулся за ручкой, чтобы внести в свой акт соответствующие уточнения.

Итак, ко всеобщему удовлетворению, дело об убийстве по невыясненным мотивам Сивара Йергенсона агентом секретных служб ряда стран Честимиром Ковильяном, он же Вольдемар Корзухин, он же Иван Стрепетов, превратилось в восемь газетных строк, набранных пети́том, о несчастном случае, который произошел с господином Йергенсоном, мир праху его!

И Юрбергу казалось, что больше он никогда не вернется к этому скользкому и запутанному делу, теперь уже, слава богу, архивному. Но он к нему все-таки

вернулся, правда, ненадолго. И произошло это не через несколько лет, а ровно через день после весьма скромных похорон несчастного Сивара Йергенсона, которого во имя спокойствия стокгольмской полиции и шведской контрразведки безвинно превратил в горького пьяницу и заставил нагишом бегать по улицам, оставив ему лишь носки, штилеты и цилиндр.

В тот день вошедший в кабинет Юрберга лейтенант Тегнер торжественно положил на стол шефа перлюстрированное письмо, адресованное в Петроград, как русские с 1914 года официально именовали Петербург.

По лицу Тегнера легко было догадаться, что это не просто одно из пятидесяти или шестидесяти писем, которые ежемесячно перлюстрировались специальным сотрудником отдела надзора за иностранцами, а нечто, представляющее собой особый, если не исключительный интерес для капитана Юрберга.

Письмо предназначалось некоему Решетняку и было написано по-русски.

Тегнер достал из папки перепечатанный на пишущей машинке шведский перевод и протянул его капитану. В ответ на вопросительный взгляд Юрберга сказал:

— Своего рода комментарий к убийству Йергенсона.

— Как я понимаю, вы имеете в виду несчастный случай с господином Йергенсоном? — буркнул Юрберг, который считал, что каждая игра имеет свои правила и нарушать их никому не позволено.

Тегнер виновато щелкнул каблуками.

— Совершенно верно, господин капитан.

Юрберг взял листки перевода.

«Дорогой Володя, — читал капитан, — в силу стечения ряда обстоятельств я случайно стал обладателем сведений, представляющих, как ты поймешь, исключительную важность. Думаю, что о содержании моего письма следует сообщить в известность не только ВЧК, но и Совнарком Республики. Но ты в такого рода делах человек более опытный, чем я, тебе решать. А дело заключается в следующем...»

Дочитав до конца двенадцать страниц машинописного текста, Юрберг понял, что, назвав это письмо комментарием к убийству Йергенсона, Тегнер явно преуменьшал его значение. Новый документ, основанный на рассказе официанта, который обслуживал в зимнем саду популярного ресторана Йергенсона и Ковильяна, играл значительно более важную роль в этом деле. По существу, он подсказывал решение того самого уравнения со многими неизвестными, над которым напрасно бился все эти дни капитан Юрберг. Теперь было ясно, для чего Ковильян прибыл в Стокгольм, понятны его отношения с Йергенсоном, интерес к масонам и розенкрейцерам и возможные мотивы убийства хранителя картинной галереи.

Да, старик филер явно недооценил круглолицего гарсона. Как видно из письма, тот умел не только слушать, но и анализировать услышанное, делать из него со-

ответствующие выводы. Умница гарсон! Такой гарсон был бы не лишним и в шведской контрразведке. Во всяком случае лейтенанту Тегнеру было бы чему у него поучиться. Правда, гарсон, похоже, не продал, а безвозмездно уступил полученные им сведения, но бескорыстие все-таки не самый главный недостаток секретного сотрудника, хотя Юрберг и предпочитал иметь дело с людьми, которые умеют ценить свой труд и уважительно относятся к деньгам. Но это уже несколько из иной области.

Письмо было подписано Водовозовым. Иваном Водовозовым.

Что же связывало этого Водовозова с Визельгреном — так звали круглолицего гарсона?

Сейчас, конечно, это никакого значения не имело, но капитан понимал, что подобные сведения могут пригодиться завтра или послезавтра.

— Поздравляю и пророчу вам блестящую карьеру, Тегнер. Письмо просто великолепно.

Тегнер развел руками.

— Случайность, господин капитан.

— Счастливая случайность не каждого любит. У нее свои фавориты. Визельгрэн, разумеется, социал-демократ?

— Совершенно верно, господин капитан.

— Свобода, равенство и братство? Что ж, совсем неплохой лозунг, особенно если на практике он осуществляется в другой стране, например, в России... Но у нас демократия, и каждый швед выбирает пиво и партию по своему вкусу и усмотрению. Так что партийная принадлежность — личное дело Визельгрена. А что из себя представляет этот Водовозов?

Тегнер сказал, что в отделе надзора за иностранцами стокгольмской полиции автор письма числится среди нежелательных лиц, хотя ни в чем предосудительном замечен не был. Член партии эсеров, он после какого-то эксцесса эмигрировал из России во Францию. В Швеции, как значилось в досье, он оказался в марте 1917 года, как раз к тому времени, когда в Стокгольме лидером русских большевиков В. Лениным (Ульяновым) было создано Заграничное представительство ЦК РСДРП(б). Это представительство вскоре стало издавать «Русский бюллетень «Правды» на немецком и французском языках и журнал «Вестник русской революции».

Водовозов, по рекомендации то ли Карла Радека, то ли кого-то еще из руководителей Заграничного представительства ЦК РСДРП(б) в Стокгольме, был зачислен метранпажем в типографию, которая печатала эти издания.

Рабочие типографии обычно обедали в находившейся поблизости кухмистерской, где служил в то время кельнером Визельгрэн. Тогда-то круглолицый официант и познакомился, а затем подружился с этим русским, который с января 1918 года снимает у него комнату с полным пансионом. Водовозов одинок, нелюдим, политической деятельностью не занимается, никаких контактов с представителем большевиков в скандинавских стра-

нах Вацлавом Воровским не имеет. Последнее подтверждалось и самим письмом Водовозова. «Можно было бы, конечно, обратиться и к Воровскому, — писал он, — но, во-первых, насколько мне известно, Воровский сейчас находится в Норвегии, а дело не терпит отлагательства, а во-вторых, я с ним не знаком и не имею никакого желания знакомиться. К большевикам у меня отношение прежнее: октябрьский переворот я считал и считаю авантюрой, так что на этот счет ты не заблуждайся. Но сведения, которые я тебе сообщаю, затрагивают не столько их интересы, сколько интересы России. Правительства ж, как известно, приходят и уходят, а Россия остается».

— Насколько я понял, господин Водовозов не поддерживает постоянную переписку со своим адресатом? — спросил Юрберг.

— В отделе надзора за иностранцами уверяют, что в текущем году это первое письмо, отправленное Водовозовым в Петербург.

— А об адресате господина Водовозова имеются какие-либо сведения?

— Никаких, — покачал головой Тегнер. — Правда, из письма Водовозова следует, что они вместе находились в эмиграции во Франции и что господин Решетняк большевик...

Что следовало из письма, Юрберг знал не хуже своего подчиненного.

— Если господину капитану угодно, я побеседую с Водовозовым, — предложил Тегнер.

— О чем? — удивился Юрберг. — Я надеюсь, что мне не нужно вам объяснять, что в Швеции, слава богу, существует тайна переписки и она свято соблюдается всеми государственными чиновниками.

Тегнер улыбнулся и наклонил голову.

— Вы, как всегда, правы, господин капитан. Прикажете приобщить письмо к досье на Ковильяна?

— Вы меня сегодня удивляете своей забывчивостью, — сказал Юрберг. — То вы забыли о существующей в нашей стране тайне переписки, то запаматовали, что шведское почтовое ведомство — лучшее в Европе. У нас, Тегнер, письма никогда не исчезают. Их всегда быстро и аккуратно доставляют адресатам. И я надеюсь, что это письмо не станет печальным исключением из этого прекрасного правила. Пусть у господина Водовозова и его адресата не будет никаких претензий ни к шведской почте, ни к нам с вами.

— Вы хотите, господин капитан, чтобы ВЧК получила сведения о Ковильяне?

— Нет. Я хочу лишь одного: чтобы шведская почта не ударила лицом в грязь, — объяснил Юрберг. — Что же касается взаимоотношений нашего друга Ковильяна с русскими большевиками, то это их дело. Вас же я попрошу помочь шведской почте отстоять свое реноме в тяжелых условиях мировой войны.

— Я не пожалел для этого никаких усилий, — заверил капитана Тегнер.

— Пожалуйста, господин лейтенант. Я и шведская почта рассчитывают на вашу энергию, патриотизм и изобретательность. Письмо господина Водовозова должно быть доставлено в Петербург так же быстро, как и в мирное время, — сказал Юрберг. А когда лейтенант, щелкнув каблуками, направился к двери, начальник контрразведки остановил его: — Простите, Тегнер, вы, случайно, не знаете — большевики вешают или расстреливают?

— Расстреливают, господин капитан.

— Жаль, — огорчился Юрберг. — Я предрек Ковильяну быть повешенным. Выходит, я ошибся.

IV

ИЗ ВСЕХ городов, в которых ему привелось бывать, Ковильян отдавал предпочтение Берлину — неброскому, подтантовому, дисциплинированному. Городу-солдату, который как бы застыл в марше с поднятой и вытянутой вперед ногой — раз-два, левой!

Авантюрист по натуре, Ковильян, как это ни покажется парадоксальным, любил порядок. Порядок всегда действовал на него успокаивающе. И теперь, после маленького стокогольмского приключения, ему не мешало бы немного передохнуть, учитывая предстоящую поездку в Россию.

Но, увы, на этот раз Берлин не оказал на него благотворного воздействия — наоборот, вызывал смутное беспокойство, раздражал. Здесь на всем лежала печать обреченности. Что ж, этого следовало ожидать. Уже в начале сентября по Берлину ползли упорные слухи о готовящемся наступлении войск Антанты по всему фронту. И вот оно началось.

Мрачно смотрели на лысеющие осенние деревья стоящие вдоль аллеи Победы в Тиргартене мраморные бранденбургские маркграфы и прусские короли.

Обезлюдели торговая Лейпцигерштрассе с ее роскошными универсальными магазинами Вертгейма и Гица и бойкая Кенингштрассе с величественными зданиями Ратуши и Окружного суда. Даже Унтер ден Линден, излюбленное место гуляния берлинцев, и та выглядела пустынной. В этот серый осенний день здесь было тоскливо и тихо. Только шелест последних листьев на ветвях столетних лип, четырьмя рядами прорезающих улицу, всхлипывающие гудки редких автомобилей да скрип тележек, на которых катились по тротуару обрубки искалеченных на войне солдат. В отличие от берлинцев, которым удалось сохранить ноги, обрубки двигались с такой стремительной поспешностью, словно больше всего в жизни опасались куда-то опоздать.

Пропуская вперед очередную тележку, Ковильян слегка придержал за локоть своего спутника. Тот, сверкнув мобильком, брезгливо посмотрел сверху вниз на тележку.

— Биттё, биттё.

У него было круглое розовое лицо и воинственно вздернутые вверх усы а-ля кайзер Вильгельм. По цвету физиономии и по небольшому плотному брюшку нетрудно было догадаться, что он, конечно, не фронтовик, а тем более не живет постоянно в Берлине. И те, и другие, то есть берлинцы и фронтовики, отличались землистыми лицами и тощими фигурами. А такие упитанные мужчины чаще всего встречались среди тех, кто служил фатерланду на тучной Украине, откуда в Германию прибывали эшелоны с удовольствием, где немецких солдат не травил газами, не разрывали на куски артиллерийскими снарядами, не давили танками, не кололи штыками, а давали возможность досыта наестся мяса и сала.

И действительно, хотя человек, который шел сейчас рядом с Ковильяном по Унтер ден Линден, был в штатском, он тем не менее служил в германских оккупационных войсках и приехал по интендантским делам в Берлин из Киева.

Обер-лейтенант Штуббер, до войны историк, познакомился с господином Ланге — так в то время именовался Ковильян — здесь, в Берлине, в феврале 1918 года, когда они оба были включены в некую группу, которая занималась подготовкой вопроса о «кассельских картинах». Надо сказать, что Наполеон увез из Германии не только богиню Победы с Бранденбургских ворот. Доблестный корсиканец, считавший грабеж основным законом военного времени, основательно почистил и знаменитую картинную галерею в городе Касселе, которую создал в первой половине XVIII века ландграф Вильгельм VIII. Восемь кассельских картин украсили Мельмезон — загородный увеселительный замок Жозефины Бонапарт, расположенный в 6 верстах от Парижа. После падения Наполеона благоразумная Жозефина сочла за благо избавиться от кассельских картин и продала их русскому императору Александру I за миллион франков. Когда ландграф предъявил свои права на эти картины, Александр I заявил, что готов тотчас же вернуть ему все купленные у Жозефины полотна, если тот компенсирует русской короне понесенные ею расходы. Ландграф не смог выполнить этого условия, на том дело и кончилось. А в 1918 году, когда велись с большевиками брестские переговоры, берлинский Кайзер-Фридрих Музеум решил втиснуть в число вопросов, подлежащих обсуждению, и вопрос о возвращении Германии этих картин. Но немецких любителей живописи здесь ждало разочарование. Оказалось, что большевиков не так-то просто обвести вокруг пальца. Они неплохо знали подробности тех давних событий, разбирались в юриспруденции и умели работать с архивными документами.

Какое ведомство тогда представлял в комиссии господин Ланге, Штуббер так и не понял. Но то, что это было какое-то весьма неприятное ведомство, что-то вроде тайной полиции, сомнений у него не вызывало.

В господине Ланге все было неприятным и страшным: вкрадчивый голос, ласковая улыбка, скользкая бесшумная походка, но особенно — пристальный взгляд липких черных глаз, каких-то странных, не европейских, разбойничьих. Люди с такими глазами зарежут — и не поморщатся. С такими глазами только в палачах служить.

И вот теперь Ланге разыскал его в Берлине и назначил эту встречу. Для чего? Что между ними общего? Что ему надо от скромного обер-лейтенанта, приехавшего на две недели в Берлин? А ведь что-то надо...

Штуббер не любил полицию. Полицейские ищейки, по его убеждению, вместо того, чтобы искать преступников, всегда выискивали себе поживу. А уж этот Ланге...

Кругом воры, кругом жулики! Штуббер не выносил жуликов. Себя он считал честным и добропорядочным человеком. И для этого у него были все основания: он в поте лица зарабатывал хлеб насущный, аккуратно ходил в кирку, шнапс и пиво пил достаточно умеренно, любил жену, заботился о детях. И все же... Что ни говори, а некоторые основания побиваются полицией у него были. Да и кто в Германии, кроме кайзера Вилгельма, не боится полиции? Все грешны, все. Были, конечно, кое-какие грешки и у него. Еще бы, как-никак, а обер-лейтенант занимался на Украине не игрой в солдатики — айн-цвай-драй-фир! — а учётом и отправкой продовольствия. Через его руки проходили тысячи пудов сала, муки, сахара. А кто не знает, что такое продовольствие в тяжелое военное время? Кто тут удержится от соблазна? Нет, он, разумеется, не крал. Но иногда, допустим, сквозь пальцы смотрел на неблагоприятные действия своих подчиненных и принимал от них подарки. Порой сам участвовал в некоторых, если подходить формально, не совсем законных сделках. Всякое случалось. Ну и что? Жизнь — это жизнь. И было бы, конечно, очень обидно в самом конце войны оказаться под следствием. И главное — за что? Кому плохо от того, что он, Штуббер, склбдтил на Украине небольшое состояние?

И вот, пожалуйста...

А может быть, этот проклятый Ланге вынюхивает что-то другое, например то, как его, Штуббера, сын оказался непригодным по состоянию здоровья к службе в армии? Ведь могли и до этого докопаться. С них станется.

А может быть?.. Голова обер-лейтенанта Штуббера шла кругом.

По Унтер ден Линден они молча дошли до площади Оперы и, обойдя здание университета с анатомическим театром, оказались на уютной Гегелевской площади, посреди которой возвышался громадный бюст знаменитого философа.

Ковильян показал Штубберу рукой на небольшую каштановую рощицу, ограждавшую с одной стороны площадь.

Пройдя не больше десяти шагов по узкой аллее, они остановились у скамьи,

грузно осевшей в рыхлую землю, присыпанную желтыми и бурными листьями.

— Если не возражаете, мой молчаливый друг, — сказал Ковильян, — то давайте немного посидим. В отличие от вас, который победоносно прошёл с нашими доблестными войсками пол-России, я долго ходить не приучен, ноги устали. В былые годы это была моя самая любимая скамейка в Берлине. Здесь мне приходили в голову наиболее умные мысли.

Штуббер провел ладонью по скамье. Она была влажной. Обер-лейтенант шумно вздохнул, достал из бокового кармана пиджака газету, аккуратно развернул ее, расстелил, разгладил морщинки и только после этого сел.

Наблюдавший за ним Ковильян усмехнулся:

— Bravo, обер-лейтенант, вы просто великолепны! Знаете, о чем я сейчас подумал? Маленький народ никогда не погибнет. И знаете, что его спасет? Предусмотрительность. В его карманах всегда окажется то, что может потребоваться при самых неожиданных обстоятельствах.

Штуббер изобразил улыбку, достал из кармана еще одну газету и протянул ее Ковильяну.

— Вы неподражаемы, мой друг!

Ковильян небрежно бросил предложенную ему газету на скамью и сел рядом со Штуббером. Он источал благожелательность. Именно это больше всего и пугало обер-лейтенанта.

— Так чем же я могу быть вам полезен, господин Ланге?

— А разве вам не приятно просто так поблизеть со мной? — почти игриво спросил Ковильян.

— Приятно, но мне показалось, что встреча носит деловой характер. Разве я ошибаюсь?

— Всею свое время, мой друг.

Сквозь плотную вату туч пробилось робкое солныце. Его узкий луч осторожно пополз по жухлой траве и поспешно спрятался в куче бурых листьев. По аллее прошли двое буршей. Они о чем-то оживленно говорили.

— Вы давно были в Кагарлыке? — ласково спросил Ковильян, и обер-лейтенант Штуббер почувствовал, как его сердце оборвалось и стремительно покатило куда-то вниз. Да, этот подлец Ланге знал свое дело. Именно из той большой партии сахара, которую обер-лейтенант вывозил в прошлом месяце с Кагарлыкского сахарного завода, около ста пудов так и не доехали до Киева, а загадочно исчезли в пути.

— Кагарлык?

— Да, мой друг.

Обер-лейтенант Штуббер никогда не отличался бойкостью ума, поэтому он не нашел ничего лучшего, как собрать в пучок морщины на лбу и развести руками.

— Вы знаете, господин Ланге, украинские названия слишком трудны для европейца, а мне слишком часто прихо-

дится бывать в разных дырах... Кагарлык... Где же он, простите, находится?

— Недалеко от Киева.

— Да, да, действительно... что-то припоминаю.

— В Кагарлыке находится большой сахарный завод, принадлежащий графу Толстому, — любезно объяснил Ковильян. — И там же имение графа.

— Кагарлык, говорите?

— Вот именно, — подтвердил Ковильян, которому толстяк с моноклом уже основательно надоел. — И не пытайтесь делать из меня идиота, господин обер-лейтенант. — Черные дьявольские глаза насквозь прожигали Штуббера. — Вы систематически бываете в Кагарлыке, откуда вывозите сахар.

— Вывожу сахар? — пролепетал Штуббер.

Ковильян молча смотрел на него.

— Извините, господин Ланге, я мог забыть.

— Не думаю, что у вас такая короткая память, — жестко сказал Ковильян. — Если вы о чем и забывали, гостя у графа Толстого в Кагарлыке, так только о своей офицерской чести.

— Господин Ланге! Я попрошу вас!.. — жалко вскинулся Штуббер, обливаясь потом и не сводя испуганных глаз с лица своего мучителя.

— Ладно, ладно, — небрежно махнул рукой Ковильян. — Только не изображайте, пожалуйста, невинность, это у вас слишком плохо получается, гораздо хуже, чем махинации с сахаром.

— Я никакими махинациями не занимался, — прохрипел Штуббер, уже чувствуя под собой не садовую скамью, а жесткую скамью подсудимых.

— Зачем же отрицать очевидное, мой друг? Это неразумно, — ласково сказал Ковильян. — К моему глубочайшему сожалению, вы весьма часто действовали крайне неосмотрительно. И боюсь, что военно-полевой суд не учел бы обстоятельств, смягчающих вашу вину. Судьи чаще всего формалисты и учитывают только факты. Но вы знаете, как я к вам хорошо отношусь. Ведь знаете?

— Знаю, — промямлил Штуббер.

— Вот и прекрасно, что знаете. Я не сделаю вам ничего плохого, если, понятно, вы меня к этому не вынудите. Вы меня не вынудите?

— Помилуйте, господин Ланге!

— Тогда давайте поговорим с вами, как друзья. Ведь мы друзья, не правда ли? Ваша офицерская честь меня не интересует. Можете делать с ней все, что пожелаете. То же относится и к вашему не совсем законным операциям с салом и сахаром. Это ваше личное дело, мой друг. Ваш счет в банке тоже не представляет для меня особого интереса, хотя, согласитесь, что двадцать тысяч марок слишком крупная сумма для офицера, проливающего кровь за нашего любимого кайзера. Меня даже не интересует, почему ваш сын не в армии, когда цвет германской нации гибнет на полях сражения. Я не любопытен.

Обессиленный Штуббер откинулся на спинку скамьи. Пронесло или ему только показалось?

Похуже, что пронесло. Не оставь, господи!

— Что я должен сделать, господин Ланге?

— Об этом мы поговорим в Киеве, мой друг. Не надо спешить. А пока... Я вам перечислил то, что меня не интересует. А теперь я скажу, что меня интересует.

— Господин Ланге, все, что в моих силах!.. Все, что я могу... Не сомневайтесь, господин Ланге!

— А я и не сомневаюсь, мой друг, что вы жаждете мне помочь. Если бы у меня была хоть тень сомнения в этом, я бы проявил интерес ко всему тому, что меня сейчас оставило равнодушным, — улыбнулся Ковильян и поощрительно похлопал Штуббера по колену. — Итак, что вы можете рассказать мне любопытного о графе Дмитрие Ивановиче Толстом? Ведь вы в его доме свой человек, не так ли?

— Вы имеете в виду владельца Кагарлыкского сахарного завода? — переспросил Штуббер, постепенно приходя в себя.

— Разумеется его, а не писателя графа Толстого, о котором, как мне кажется, вы абсолютно ничего не можете рассказать. Но меня он интересует не как сахарозаводчик, а как бывший обер-церемониймейстер двора его величества и нынешний директор Императорского Эрмитажа, который с разрешения большевистского министра господина Луначарского прибыл на Украину в отпуск.

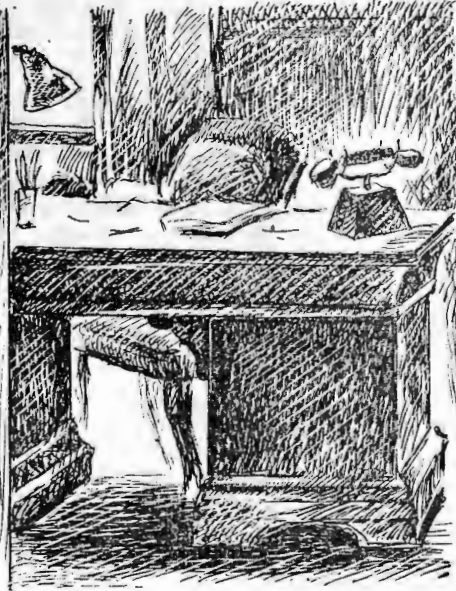
Ланге интересуется графом Толстым! Обер-лейтенант был удивлен. Он ожидал любого вопроса, но только не этого. Странно, очень странно. Какое дело этой ищейке до милейшего графа, который появился в Кагарлыке лишь в конце июля и совершенно не вмешивался в хозяйственные дела, оставляя их на полное усмотрение энергичной графини и своего управляющего, вороватого, но преданного?

Что Ланге до того, что граф был некогда обер-церемониймейстером двора этого несчастливого русского царя Николая II — прости ему господь его тяжелую вину перед Германией! — которого большевики расстреляли в Екатеринбурге?

Кто, наконец, сошел с ума — он, обер-лейтенант Штуббер, или эта сующая всюду свой нос полицейская ищейка?

Однако обер-лейтенант удивился бы еще больше, если бы узнал, что в тот же день и приблизительно в то же время похожий разговор состоялся в далеком Петрограде. Графом Толстым здесь интересовался не кто иной, как комиссар секретно-оперативной части Петроградской ЧК Леонид Яровой, в недалеком прошлом студент историко-филологического факультета Петроградского университета.

Впрочем, эти сведения удивили бы не только Штуббера, но и его собеседника — Вольдемара Корзухина, он же Честмир Ковильян, он же Генрих Ланге...

V

НАДО сказать, что шведская почта, направляемая умелой рукой лейтенанта Тегнера, не ударила лицом в грязь. Письмо из Стокгольма не только не затерялось в пути, что в то тревожное время нередко случалось с письмами, пересекающими границы государств, но домчалось в Петроград в рекордно короткие сроки.

В месте назначения с ним произошла некоторая заминка, так как Владимир Сергеевич Решетняк к тому времени уже месяц как находился на фронте. Но, вскрыв письмо, жена Решетняка быстро сообразила, кто должен стать подлинным адресатом сообщения из Стокгольма.

Письмо было передано в Петроградскую ЧК и в тот же день оказалось на столе ее председателя — Варвары Николаевны Яковлевой¹.

Яковлева дважды прочла его, сделала у себя в блокноте пометку и закурила. Курила она редко, но истово, глубоко вдыхая едкий густой дым папиросы. Табак помогал сконцентрировать мысли, сосредоточиться.

На вчерашнем совещании члзн коллегии Петроградской ЧК Максимов, говоря об ошибках в работе с агентурой, назвал комиссара секретно-оперативной части Петроградской ЧК Леонида Ярового ин-

¹ Яковлева В. Н. (1884—1941), член Коммунистической партии с 1904 г., участница революции 1905—1907 гг. В 1917 г. секретарь Московского областного бюро РСДРП(б). В марте 1918 чл. коллегии НКВД, с июля — чл. коллегии ВЧК. С сентября 18-го по январь 19-го председатель Петроградской ЧК. В дальнейшем занимала различные партийные и государственные посты. Делегат VII и X съездов РКП(б), чл. ВЦИК и ЦИК СССР. В 1937 г. репрессирована.

ЛАС

телигентом и фантазером. И то, и другое, по мнению Максимова, являлось для чекиста крайне предосудительным. Яковлева тогда сказала, что была бы счастлива, если бы слово «интеллигент» и слово «чекист» стали синонимами. Да и воображение чекисту не помеха, разумное воображение, разумеется, воображение, основанное на фактах. Что же касается фантазии... А ведь для того, чтобы, исходя из стокгольмского письма, подготовить соответствующую операцию, может понадобиться и фантазия. Более того, фантазия здесь просто необходима. Может быть, действительно поручить это дело Яровому?

А почему бы и нет? Интеллигент, историк, человек острого ума и богатого воображения. Правда, ему не хватает опыта. Но, может быть, и это к лучшему, ведь опыт порой мешает свежести восприятия той или иной ситуации, приводит к шаблонности мышления, к трафарету. А здесь требуется оригинальность, что ли...

Яковлева докуривала до мундштука папиросу и, когда в кабинет заглянул секретарь ЧК Бенин, попросила его пригласить Ярового.

Узкоплечий, нескладный, в пенсне и при галстуке, который в те времена презрительно именовался «гаврилкой», Яровой меньше всего походил на мужественного и мускулистого чекиста, облик которого уже формировался на страницах большевистских газет. И в рукопашной, и в перестрелках на такого надежд мало — хлюпик.

— Присаживайтесь, Леонид Николаевич, — пригласила Яковлева, которая помнила имя и отчество всех сотрудников Петроградской ЧК и никогда не называла их по фамилиям. Она помолчала, а затем, улыбнувшись, спросила:

— Что вы знаете о франкмасонах?

Яровой снял пенсне и растерянно развел руками.

— Только то, что о них пишут монархисты и черносотенцы — что масоны выступают против всякой власти, против семьи, патриотизма и являются организаторами всех революций, которые происходили в Англии, Франции, Германии и России. Ну что еще? Что мы, большевики, являемся передовым отрядом всемирного масонства.

Яковлева усмехнулась.

— Я так понимаю, что вы в студенческие годы читали Вермута и Штибера?!

— Только перелистывал.

— Ну что ж, теперь вам придется несколько углубить свои знания в этой области, — сказала Яковлева и вкратце познакомила его с содержанием полученного из Стокгольма письма.

— Да, любопытное дело.

¹ Имеется в виду книга «Коммунистические заговоры девятнадцатого столетия», изданная на немецком языке в Берлине в 1853—1854 гг., о которой Ф. Энгельс писал: «Живая, изобилующая сознательными подлогами стряпня двух подлейших полицейских негодяев нашего столетия» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — Т. 21. — С. 214).

— Весьма, — согласилась с ним Яковлева. — А как вы посмотрите, если это «любопытное дело» будет поручено вам?

— Буду рад, — просто сказал Яровой.

— Тогда считайте, что решение принято. Только хочу вас предупредить, Леонид Николаевич, что времени у нас с вами, к сожалению, в обрез. Этот Ковильяна-Корзухин может уже объявиться через неделю.

— Маловероятно, — сказал Яровой. — Для подготовки ему потребуется, как минимум, дней пятнадцать-двадцать.

Яковлева улыбнулась.

— Маловероятно, говорите? Советую очень осторожно относиться к этому слову. Что такое — маловероятно? Мой опыт свидетельствует, что то, что представляется маловероятным, случается на практике значительно чаще, чем вероятное. Лучше всего ориентироваться как раз на то, что кажется маловероятным — меньше неожиданностей. Ковильяна-Корзухина мы не знаем, но мне думается, что этот авантюрист не из тех, кто долго раскачивается. Нельзя давать ему возможность опередить нас.

— Это я понимаю, но нескольких лишних дней мне бы не помешало.

— Недели вам хватит?

— Если учесть, что в сутках двадцать четыре часа...

— Кто-то мне говорил, что все двадцать шесть... если вставать на два часа раньше, — пошутила Яковлева. — И еще. Относительно самой операции. Учтите, Леонид Николаевич, что ваша задача сводится не только к тому, чтобы арестовать Ковильяна-Корзухина и помешать ему исполнить задуманное. Это самое простое. Я надеюсь на большее.

Яровой не понял, и она объяснила:

— Его надо заставить помочь нам. При этом, конечно, совсем не обязательно, чтобы он догадывался, кому и в чем помогает. Он ни о чем не должен подозревать.

— То есть?

— Когда-то на охоте широко использовали хищных птиц, которые настигали добычу и когтили ее. Они, разумеется, считали, что это их добыча, но охотники неизменно вносили свои коррективы. Вот и превратите Ковильяна в такую ловчую птичку.

— Судя по письму, эта «птичка» весьма опытна и побывала в разных переделках.

— Тем интересней ваша задача. Разве не так?

— Так, конечно. Но вот как ее осуществить?

— А вот об этом вы мне доложите. И не позже чем через неделю. Я рассчитаю на вашу фантазию, Леонид Николаевич. Если вам в чем-то потребуется моя помощь — я к вашим услугам. В любое время суток. Операция, которая вам поручена, имеет исключительное значение. Это объяснять вам не надо. Желаю успехов!

Яковлева привстала из-за стола и протянула ему руку. Рука у нее была сильной, мужской.

465

Говоря лишь о подготовке операции, председатель Петроградской ЧК несколько лукавила. Прежде чем непосредственно заняться самой операцией, Яровому нужно было, восполняя пробелы письма, многое выяснить и уточнить.

Что из себя представляют Ковильян-Корзухин, Алистер Краули и хранитель картинной галереи знаменитых масонов Сивар Йергенсон, который погиб, видимо, не без участия Ковильяна-Корзухина? Загадками были и таинственный «перстень Люцифера», который дважды упоминался в письме, и странный интерес Ковильяна-Корзухина к одному из убийц Григория Распутина, князю Феликсу Юсупову.

Многое предстояло выяснить Яровому, слишком многое... Но куда уж теперь денешься? А время не ждало. На учете была каждая минута.

Говорят, что лучший способ научиться плавать — это просто прыгнуть в воду, желательно в самом глубоком месте. Если вы не уточете, то в считанные минуты, а то и секунды станете вполне приличным пловцом и больше никогда не будете бояться воды.

Яровой считал, что такая рискованная метода пригодна во всех случаях жизни, особенно когда поджимают сроки.

Он обложился книгами, среди которых почетное место заняли творение Вермута и Штибера, о котором говорила ему Яковлева, «Международное тайное правительство» Шмакова, «Мария-Антуанетта и масонский заговор» Дата и «Революция, подготовленная франкмасонством» де Ланной.

Кабинет же комиссара секретно-оперативной части, по определению его соседей, превратился в эти сумасшедшие дни, когда Яровой обучался «плаванию», в Ноев ковчег.

Действительно, кого там только не перебывало!

В большинстве случаев беседы с людьми оказывались, конечно, пустой тратой времени, но сведения, которые Яровой получил от некоторых своих собеседников, стоили многого. Так, бывший офицер русской контрразведки Кортун-Белозерский, сам того не подозревая, навел Ярового на мысль, которая легла в основу операции «Перстень Люцифера».

И Николай II, и его жена Александра Федоровна отличались исключительным суеверием и склонностью к мистицизму, хотя царица как-никак была гейдельбергским бакалавром философских наук, что являлось предметом ее гордости.

При царской чете постоянно подвизались различные маги, чародеи, юродивые, ясновидящие, кудесники, исцелители. Среди них: некая Дарья Осипова, стражник Антоний, ворожея Матрена-босоножка, юродивый Митя Козельский, черно-книжник француз Папюс и австрийский маг Шенк.

Но особое влияние (до появления Григория Распутина) на Николая и Александру имел некий месье Филипп, в котором, по мнению некоторых весьма авторитетных мистиков и оккультистов,

воплотился бессмертный дух великого Калиостро, то есть Филипп был воплощением графа Калиостро в новой эпохе. Следует сказать, что обновленный Калиостро был еще более сомнительной личностью, чем прежний. Лионский колбасник, затем фельдшер, он участвовал в различных мошеннических махинациях и преследовался французской полицией за шарлатанство. Более того, как впоследствии выяснилось, месье Филипп был судим.

Однако у него имелись и явные преимущества перед прешествником, закончившим свою жизнь в тюремной камере.

Как свидетельствует история, граф Калиостро в своем первом варианте предрек Людовику XVI и Марии-Антуанетте французскую революцию 1789—1793 годов, неисчислимые бедствия и их собственную гибель на эшафоте. А новое воплощение графа Калиостро в лице месье Филиппа обещало русскому самодержцу спокойное царствование, неизменную любовь народа и долгие, долгие годы благоденствия. Более того, Царица, как назло, рожала только дочерей и никак не могла подарить царю и России цесаревича. Калиостро в обличье месье Филиппа твердо и безоговорочно обещал помочь этому горю. У его величества будет наследник.

Месье Филиппа поселили рядом с царской спальней, чтобы ему легче было выполнить данное им обещание.

Царская чета доверяла новому воплощению «великого кофта» во всем. Для месье Филиппа не было в России никаких тайн — ни интимных, ни придворных, ни военных, ни государственных. Он знал все, начиная с того, какая фрейлина с кем спит, и кончая сверхсекретными сведениями о мобилизационном плане России.

Трость месье Филиппа с набалдашником в виде рыбей головы, приносящая, по мнению Николая II, удачу, всегда находилась в салон-вагоне царя во время его поездок (позднее рядом с ней была поставлена палка Распутина).

А Александра Федоровна, полная глубокого протения к новому и столь удачному воплощению графа Калиостро, восхищенно писала своему венценосному супругу: «Нац друг Филипп подарил мне образ с колокольчиком, который предупреждает меня о близости недобрых людей, мешая им подойти ко мне поближе».

Между тем по сведениям, которыми располагал в силу своего служебного положения Кортун-Белозерский, появление при русском дворе этого авантюриста не было случайностью. Важную роль в счастливой судьбе Филиппа сыграл известный агент немецкой разведки князь Михаил Михайлович Андронников, который без ложной скромности именовал себя «адъютантом господина бога» и в подтверждение этого высокого звания взятки давал только старинными иконами. Именно Андронников представил Филиппа любимой фрейлине царицы — Вырубовой, а

та, в свою очередь, привела его к Александре Федоровне. Сам же «адъютант господина бога» получил Филиппа в Лондоне в подарок не от кого иного, как от Алистера Краули, которым так интересовался Яровой. Скрываясь от французской полиции, Филипп уехал в Лондон, где вскоре оказался на мели. Краули помог неудачнику деньгами и привел его в отель к «адъютанту господина бога», который уже две недели как находился по каким-то своим делам в Лондоне. «Если его вымыть и прилично одеть, он может стать великим человеком», — сказал Краули Андронникову. И, как показало дальнейшее развитие событий, Краули на этот раз не ошибся: Филипп действительно стал одной из самых влиятельных фигур при русском дворе.

Краули и в дальнейшем не обходился вниманием своего протеже. Этот «международный прохиндей», по определению Кортун-Белозерского, сразу же понял, какую выгоду можно извлечь из близости Филиппа к царю, и организовал своеобразное коммерческое предприятие. Полученную от Филиппа информацию — военную, политическую и экономическую — Краули ухитрился продавать сразу трем, а случалось, и четырем покупателям, что, конечно, несколько сбивало цену на эти сведения, но все-таки приносило ему солидный доход. Не оставался в накладе и «адъютант господина бога», который последовательно придерживался немецкой ориентации.

Для пересылки за границу секретных материалов Краули создал в Гельсингфорсе «почтовый ящик». А позднее, когда русская контрразведка нацупала канал, по которому переправлялась шпионская почта, Краули, используя свое положение в Герметическом ордене золотой зари и связи среди масонов, организовал «почтовый ящик» в Киеве.

У Кортун-Белозерского была профессиональная память. Он не только помнил фамилии людей, с которыми был связан Краули в Гельсингфорсе и Киеве, но и их адреса, биографические сведения, привычки, внешность, образ жизни.

Все это имело для Ярового исключительно важное значение. Он уже знал, что основной узел задуманной им операции будет завязываться в Киеве, где безмятежно проводит свой отпуск, скорее всего бессрочный, бывший обер-церемониймейстер двора его величества, директор Эрмитажа граф Дмитрий Иванович Толстой и куда в самое ближайшее время должен прибыть, судя по стокгольмскому письму, шпион и международный авантюрист Ковильян-Корзухин.

VI

НА СЛЕДУЮЩИЙ день после разговора с Кортун-Белозерским Яровой выехал в Москву.

В ВЧК знали Ковильяна-Корзухина как сотрудника германского посольства и одного из участников тайных переговоров немцев с контрреволюционным подпольем «Правый центр». Но этим све-

дения о нем и ограничивались. Работы хватало и без Ковильяна-Корзухина.

Несколько больше Яровому повезло в Московском уголовном розыске, где он довольно быстро вышел на нужного ему человека — субинспектора Волкова, служившего до революции в сыскальной полиции.

— Помню этого господина и даже очень хорошо-с, — сказал он, выслушав Ярового. — Мы его на основании логики установили. Как? А вот так. Революция, ведь она не только, скажем, на честных людей, но и на мазуриков воздействие оказала. Вор у нас нынче избалованный пошел, разборчивый: не все берет, что плохо лежит. Одно подходит — другое нет. Золотишко, к примеру, возьмет, камушки — возьмет, деньжатами не побрезгает, одеждой, обувью. А предметы изящных искусств — миль пардон! От картин и бронзы рыло воротит. Почему? А потому, что не дурак. Куда ему, скажите на милость, девать картины, скульптуру, бронзу и прочие атрибуты? Нет покупателей, повывелись. Одни на юг подались, другие — за границу, третьих ЧК на «луну» отправила. Так что мы таких краж в текущем восемнадцатом году вроде бы и не имеем. И вдруг на тебе — одна кража картин, другая, третья... Анекдот! Вот и забрало меня любопытство: что за глупый домушник-интеллигент на мою голову объявился? Что за гастролер в Москву белокаменную прибыл? Покрутил своих ребят, повертел, кому хвост прищепил, кому руку — загосврили. И вовсе, говорят, не гастролер и не интеллигент, а ваш старый крестник. Борис Кузьмич, — Васька Дубонос. «Васька?!» — «Васька». — «Дубонос?» — «Дубонос». — «А не врешь, сукин сын?» — «Век свободы не видать!» Что тут будешь делать?

Стали вылавливать Ваську. Выловили. Спеленали. «Ты?» — спрашиваю. «Я», — говорит. «Свихнулся?» — спрашиваю. «Никак нет, — говорит, — сызмала ко всяким художествам слабость имею». «Что же ты, — говорю, — шесть лет по квартирам кадрили танцуешь и все мимо изящных искусств протанцовываешь, а на седьмой год вдруг в Рембрандты подался?»

Жметесь, расуразицу несет. Но куда денешься? Раскололся. В аккурат на две половины. Оказалось, наводчик у Васьки завелся. Вот этот самый господин. Он, значит, Дубоносу квартиры для пожилых указывал, а потом ворованное покупал. По дешевке, понятно, покупал, но Васька-то небалованный, не привычный к большому кушам, крохобор.

Ну на наводчиков статья соответствующая у нас имеется. И на скупщиков краденого имеется...

Квартиру этот господин на Покровке снимал, у госпожи Усатовой. Ничего такая дамочка, в самом соку, в последней стадии зрелости — и на взгляд, и на ощупь. Ничем бог не обидел: и рожича смазливая, и бюст по первому разбору — рюмку с водкой поставишь, не опрокинется, и за словом в карман не полезет.

Заявились мы к нему с обыском. Не пускает. Я, говорит, датский подданный.

А датским подданным, спрашиваю, наводкой и скупкой краденого дозволено заниматься?

Я, говорит, Ленину и Троцкому жаловаться буду.

Это, отвечаю, пожалуйста. Хоть Предсовнарком, хоть Наркомпросу. Кому хочешь, голубчик, жалуйся. На это у нас теперь полная свобода. А дверь, будь любезен, открывай, а то взломаем.

Произвели у него обыск. Персидскую бронзу из собрания Халатова изъяли, шесть картин, этюды всякие, рисунки, скульптурки и вот это...

Субинспектор покопался в заваленном папками громоздком шкафу и положил перед Яровым плотной бумаги конверт.

— Ежели желаете, можете взять.

— А что здесь?

— Фотографические карточки — и приличные и не очень, — вырезки из газет...

— Ну что ж, пригодится, — сказал Яровой, запихивая конверт в портфель.

— Чем же эта история закончилась?

— А чем она могла кончиться? К Ленину и Троцкому он, понятно, не пошел, а к моему начальству завернул, намекнул, что немцы этим инцидентом очень недовольны будут, и протест заявил.

— Ну и как?

— Что как? Прстестов у нас по сто на день. Налетчики протестуют, пострадавшие протестуют, воры протестуют, простигутки протестуют. После семнадцатого года все только и знают, что протестуют. Да-с. А насчет подданства он не соврал: действительно датское. Что же касается до немцев... В германском посольстве он служил, потому его и не взяли, не то что испугались, а поосторожничали. Вот такой водевильчик мы тогда ставдвали с куплетами и дивертисментом... Травести, травести, где мне время провестить?

Яровой спросил, где теперь находится дама с роскошным бюстом и вор-интеллигент Васька Дубонос.

— А где им быть? Оба в Москве. И оба при своем деле. Васька ворует, а мадам Усатова своего нового квартиранта округивает. Намедни встретил ее на Трубной — бутончик, так глазками и стреляет. Ежели нужны, разыщем — и его, и ее. Разыскать?

— Да нет, — сказал Яровой, — покада не требуется. А в случае необходимости...

— Ну что ж, так и порешим. Ежели потребуется, милости просим. Как говорится, чем богаты, тем и рады.

Теперь оставалось лишь встретиться с украинскими товарищами.

По замыслу Яровой — а этот замысел приобретал все более четкие очертания — именно им предстояло выполнить самую главную часть задуманной им операции «Перстенъ Люцифера».

Первый съезд коммунистов Украины, который состоялся в Москве в июле восемнадцатого года, ликвидировал так называемую «Повстанческую девятку» и образовал Всеукраинский центральный военно-революционный комитет (ВЦВРК). Его председателем стал Андрей Сергеевич Бубнов. Уезжая из Петрограда, Яровой предусмотрительно запасся письмом

466
Яковлевой к председателю ВЦВРК. Благодаря этому письму Бубнов, относившийся к Яковлевой с большим уважением и симпатией, тут же его принял, выслушал и без долгих разговоров связал с сотрудниками организованного при ВЦВРК для руководства украинским большевистским подпольем и партизанским движением Загранбюро ЦК КП(б)У.

Собеседник Яровой, плотный кражистый человек с седым ботриком густых жестких волос и выцветшими голубыми глазами, когда Яровой ознакомил его с киевской частью предполагаемой операции, спросил:

— Небось театром увлекались в гимназии?

— И в гимназии, и в университете, — подтвердил Яровой. — А что, театральщиной отдает?

— Есть немного.

— Значит, плохо?

— А вот этого я не говорил. Хороший театр не такая уж плохая штука. А какой театр без театральщины? Нет такого театра. Театральщина нужна. В меру, но нужна. Так что я не в укор, а для уточнения. Сам театрал и в любительских спектаклях в молодости участие принимал. И героем-любовником был, и благородным отцом, но лучше всего у меня суфлерство получалось. Очень хорошим суфлером был.

— Ну и какова пьеса, которую я вам предлагаю?

— Не Шекспир.

— Об этом я подозревал.

— И не Мольер.

— Об этом я тоже догадывался.

— А так вроде бы ничего, даже если учитывать, что публика в Киеве достаточно избалована, а немцы все-таки представители европейской культуры. Нет, к пьесе особых претензий нет. Вы, безусловно, человек не без способностей. Но ведь спектакль не только от пьесы зависит. И режиссер требуется хороший, и художник, и гример, и костюмер, и осветитель...

— А главное — актер, — вставил Яровой.

— Вот именно! — вскинул вверх указательный палец правой руки его собеседник.

— И как же у вас обстоят дела с актерами?

— Думаю, что вам повезло.

— Приятно слышать.

— Вы о звезде петербургского театра Василии Андреевиче Каратыгине слышали?

— Еще бы, им восхищались и Пушкин, и...

— Так вот, мы вам дадим актера, которому Каратыгин и в подметки не годится.

— Ну уж и в подметки... — сказал Яровой и тут же осекся, увидев смеющееся лицо своего собеседника.

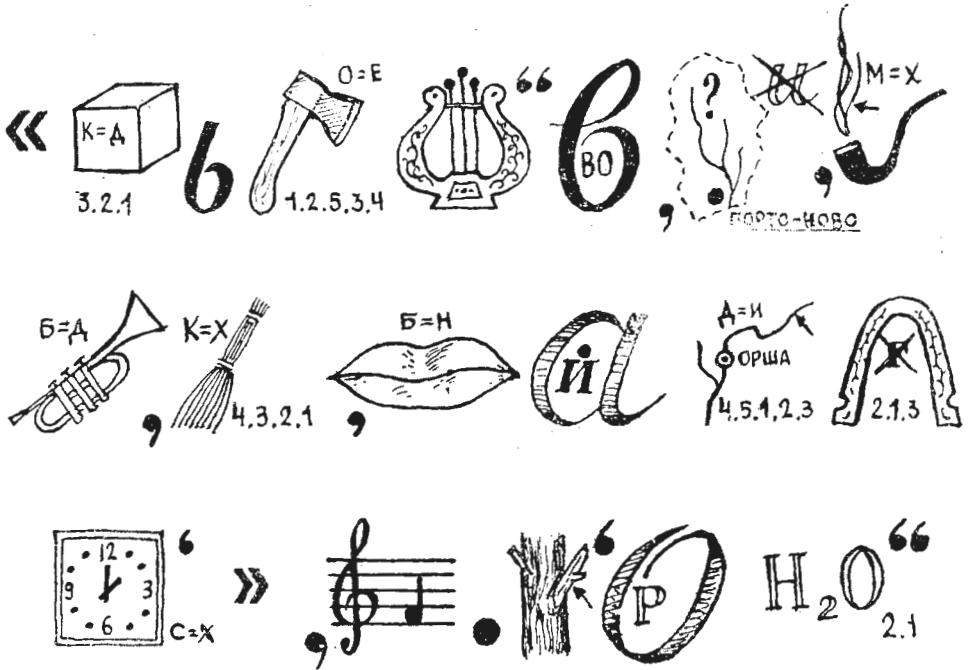
— Вы, товарищ Яровой, не знаете Кирева, — сказал тот. — Если Одесса город талантов, то Киев — родина гениев.

(Окончание следует).

ЗАДАНИЕ № 14

РЕБУС

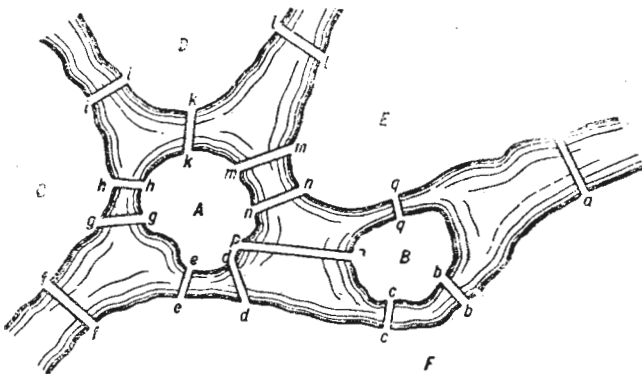
Составил грапорщик А. Беспмятных.

ЗАДАНИЕ № 15

ШЕСТНАДЦАТЬ ОФИЦЕРОВ

Собрались вместе 16 офицеров четырех полков. Из каждого полка прибыло по четыре офицера разных званий (полковник, майор, капитан, лейтенант). В зале стоит 16 кресел, расположенных в виде квадрата размером 4 x 4. Как рассадить этих офицеров, чтобы в любом ряду, параллельном стороне квадрата, был офицер каждого звания и представитель каждого полка?

ЗАДАНИЕ № 16

ПЯТНАДЦАТЬ МОСТОВ

Через протоки переброшено пятнадцать мостов (см. рис.). Можно ли обойти все мосты, пройдя по каждому только один раз?

СКОЛЬКО ЯИЦ В ЛУКОШКЕ?

Пришел крестьянин на базар и принес лукошко яиц. Торговцы его спросили: «Много ли у тебя в том лукошке яиц?» Крестьянин молвил им так: «Я всего не помню наперечень, сколько в том лукошке яиц. Только помню: переключивал я те яйца в лукошко по 2 яйца, то одно яйцо лишнее осталось на земле; и я клал в лукошко по 3 яйца, то одно же яйцо осталось; и я клал по 4 яйца, то одно же яйцо осталось; и я клал по 5 яиц, то одно же яйцо осталось; и я их клал по 6 яиц, то одно же яйцо осталось; и я клал их по 7 яиц, то ни одного не осталось. Сочти мне, сколько в том лукошке яиц было?»

ЗАДАНИЕ № 18

МАЛЬЧИКИ И ЯБЛОКИ

Трое мальчиков имеют по нескольку яблок. Первый из мальчиков дает другим столько яблок, сколько каждый из них имеет. Затем второй мальчик дает двум другим столько яблок, сколько каждый из них теперь имеет; в свою очередь и третий дает каждому из двух других столько, сколько есть у каждого в этот момент. После этого у каждого из мальчиков оказывается по 8 яблок.

Сколько яблок было вначале у каждого мальчика?

ЗАДАНИЕ № 19

Предложил младший сержант
В. Бакулин

КТО ЕСТЬ КТО?

В одном из вагонов поезда случайно встретились несколько офицеров: 3 лейтенанта и 2 старших лейтенанта. В соседнем купе ехал внимательный человек. Прислушиваясь к беседе офицеров, он определил звание каждого и рода войск, в которых они служили. Попробуйте сделать то же самое, если известно:

1. Петров и офицер-связист — одного звания;
2. Салихову не надо овладевать мастерством офицера-танкиста;
3. Офицер-артиллерист вместе с Рыцовым и Гладких часто ловят рыбу у Салихова на даче;
4. Химик и танкист просили связиста помочь разобраться Гладких с его телефоном;
5. Офицер-связист давал совет Салихову в выборе рода войск;
6. Гладких по званию старше Петрова, а Рыцов старше Салихова;
7. Крайне внимательно листал цветные обложки журналов;
8. Сапер пытался связать беседу с последними событиями.

ЧИТАЙТЕ

И никто из командиров не поинтересовался, где бывший подчиненный, что с ним! Даже после нашего разговора не признали ошибки, остались уверены в своей непогрешимости.

Журналист исследует перво-причину обиды прапорщика запаса на войска.

* * *

Новая рубрика «Вне закона» расскажет об истории появления, образе жизни и преступной деятельности «воров в законе».

Со статьей, написанной специально для нашего журнала, выступает доктор юридических наук А. ГУРОВ.

В СЛЕДУЮЩЕМ

«На безымянном пальце правой руки господина Ланге красовался странной формы перстень. Дмитрий Иванович готов был поклониться, что еще минуту назад этого перстня не было. Толстой как замороженный смотрел на покоящуюся на подлокотнике кресла руку странного гостя, не в силах оторвать глаз от детского на палец перстня».

Юрий КЛАРОВ.
«Перстень Люцифера» (окончание).

НОМЕРЕ

ВРЕМЕНА ГОДА

ОЧЕЙ ОЧАРОВАНЬЕ...

Все чаще по утрам солнце поднимается в тумане, по ночам бывает прохладно — без спальника или одеяла в палатке не обойтись. Тут и календаря не требуется, чтобы понять: на смену лету пришла осень.

Но стоит прогреться воздухом, как перестаешь думать о приближении нудных морозящих дождей, о слякоти, промозглom ветре, когда уже не до отдыха на природе.

Оглянешься вокруг и, завороженный необычайной красотой сентября, забудешь обо всем на свете. Нарядно в эту дивную пору в поле, в лесу. Загораются листвою деревья. Травы, цветы, кустарники дополняют этот причудливый букет ярких красок.

Осень — одно из лучших времен года для любителей собирать грибы, ягоды. С нетерпением ждут ее всегда охотники — это и их долгожданная пора. Ну а о рыбаках и говорить не приходится, для большинства из них осенние вылазки на речку, озеро — самые удачливые. И это не удивительно: рыба, предчувствуя приближение холодов, спешит накопить на зиму больше жира, усиленно питается, охотнее берет приманку. Наиболее уловистыми бывают тихие утренние зори, когда нежаркое солнце только начинает свой неторопливый путь по небосклону.

У ОХОТНИЧЬЕГО КОСТРА

РЫЖАЯ ПЛУТОВКА

Поздней осенью охотился я на одном лесном озере. Уток на нем оставалось уже мало и тем более приятно было добыть зажившую птицу. Мне повезло: на вечерней зорьке на скрадок налетел одетый в яркий мужской наряд кряквовый селезень. После выстрела он комом шлепнулся в воду. Однако тут же нырнул и... пропал. Зная из практики, что подранок стремится выбраться на сухое место, я обошел весь берег заливычка. Но селезень не нашел.

На следующий день перед рассветом я опять сел в скрадок, надеясь, что подранок выплывет на чистую воду. Увы. Уже собрался покинуть скрадок, как услышал в кустах возню и лопот крыльев. Вскочив на ноги, стремительно раздвинул кусты. Метрах в двадцати я увидел лису с селезнем в зубах. Воронка убежала в глубь кустарника.

В последующие дни мне не раз приходилось видеть мелькающую в оголившемся осеннем кустарнике рыжую шубку. Очевидно, не только мой подранок попал в зубы хитрой охотнице.

Ф. САВИНСКИЙ.

А ВОТ БЫЛ СЛУЧАЙ

БАЛАМУТ

«Ставрида подошла!» Эти магические слова со скоростью электрического тока разнеслись по всему Батуми. И сотни рыбаков-любителей из центра города и его окраин устремились к берегу моря.

Побежал туда и я, благо был выходной день и мне разрешили не приходить в роту. Первый заброс. Пусто. Безуспешными оказались вторая, третья, десятая попытки. Обидно. Однако духом не падаю.

Хватка последовала неожиданно. Вначале подумалось: зацеп. Так сильно натянулась леска. Но стоило мне немного ослабить ее, как она быстро пошла в сторону. Сидит ставрида! И приличная! Радостно бьется сердце, а руки привычно выбирают снасть.

Рыба между тем вытворяла невиданные трюки. То она бросалась в сторону, то выплывала наверх, то устремлялась ко дну. Уже у самого берега она дала «свечу» — выгетела из воды. Это была ее последняя попытка освободиться от крючка.

Вытащенная на берег добыча походила на ставриду, но была толще, круглее, массивнее.

— Это черноморский баламут, иначе — макрель, — сказал один из знатоков. — Он очень психованный, путает сети, обрывает крючки. Словом, баламут. А мясо у него вкусное.

Полторакилограммовый баламут так запутал поводок «самодура», что о дальнейшей рыбалке не могло быть и речи. Однако это меня в тот раз не очень-то огорчило.

А. ОЖИГАНОВ.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Самая крупная рыба наших вод — белуга, достигающая веса больше тонны и длины 6 метров, а самая маленькая — бычок Берга, населяющий южные моря. Бычки в 3 сантиметра длиной выглядят среди своих сородичей великанами.

* * *

Окунь в два раза лучше человека различает одно и то же движение, а рыбка верховка — во столько же раз хуже.

* * *

В таймырских озерах обитает бычок, который откладывает икру всех цветов радуги: желтую, красную, синюю, фиолетовую...

* * *

Только в Карелии озер площадью свыше одного гектара насчитывается около 61 тысячи.

Н. Фетинов.

РЫБАЦКИЙ ОПЫТ

Рыбацкая удача — на леске и крючке.

Клев может быть хороший, а улов негодный.

Рыболов без хорошей снасти что солдат без оружия.

У ерша два пути, считает рыболов: либо быть бесславно съеденным щукой, либо удостоиться большой чести — попасть в рыбацкую уху.

Иногда самое главное — вовремя уехать с рыбалки.

Рыба рыбака не ждет.

*Собрал И. МАЛИНИН.
Фото Б. ПОПОВА.*

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

«НА БОЕВОМ ПОСТУ»

КАЖДЫЙ НАШ ЧИТАТЕЛЬ НАЙДЕТ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА ИНТЕРЕСНЫЕ И ПОЛЕЗНЫЕ ДЛЯ РАБОТЫ ПУБЛИКАЦИИ:

- статьи, рассказывающие о ходе перестройки в деятельности войск на современном этапе
- корреспонденции о передовом опыте командиров, политорганов, штабов, партийных и комсомольских организаций, специалистов служб тыла
- очерки о лучших людях войск, мастерах боевой службы, активистах-общественниках, прославленных спортсменах-динамовцах
- письма читателей по самым разнообразным вопросам, консультации и справочный материал
- литературные произведения известных писателей В. Пикуля, М. Прудникова, О. Горчакова, А. Адамова, а также прозу и поэзию войсковых авторов

ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ НЕОБХОДИМО:

- Пересылку заказов и расчеты с редакцией производить через финансовые органы в порядке подчиненности.
- Бюджетную и индивидуальную подписку оформлять одним заказом.
- В адресе для доставки журнала указывать почтовый индекс, номер почтового отделения, район, область, край, республику.
- Заказ составлять на все войска по управлению (соединению, училищу) с приложением списка адресов частей, подразделений и указанием количества экземпляров журнала на год и полгода.
- При невозможности выслать заказ к установленному сроку необходимо предупредить об этом редакцию.

Заместителям командиров частей по политической части и общественным распространителям печати следует контролировать поступление журнала в войсковую часть, проверять, все ли подписчики его получили. В случае несвоевременной доставки номеров журнала обратиться к начальнику почтового отделения или начальнику городского агентства „Союзпечать“ и сообщить по адресу: 111250, Москва, Е-250, редакция журнала „На боевом посту“.

Подписная цена на год — 6 руб. 60 коп.